

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;
 Бабич И.Л., д.и.н.;
 Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,
 Почетный работник юстиции России;
 Мельников С.А., д.ю.н.;
 Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;
 Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;
 Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;
 Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;
 Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;
 Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;
 Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;
 Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор;
 Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;
 Зенин С.С., к.ю.н.;
 Клименко А.И., д.ю.н., доцент;
 Недобезжин С.В., к.ю.н., доцент;
 Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор**Издательской группы «Юрист»:**

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора**Издательской группы «Юрист»:**

Бабкин А.И.,
 Белых В.С.,
 Ренов Э.Н.,
 Платонова О.Ф.,
 Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование**и корректура:**

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Политика и право: взаимопроникновения

- Никитина А.Д.** Наложение санкций в праве государств — Ашшур и Вавилонии во II тыс. до н.э. Попытка законодательного закрепления личной свободы 3
- Суццова Е.А., Правкин С.А.** Демократические идеи и консервативные начала в исследовании древней истории русского права В.И. Сергеевича 8
- Мансуров Г.З.** О применении принципа историзма при оценке отечественных правителей-реформаторов (на примере И.В. Сталина) 13
- Билалутдинов М.Д.** Отто Кольройтер о государственно-правовом устройстве Третьего рейха 19
- Воропанов В.А.** Судебно-юрисдикционная политика российской верховной власти в отношении коренных народов областей Поволжья и Урала в XVI–XVII вв. 24
- Боннер А.Т.** Смерть царевича Димитрия: несчастный случай или умышленное убийство? 29
- Корнев А.В.** Национализм, государство, или Почему рушатся империи? Рецензия на книгу: Станкевич З.А. Советский Союз. Обрыв истории 38
- Аубакирова И.У.** Политико-правовая традиция: некоторые аспекты теоретико-правового анализа 48
- Небратенко Г.Г., Попов Н.В.** Формально-юридическое исследование российских североамериканских владений (XVIII в.) 55
- Авдеева О.А., Знамеровский Е.В., Авдеева Е.В.** Правовые теории образования Древнерусского государства 60

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
 Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
 Центр редакционной подписки:
 (495) 617-18-88 (многоканальный).
 Формат 170x252 мм. Печать офсетная.
 Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.
 Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.
 Номер подписан в печать 24.10.2017.
 Номер вышел в свет 16.11.2017.
 Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы: Роспечать — 47643;
 Каталог российской прессы — 10866;
 Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).
 Также можно подписаться на www.gazety.ru
 Отпечатано в типографии
 «Национальная полиграфическая группа».
 248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
 Тел.: (4842) 70-03-37.
 Журнал включен в базу данных
 Российского индекса научного цитирования
 (РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 22 / 2017

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl № ФЦ77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Politics and law: interpenetration

Nikitina A.D. Imposition of Sanctions in Laws
of Ashshur and Babylonia in the II Century BC.
Attempt to Legislatively Recognize Personal Freedom..... 3

Suntsova E.A., Pravkin S.A. Democratic Ideas
and Conservative Fundamentals in Research
of Ancient History of Russian Law by V.I. Sergeevich..... 8

Mansurov G.Z. On Application of Historical Principle
at Assessment of National Reformist Rulers
(on Example of I.V. Stalin) 13

Bilalutdinov M.D. Otto Kolreuter on State
and Legal Structure of the Third Reich 19

Voropanov V.A. Judicial and Jurisdictional Policy
of the Russian Supreme Authority in Respect
of Indigenous Peoples of the Volga and Ural Territories
in the XVI–XVII Centuries..... 24

Bonner A.T. Death of Tsarevich Dmitry:
Accident or Murder? 29

Kornev A.V. Nationalism, State or Why Empires
Crash. Review of the Book: The Soviet Union.
Discontinuity of History by Z.A. Stankevich 38

Aubakirova I.U. Political and Legal Tradition:
Some Aspects of Theoretical and Legal Analysis 48

Nebratenko G.G., Popov N.V. Formal Legal Research of
Russian North American Dominions (the XVIII Century)... 55

Avdeeva O.A., Znamerovsky E.V., Avdeeva E.V.
Legal Theories of Establishment of the Old Russian State 60

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 5,0.

Conventional printed sheet 5,0.

Passed for printing 24.10.2017.

Issue was published 16.11.2017.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;

Catalogue of the Russian press — 10866;

United Catalogue — 85492 (for 6 months)

and on www.gazety.ru

Printed by "National Polygraphic Group".

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

DOI: 10.18572/1812-3805-2017-22-3-7

Наложение санкций в праве государств — Ашшура и Вавилонии во II тыс. до н.э. Попытка законодательного закрепления личной свободы

*Никитина Анна Дмитриевна,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Российского государственного социального университета,
доктор исторических наук
Nikitanna75@gmail.com*

В статье рассмотрены сходство и различия санкций, зафиксированных в двух наиболее известных древневосточных нормативных источниках — Законах царя Хаммурапи (первая половина XVIII в. до н.э.) и «Среднеассирийских законах» (конец XIII в. до н.э.). Указанное сходство санкций за преступления средней тяжести и тяжкие демонстрирует первоначальную близость правовых культур Старовавилонского царства и государства с центром в Ашшуре. Специфика наложения и применения санкций при этом не оставляет сомнений в том, что они использовались в рамках совершенствования различных правовых культур. Первая из них станет импульсом для дальнейшего формирования правового статуса подданного, целиком зависящего от близости к власти, вторая — правового статуса гражданина, равноудаленного от власти.

Ключевые слова: юридические санкции на Древнем Востоке, правовая культура Старовавилонского царства, правовая культура государства Ашшур, пенитенциарная система на Древнем Востоке.

Imposition of Sanctions in Laws of Ashshur and Babylonia in the II Century BC. Attempt to Legislatively Recognize Personal Freedom

*Nikitina Anna D.
Assistant Professor of the Department of Civil Law
and Procedure of the Russian State Social University
Doctor of History*

The article examines the similarities and differences in the sanctions recorded in the two most famous ancient oriental sources — the Codex of King Hammurabi (the first half of the 18th century BC) and the Assyrian laws (late 13th century BC). This similarity of sanctions for crimes of medium gravity and grave crimes demonstrates the initial closeness of the legal cultures of the Old Babylonian kingdom and the state of Ashur. Specificity of imposing and applying sanctions leaves no doubt that they were used in the framework of improving various legal cultures. The first of them will give impetus to the further formation of the legal status of a subject completely dependent on proximity to power; the second will give impetus to the further formation of the legal status of a citizen equidistant from power.

Key words: Legal sanctions in the ancient East, the legal culture of the Old Babylonian kingdom, the legal culture of the state of Ashur, the penitentiary system in the ancient East.

Исследованию различных видов санкций, известных нам по древневосточным правовым источникам, формализованных публичной властью, за последние десятилетия было посвящено достаточно много исследований как отечественных историков права и юристов, так и зарубежных правоведов, таких как Г. Нейман из Германии, и французских специалистов во главе с Д. Шарпенем¹.

Однако до настоящего времени далеко не все аспекты указанной темы изучены в полном объеме.

Прежде чем приступить к рассмотрению интересующего нас аспекта, необходимо сказать несколько слов о самом предмете исследования, об известных нам видах санкций.

Mesopotamien // Manthe, U. Die Rechtskulturen der Antike (vom Alten Orient bis zum Römischen Reich). München : C.H.B., 2003, pp. 55–122; Charpin, D. La vie méconnue des temples mésopotamiens. P. : CDF, 2017, pp. 61–85.

¹ Батыр К.И., Исаев И.А., Филиппова Т.П. История государства и права зарубежных стран. М. : ТК Велби, 2012. С. 25–32; Neumann, H. Recht im antiken

В рамках данной статьи мы не сможем продемонстрировать все виды санкций, поскольку их число слишком велико. Выход из данной ситуации мы обнаружили, сгруппировав интересующие нормативные акты по тяжести преступлений или правонарушений, которые последние регулируют, запрещают или предупреждают. Таким образом, мы представим общую формальную картину политики государства в правовой сфере.

В качестве нормативной базы по исследованию интересующего вопроса мы использовали знаменитые и сохранившиеся в нескольких списках Законы Хаммурапи (ЗХ (конец первой половины XVIII в. до н.э.))² и имеющие значительно худшую сохранность т.н. «Среднеассирийские законы» (САЗ)³, частично зафиксированные в последней четверти II тыс. до н.э., но содержащие примеры судебных решений ашшурского городского суда по прецедентам XIX–XIII вв. до н.э.

Все известные нам по указанным нормативным документам санкции можно условно разделить на два вида. Первый — те из них, которые налагались за такие виды преступлений, которые в современном законодательстве относятся к тяжким и особо тяжким, второй — наказания по преступлениям средней тяжести. Преступления небольшой тяжести и правонарушения рассматривались, как мы знаем из частного-правовых документов, в рамках юрисдикции судебных инстанций отдельных общин согласно обычному праву.

Для начала рассмотрим нормы ЗХ. К тяжким преступлениям в ЗХ относятся убийства, кражи, порча имущества при краже, грабежи, клевета в рамках судебного процесса или в заседании совета общины, прелюбодеяние, сексуальное насилие над свободной женщиной, насилие в отношении отца и приемного отца, непредумышленное убийство и причинение увечий.

Санкции по тяжким преступлениям в ЗХ не носят альтернативного характера и представляют собой верхний порог возможного наказания.

Таким верхним порогом санкций всегда была смерть, средним — нанесение различных физических увечий (отрезание уха, руки и др.). Если объектом преступления являлся свободный человек или царский служащий (*muškēnum*), санкции всегда носят менее жесткий характер, если же неполноправный член семьи или раб — более.

В реальной жизни судьи, руководствуясь и нормами, санкционированными публичной властью, и обычным правом, как мы знаем из частного-правовых документов, чаще всего использовали нижний порог санкций — штрафы от одно- или троекратного увеличения суммы до тридцатикратного, если вор украл собственность храма или царя⁴.

При этом очень строго карались преступления, попирающие общественную мораль, где санкции носили охранительный характер (ст. 154 и 155).

В санкциях часто использовался принцип талиона (ст. 186 и 200), в том числе встречается и т.н. «непрямой» талион, как в ст. 127, где одной из частей кумулятивной санкции является нанесение на свободного человека т.н. «рабского знака» (автоматическое понижение его социального статуса) в наказание за клевету на замужнюю женщину или жрицу⁵.

Американский ученый Р. Вестбрук также справедливо выделяет в обособленный вид санкций т.н. «субсидиарный» талион⁶. К примеру, в ст. 28, где сын воина (*ređum*) несет за своего отца службу ввиду отсутствия последнего и пользуется выделенными царем землей и домом⁷.

Переходя к рассмотрению санкций по преступлениям средней тяжести, необходимо отметить, что, как и в случае с первым видом, рассмотренным выше, мы практически не встречаем наложения сложных кумулятивных видов наказаний.

Санкциями для преступлений средней тяжести обычно бывают денежные штрафы либо физические увечья (для рабов). Здесь наиболее интересным для исследователя фактом является то, что по ЗХ мы не можем безошибочно определить, по каким из санкций правоприменение носило сугубо публичный характер, а по каким ограничивались присутствием свидетелей рассмотренного дела.

К примеру, в ст. 195 сыну, ударившему отца, отрубали в качестве наказания руку⁸. Однако в тексте закона не оговаривается, как будет производиться экзекуция — публично или только при свидетелях и предполагает ли такое наказание прямое осуждение со стороны общины.

Однако есть одна любопытная статья 202, в которой мы обнаруживаем, что ударам

² Finet, A. La code de Hammurabi. P. : LAPO, 2004, pp. 33–153.

³ Cardascia, G. Les lois assyriennes. P. : LAPO, 1969, pp. 92–232.

⁴ *Rendre la justice en Mesopotamie* (Archives judiciaires du Proche-Orient ancien (III–I millénaires avant J.–C.)). Saint-Denis : PUV, 2000, pp. 69–111.

⁵ Finet, A. Op. cit., pp. 98, 111–112, 115, 87–88.

⁶ Westbrook, R. A history of ancient near eastern law, v. I–II, v. I. Leiden-Boston : LU, 2003, p. 394.

⁷ Finet, A. Op. cit., pp. 55.

⁸ Ibid, p. 115.

плетью на собрании общины должен быть подвергнут человек, ударивший другого, стоящего выше него по статусу⁹. В данном случае мы также сталкиваемся с важностью социального статуса для жителей Старовавилонского царства. Именно такое наказание, где виновный не равен по статусу жертве, должно было приводиться в исполнение публично.

И наиболее интересным нам представляется тот факт, что ЗХ не зафиксировали в старовавилонском праве санкций с использованием пенитенциарной системы. Сам термин «тюрьма» (*šibittum*) существовал в Древней Вавилонии и в более ранние периоды. Так называлась, к примеру, пристройка к храму Шамаша (в городе Сиппар), где располагалась одна из наиболее важных судебных инстанций в Вавилонии и куда отправляли подозреваемых в тяжких и особо тяжких преступлениях¹⁰. Вина таких обвиняемых, вероятно, не могла быть полностью доказана, поэтому судьи надеялись на раскаяние и чистосердечное признание, создавая для узников невыносимые физические и психические условия содержания (к примеру, отсутствуют сведения о том, что им давали пищу)¹¹. Конечно, такая «тюрьма» имеет мало общего с современными пенитенциарными учреждениями.

На севере Месопотамии, в государстве с центром в Ашшуре, пользовались более гуманными и экономически выгодными формами санкций. Осужденных селили, вероятно, вместе с царскими людьми или жрецами, и под присмотром последних узники были обязаны выполнять общественные работы.

Теперь обратимся к системе санкций, содержащейся в юридических прецедентах государства Ашшур, которые принято в науке называть «Среднеассирийскими законами».

Так же как и в ЗХ, в САЗ санкции делятся на два вида: по тяжким преступлениям и преступлениям средней тяжести.

Они налагаются по тому же составу преступления, как и в ЗХ (кроме жесвидательства, которое в САЗ относится к преступлениям средней тяжести). В первом случае санкции часто дублируют те, которые содержатся в ЗХ (при этом принцип талиона применяется значительно реже).

Также часто встречается непосредственная альтернативность санкций (ст. 2, таблички В и О, 5 и 25, табличка А, 3, табличка М). К примеру, в первой из них зафиксировано, что если один из братьев, чье имущество после смерти отца не было выделено из общего, совершит убийство, то глава семейства, к ко-

торому принадлежал убитый, может либо его убить, либо взять себе его наследственную долю после выдела имущества¹².

Отдельные виды санкций налагались царем по некоторым видам воровства и рецидивам краж (ст. 9 и 11, таблички С и G), колдовству (ст. 47, таблички А), несоблюдению норм морали¹³.

В трех случаях право налагать санкции на жену за убийство, воровство и прелюбодеяние, виновницей которого суд признал супругу, предоставлялось самому супругу (наказанием при этом могло быть как физическое увечье, так и смерть подозреваемой). Бесспорно, такие юридические прецеденты можно считать наиболее архаичными, относящимися к нормам обычного права.

Однако наиболее интересными для исследователя являются санкции, налагаемые за преступления средней тяжести.

С одной стороны, в данном случае санкции в САЗ значительно жестче по сравнению с ЗХ, но интересно другое: практически все санкции, налагаемые за преступления, которые в современном законодательстве рассматриваются в рамках гражданского права, представляют собой не простые, а сложные кумулятивные санкции (в общей сложности — 16 статей).

Рассмотрим для примера самый простой прецедент — ст. 9, таблички В и О. За нарушение т.н. «малой межи», т.е. присоединение к своему участку части общинной земли, не доставшейся виновному по жребию, он должен был не только выплатить материальную компенсацию в 1 талант (более 30 кг) свинца и вернуть сам присоединенный участок, но и отдать обратно общине участок, в два раза превышающий незаконно занятый. Кроме этого, он подвергался наказанию в виде публичной порки (50 ударов палками) и месяц должен был исполнять царскую службу¹⁴. Для сравнения, в ЗХ за похожее преступление налагался штраф в виде компенсации зерном после сбора урожая с указанного участка (ст. 53 и 54 ЗХ)¹⁵.

Рассмотрим другой пример. Статья 18, табличка А, САЗ является идентичной уже упомянутой выше ст. 127 ЗХ, но в САЗ, кроме публичной порки и налога т.н. «рабского знака» (сбривание волос на половине головы), еще зафиксирован штраф, а также месяц царской службы¹⁶.

¹² Ibid, pp. 97–99, 111–114, 93–155, 293–294.

¹³ Ibid, pp. 312–315, 230–236, 201–207.

¹⁴ Ibid, pp. 276–279.

¹⁵ Finet, A. Op. cit., pp. 66–67.

¹⁶ Ibid, pp. 87–88; Cardascia, G. Op. cit., pp. 130–133.

⁹ Ibid.

¹⁰ Charpin, D. Op. cit., p. 62.

¹¹ Ibid, pp. 84–85.

Таким образом, с одной стороны, мы можем отметить большую жесткость, публичность и, соответственно, более тесные социальные контакты внутри общины, что может быть связано, как полагали отечественные специалисты, и с архаичностью некоторых из исследуемых норм¹⁷.

С другой стороны, с точки зрения современного права, система санкций была значительно более детально разработана, чем в ЗХ, имелось значительное число альтернативных санкций, что демонстрирует иную структуру формирования САЗ, где судебные прецеденты, относящиеся к различным периодам, могли быть зафиксированы в рамках одного документа.

Но самым любопытным является тот факт, что одним из элементов сложных кумулятивных санкций была т.н. «царская служба» (*šīpar šarri*), т.е. фактическое лишение свободы сроком от 20 до 40 дней. Чаще всего мы встречаем срок в месяц. Свободный человек, отбывающий наказание, должен был исполнять, говоря современным языком, различные общественные работы с царскими рабами или служащими в хозяйстве правителя и, вероятно, содержаться под их присмотром. На срок отбывания наказания свободный общинник временно лишался свободы, приобретая правовой статус заложника.

Подобным же правовым статусом, к примеру, обладала дочь свободного общинника, отданная в залог отцом за долги. Как сообщает нам ст. 48, табличка А, если отец такой дочери умрет, а кредитор покойного захочет взять ее в жены, то он сможет сделать это только по прошествии месяца, после смерти отца девушку, если ее брат не сможет ее выкупить¹⁸. Правовой статус дочери, таким образом, такой же, как и у свободного общинника, отбывающего наказание, только последний после его завершения станет формально свободным, тогда как девушка может получить свободу, если ее брат или другой наследник ее отца заплатит долг последнего, а может, наоборот, стать рабыней, т.е. собственностью кредитора ее отца.

Таким образом, в САЗ мы отмечаем использование полного набора разного вида санкций в рамках единичного применения права: регулятивная часть кумулятивной санкции — штраф или возвращение имущества в увеличенном размере, обязывающая часть — отработка месяца царской службы, публично-охранительная — от 20 до 100 па-

лочных ударов, в редких случаях — физические увечья (прокалывание ушей, отрубание пальцев и др.)¹⁹.

Однако, если мы обратимся к частно-правовым документам XIX в. до н.э., то обнаружим, что и физические увечья, и палочные удары зафиксированы в качестве реальных судебных санкций в единичных случаях²⁰. Этот факт не должен вызывать удивление, поскольку отрабатывать царскую службу в течение месяца после 20 палочных ударов физически будет крайне затруднительно, а после 100 осужденный просто может не остаться в живых.

И, таким образом, фактически самым серьезным наказанием, которое мог понести свободный общинник за преступления средней тяжести, была именно царская служба.

В заключение мы хотели бы отметить, что для свободных общинников из Ашшура и его торговых колоний в период процветания последних, большинство из которых были купцами или ремесленниками, месяц царских работ был не просто отбыванием физически тяжелого наказания, он реально мог привести их к банкротству и, соответственно, к возможному рабству. Личная свобода таких людей была непосредственно связана с их правовой культурой, с их действиями в рамках правового поля, а свобода для них имела максимально возможную ценность.

Иное значение в социальном и правовом статусе общинника имела свобода для жителей Старовавилонского царства. Для этих социальных категорий наиболее важен был их социальный и правовой статус при рождении (или усыновлении), поскольку для общинников грань между свободой и рабством была значительно тоньше. В частно-правовых документах отмечены случаи, когда общинники на протяжении жизни теряли свободу несколько раз, постоянно меняя свой статус. Но вернуть свою свободу они могли только в том случае, если имели правовой статус свободного общинника при рождении или при усыновлении.

Царь Хаммурапи пытался хотя бы на некоторое время ограничить повсеместное обращение в долговое рабство, строго установив его срок в три года (ст. 117)²¹. Эту же цель преследовали издававшиеся не только Хаммурапи, но и другими вавилонскими правителями указы о «справедливости» (*mišarum*)²², но и

¹⁹ Ibid, pp. 201–207.

²⁰ Michel, C. *Correspondance des marchands de Kaniš*. P. : LAPO, 2001, pp. 419–512.

²¹ Finet A. *Op. cit.*, pp. 83.

²² См. подробнее: Никитина А.Д. Первая в мировой истории налоговая амнистия. Указ о справедливо-

¹⁷ Дьяконов И.М., Дунаевская И.М., Магазинер Я.М. Законы Вавилонии, Ассирии, Хеттского царства // Вестник древней истории. 1952. № 3. С. 223–289.

¹⁸ Cardascia, G. *Op. cit.*, pp. 237–239.

они уже не могли остановить процесс разложения общинных и храмовых хозяйств.

Однако вероятно, что при свертывании деятельности системы торговых колоний с центром в Ашшуре в конце XIX в. до н.э. именно царская служба из тяжелого наказания переходит в разряд наиболее приемлемого вида санкций, что, естественно, изменит и правовой, и социальный статус свободных торговцев-общинников.

Рассмотрев различные виды санкций, содержащихся в ЗХ и САЗ, мы можем отметить, что их формальная схожесть демонстрирует первоначальную близость правовых культур Старовавилонского царства и государства с центром в Ашшуре. Однако специфика на-

ложения и применения санкций не оставляет у исследователя сомнений в том, что они использовались в рамках совершенствования различных правовых культур. Для первой из них, вавилонской, был наиболее важен социальный статус субъекта права, определяющий его правовой статус; для второй (ашшурской) — осознание социально-экономической ценности свободы, непосредственно влияющее на возможность правоприменения и реализации прав (говоря языком современного права, на правоспособность и правосубъектность) со стороны непосредственного участника правоотношений.

Первая из выявленных особенностей наложения санкций станет толчком в дальнейшем формировании правового статуса подданного, целиком зависящего от близости к власти; вторая — правового статуса гражданина, равноудаленного от власти.

сти (mišarum) царя Аммицадуки и его влияние на частноправовые документы в Вавилонии первой половины II тыс. до н.э. // История государства и права. 2011. № 11. С. 17–21.

Литература

1. Батыр К.И. История государства и права зарубежных стран / К.И. Батыр, И.А. Исаев, Т.П. Филиппова. М.: ТК Велби, 2012. 496 с.
2. Дьяконов И.М. Законы Вавилонии, Ассирии, Хеттского царства / И.М. Дьяконов, И.М. Дунаевская, Я.М. Магазинер // Вестник древней истории. 1952. № 3. С. 223–289.
3. Никитина А.Д. Первая в мировой истории налоговая амнистия. Указ о справедливости (mišarum) царя Аммицадуки и его влияние на частноправовые документы в Вавилонии первой половины II тыс. до н.э. / А.Д. Никитина // История государства и права. 2011. № 11. С. 17–21.
4. Cardascia, G. Les lois assyriennes / G. Cardascia. P.: LAPO, 1969. 359 p.
5. Charpin, D. La vie méconnue des temples mésopotamiens / D. Charpin. P.: CDE, 2017. 254 p.
6. Finet, A. La code de Hammurabi / A. Finet. P.: LAPO, 2004. 173 p.
7. Manthe, U. Die Rechtskulturen der Antike (vom Alten Orient bis zum Römischen Reich) / U. Manthe. München: C.H.B., 2003. 347 p.
8. Michel, C. Correspondance des marchands de Kaniš / C. Michel. P.: LAPO, 2001. 601 p.
9. Rendre la justice en Mesopotamie (Archives judiciaires du Proche-Orient ancien (III–I millénaires avant J.–C.)). Saint-Denis: PUV, 2000. 263 p.
10. Westbrook, R. A history of ancient near eastern law, v. I–II, v. I / R. Westbrook. Leiden-Boston: LU, 2003. 402 p.

References

1. Batyr K.I., Isaev I.A., Filippova T.P. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran, 4-e izd. [History of State and Law of Foreign Countries, 4th edition]. Moscow: TK Velbi, 2012. 496 p.
2. Dyakonov I.M., Dunaevskaya I.M., Magaziner Ya.M. Zakony Vavilonii, Assirii, Khettskogo tsarstva [Laws of Babylonia, Assyria, the Hittite Empire] // Vestnik drevnej istorii. Bulletin of Ancient History. 1952. No. 3, pp. 223–289.
3. Nikitina A.D. Pervaya v mirovoj istorii nalogovaya amnistiya. Ukaz o spravedlivosti (mišarum) tsarya Ammitsaduki i ego vliyanie na chastnopravovye dokumenty v Vavilonii pervoj poloviny II tys. do n.e. [First Tax Amnesty in World History. King Ammi-Saduqa's Justice Edict (Mišarum) and Its Influence on Private Law Documents in Babylonia in the First Half of the II Millennium BC] // Istoriya gosudarstva i prava. History of State and Law. 2011. No. 11, pp. 17–21.
4. Cardascia G. Les lois assyriennes. P.: LAPO, 1969. 359 p.
5. Charpin D. La vie méconnue des temples mésopotamiens. P.: CDE, 2017. 254 p.
6. Finet A. La code de Hammurabi. P.: LAPO, 2004. 173 p.
7. Manthe U. Die Rechtskulturen der Antike (vom Alten Orient bis zum Römischen Reich). München: C.H.B., 2003. 347 p.
8. Michel C. Correspondance des marchands de Kaniš. P.: LAPO, 2001. 601 p.
9. Rendre la justice en Mesopotamie (Archives judiciaires du Proche-Orient ancien (III–I millénaires avant J.C.)). Saint-Denis: PUV, 2000. 263 p.
10. Westbrook R. A history of ancient near eastern law, v. I–II, v. I. Leiden-Boston: LU, 2003. 402 p.

DOI: 10.18572/1812-3805-2017-22-8-12

Демократические идеи и консервативные начала в исследовании древней истории русского права В.И. Сергеевича

*Сунцова Елена Анатольевна,
заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
suntsovanelly@mail.ru*

*Правкин Сергей Алексеевич,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Московского университета имени С.Ю. Витте,
кандидат юридических наук
pravkin@bk.ru*

Исследование быта древнерусского государственного устройства позволяет не только увидеть самобытность, уникальность, преемственность, но и показать перспективу «приживания» определенных государственно-правовых институтов с позиций преобладания личного и общественного в союзной организации, переданной в различных источниках права.

Ключевые слова: государство, право, обычай, юридическая школа, политико-правовая форма, доктрина права.

Democratic Ideas and Conservative Fundamentals in Research of Ancient History of Russian Law by V.I. Sergeevich

*Suntsova Elena A.
Head of the Department of State and Legal Disciplines
of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

*Pravkin Sergey A.
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State
and Law of the Moscow Witte University
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

Study of the life of ancient state device allows you to see not only the originality, uniqueness, continuity, and the term “engraftment” of certain public-legal institutions from the standpoint of the predominance of personal and public in the Union organization placed in various sources of law.

Key words: state, law, custom, school of law, political and legal form, doctrine of the law.

Удачное сочетание демократических и консервативных идей как никогда актуально в современное время, в связи с чем представляет интерес обращение к трудам признанного авторитета в области государственного права и истории права — Василия Ивановича Сергеевича.

В.И. Сергеевич являлся последователем и слушателем лекций Т.Н. Грановского и С.М. Соловьева: его магистерская диссертация была выполнена по теме: «Вече и

князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей». Тем самым В.И. Сергеевич продолжал исследовать тематику государственной школы. В данном источнике представилась полная картина нашего древнего государственного быта. А.Д. Градовский дает высокую оценку этой работе В.И. Сергеевича, подчеркивая, что личное начало предопределило понимание преобладания вечевого начала. «Древняя Россия не знала территориально-

го подданства, столь развитого в средневековой Европе; князь не был господином земли, входившей в состав волости; народонаселение не было частью этой земли. Право отъезда и перехода поддерживало личную свободу дружины и остального народонаселения. Вечевой обычай сдерживал долгое время развитие княжеской власти»¹. А.Д. Градовский, исследуя существо древнего управления, указывает на личное начало, которое проникало во все общественные отношения в домосковский период. Это личное начало не давало возможность строгому разграничению права частного и публичного, — «начало, в силу которого мы видим смешение уголовного и гражданского процесса, отождествление преступления с личной обидой и т.д.»².

Даже в форме управления А.Д. Градовский увидел «господство субъективного начала», отмечая, что «управление вообще было личной задачей и личным правом князя, который в принципе осуществлял его непосредственно»³. Везде в управлении преобладали лица, а не присутственные места. А.Д. Градовский в связи с этим отмечает: «По справедливому замечанию проф. Сергеевича, князь имел двойное значение в княжестве: во-первых, он был центральной властью для всей своей волости; во-вторых, по отношению к стольному городу и его округу он являлся местной властью, непосредственно заведовавшей всеми частями управления»⁴. В этом случае при князе не было самостоятельных должностей, все виды власти соединялись в лице князя.

В своих работах «Лекции и исследования по древней истории русского права», «Русская Правда и ее списки», «Русские юридические древности» В.И. Сергеевич продолжил линию государственной (юридической) школы, рассматривая процесс складывания форм права в зависимости от становления новых форм государственных учреждений.

В.И. Сергеевич и В.О. Ключевский продолжали развивать линию Б.Н. Чичерина. Критикуя позицию В.И. Сергеевича (Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867), С.М. Соловьев обращает внимание на то, что вечевые формы не преобладали над родовыми отношениями, что влияние родового порядка отражается на содержании статей Русской Правды⁵.

В.И. Сергеевич, как представитель «младшего поколения» государственной (юридической) школы, стремился показать чисто юридический характер договорных отношений в Древней Руси. При этом он широко опирается на формально-догматические приемы и методы. В этом преобладании юридических отношений В.И. Сергеевич видит верховенство личного начала над правительственным. Аргументация В.И. Сергеевича состоит в том, что при отсутствии развитой правительственной власти частному человеку для самосохранения необходимо было вступать в различные частные союзы на основе договора⁶. Многие исследователи подчеркивали, что именно В.И. Сергеевич, развивая схему Б.Н. Чичерина, фактически на последнем этапе существования возглавил юридическую школу. Часто в литературе указывалось, что труды В.И. Сергеевича дают основание говорить не о государственной, а об историко-юридической школе, которая замыкалась на юридической проблематике⁷. Н.В. Иллерицкая не соглашается с указанным выводом А.Н. Цамутали, отмечая, что нарекания в адрес Б.Н. Чичерина и В.И. Сергеевича состояли в преимущественном применении формально-логического метода⁸.

В трудах «молодого поколения» (В.И. Сергеевича, А.Д. Градовского и др.) государственной школы намечился переход от философии немецкого идеализма к позитивному методу. Концепция исторического процесса приобрела парадигму постепенной эволюции политико-юридических форм. «Очень высоко оценивал Сергеевич заслуги исторической школы в борьбе с философскими доктринами права. Наиболее перспективной он признавал идею о том, что право создается не произволом законодателя, а вырабатывается исторически, в ходе развития народного сознания»⁹.

Н.В. Иллерицкая отмечает, что, исследуя обычное право, Сергеевич выступает противником Г.Ф. Пухты, выведшим право из национального духа. Происхождение права объясняется В.И. Сергеевичем в духе позитивизма. В основу обычного права он положил деятельность отдельных лиц. Но при этом «историки права, уверовав вслед за немецкой юридической школой в доисторическое бытие общеславянского права как продукта славянского национального духа, отверг-

¹ Начала русского государственного права: О государственном устройстве: В 2-х т. Т. 1 / А.Д. Градовский; под ред., с предисл.: В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2006. С. 23.

² Там же. С. 24.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Соловьев С.М. Сочинения: в 18-ти кн. Книга I: История России с древнейших времен. Т. 1–2. М.:

Мысль, 1988. С. 663.

⁶ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 663.

⁷ Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М.: РГГС, 1998. С. 10.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Там же. С. 55.

ли все положения и выводы Сергеевича¹⁰. В.И. Сергеевич и А.Д. Градовский подходили к пониманию исторического процесса с позиций борьбы личного и общественного начал.

Рассматривая проблему источников права, В.И. Сергеевич отмечает, что «самым первым и самым главным в древности источником права являются обычай как творческая сила и обычное право как продукт этой силы»¹¹. Указывается на «безличность» обычая в противоположность закону. При сложившемся правиле обычая юридические действия совершаются по единообразной норме. Обычное право, по мнению В.И. Сергеевича, возникает вследствие действия двух сил: индивидуального сознания насущных интересов человека и инертной силы обыкновения¹².

В.И. Сергеевич продолжил линию государственной школы, сосредоточив внимание на изучении юридических норм и правовых институтов. Формально-догматический подход преобладал в его методологической схеме. Существенное отличие концепции С.М. Соловьева от концепций Б.Н. Чичерина и В.И. Сергеевича состояло в том, что последние сформулировали теорию договорных отношений, которые, по их мнению, определяли все стороны взаимодействия в Древней Руси. По словам А.Н. Медушевского, В.И. Сергеевич принадлежал к историко-юридической школе в «чичеринском варианте». П.Н. Милоков считал, что В.И. Сергеевич в 80-х гг. XIX в. подводит итог развития этой школы. Вообще, «младшее поколение» юристов государственной школы (Сергеевич, Градовский, Леонтович) занималось в большей мере чисто юридической проблематикой.

Усилив тему «демократии и народа», В.И. Сергеевич пытался преодолеть критику в адрес школы, стремясь сохранить ее общую концепцию. В.И. Сергеевич в целом продолжал традиции «старшего поколения», исследуя основную тему С.М. Соловьева — взаимодействие личного начала и государственного. Но выводы В.И. Сергеевича о господстве личного начала до оформления вотчинной системы противоречили государственнической линии С.М. Соловьева.

В.И. Сергеевич, как последователь Б.Н. Чичерина, по мнению Н.В. Иллерицкой, обосновал идею «о господстве личности до образования государственного быта»¹³. Но необходимо учитывать, что у В.И. Сергеевича вотчинный период как период господства

личного начала являлся переходной формой между формами родового и государственного быта. В целом, В.И. Сергеевич развивал научную схему С.М. Соловьева: союз кровный — союз гражданский — союз государственный. Но понимание внутренних механизмов и основ этой схемы во многом изменилось.

Исследуя общие корни понимания и происхождения обычая и закона, В.И. Сергеевич обращает внимание, что «слово “закон”, как и слово “покон”, означая одинаково обычай, происходят от слова “кон”, которое значит начало, а вместе с тем предел, границу и некоторое определенное место в известных границах...»¹⁴. Он также отмечает, что в средневековой латыни *lex* означает не только закон, но и обычай. В Московском государстве самые важные вопросы государственного быта определялись не уставами, а обычаями, ссылаками на старину.

Уставы являются следующим источником права. Князь в основном занимался судом. Среди княжеских актов В.И. Сергеевич также выделяет указы и уложения, но «эти древнейшие продукты княжеской уставной деятельности не обладали вполне признаками современного закона. Закон действует до его официальной отмены, княжеские же грамоты, уставные и жалованные, нуждаются в последовательных подтверждениях преемников того князя, которым они даны»¹⁵. Подобно В.О. Ключевскому, В.И. Сергеевич утверждает, что до Судебников 1497 и 1550 гг. большинство княжеских грамот представляют собой не общие нормы права, а частные распоряжения.

Ученый также подтверждает развитие русского права не от закона к практике, а, наоборот, от практики к закону. Необходимо учитывать, что ни одно уложение не охватывало всего действующего права. Князь наказывают не по закону, а по усмотрению. Например, Судебники почти не знают ответственности за государственные преступления. Но наказания за них определялись путем практики¹⁶.

Источником права В.И. Сергеевич определяет и договоры (мир, ряд, целование). Но в отличие от существующего права древние договоры не только применяли известное уже право, а устанавливали новые правила. Причина такого положения — отсутствие законодательной власти. В.И. Сергеевич отмечает распространение договорной практики в Древней Руси, как в отношениях между частными лицами, так и в отношениях между городами и князьями, между государствами, между князьями, между народом и князем¹⁷.

¹⁰ Там же. С. 62.

¹¹ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М.: Зерцало, 2004. С. 2.

¹² Там же. С. 6.

¹³ Иллерицкая Н.В. Указ. соч. С. 45.

¹⁴ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 11.

¹⁵ Там же. С. 17.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ Там же. С. 24.

Самостоятельным источником права В.И. Сергеевич называет вечевые постановления. К числу древних источников права он относит также византийское право, ханские ярлыки и др. Влияние рецепции византийского права было неполным, так как в славянских переводах Эклоги и Прохирона «древние кормчие содержат в себе не полные переводы этих памятников, а только переводы некоторых отрывков из них»¹⁸.

Широкое применение судебной практики дополнялось использованием начал иностранного права, прежде всего скандинавского и византийского.

Объясняя происхождение государства, В.И. Сергеевич обращает внимание, что государственная организация возникает в союзе людей, выходящем за пределы рода. Основными способами приобретения территории государства В.И. Сергеевич называет инкорпорацию и соединение государств (личная и реальная унии). «При образовании территории Московского государства соединения большей частью происходят на основании инкорпорации. Москва поглощала все то, что приходилось ей присоединять»¹⁹. Изучая свойства верховной власти, В.И. Сергеевич обращает внимание на признаки различных форм правления.

В.В. Еремян отмечает, что при вечевом порядке разрешения дел требовалось единогласие. «Как справедливо отмечал В.И. Сергеевич, так называемое “единение всех” на практике означало “соглашение такого подавляющего большинства, которое заставляло молчать разномыслящих”»²⁰.

Но существовали частые столкновения князей и веча, возникали различные партии. «Нашей истории вовсе не известен антагонизм князя и народа, стремление последнего распространить свои права на счет прав князя. Народ сознает свою неспособность устроиться без князя и понимает необходимость дать ему высокое положение в своей среде, без чего не было бы возможно достижение целей призвания. Князь есть народная власть»²¹. В этих выводах В.И. Сергеевича заключаются общие демократические начала его концепции. Если вечевой порядок давал возможность согласования, договора, то «нашествие татар впервые познакомило русские княжения с властью, которой надо под-

чиняться безусловно. Почва для развития вечевой деятельности была уничтожена сразу». В.И. Сергеевич отмечает зарождение нового порядка вещей, отрицающего вечевой строй, с момента татарского завоевания²². Начало представительства народа здесь не только вече как орган народного представительства, но и само княжеское начало.

Князь, являясь сосредоточением власти и подчинения, все же является выразителем интересов народа. Княжеское начало означает форму народного единения, возможность князя разрешать конфликты превращает его в центр судебного разбирательства. Князь приобретает свойства третьей стороны судьбы и посредника в спорах. Если сторонники «вотчинной теории» К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин поддерживали С.М. Соловьева в том, что родовые начала являлись основой генезиса государства, то разошлись с ним в периодизации.

Родовой быт в понимании К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина являлся первой фазой развития государственности, за которым следовали союзы вотчинный и собственно государственный. «Теория очередного порядка» В.О. Ключевского являлась одной из разновидностей родовой теории. Совсем наоборот, В.И. Сергеевич встал на позицию, что не кровное родство, а договорные начала в княжеских отношениях преобладают в русской истории.

Подобно В.О. Ключевскому и Б.Н. Чичерину, В.И. Сергеевич указывает на отсутствие строгих юридических начал в государственно-общественном строе не только Древней, но и Московской Руси. «Уяснить тип власти в Московском государстве представляется весьма трудным, так как узаконений, дающих точные определения верховной власти, в это время не было, а все держалось на обычае живом, подвижном и нелегко уловимом»²³.

В.И. Сергеевич являлся оппонентом концепции В.О. Ключевского, представленной в «Боярской думе». Хотя В.И. Сергеевич и В.О. Ключевский в разной степени считались «близкими к историко-юридической школе, между ними есть огромная разница»²⁴. Н.Л. Рубинштейн видел в Сергеевиче сторонника конституционализма. Выступление против В.О. Ключевского в 90-х гг. XIX в. может означать политический сдвиг «вправо» против концепции либерального направления. Но в середине 60-х гг. В.И. Сергеевич активно развивает тему «демократии и народа»,

¹⁸ Там же. С. 29.

¹⁹ Там же. С. 65.

²⁰ Еремян В.В. Очерки муниципальной историографии. Древняя Русь (от общины-рода к общине-государству). М.: Академия права и управления, 2003. С. 334.

²¹ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 109.

²² Еремян В.В. Указ. соч. С. 77.

²³ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 104.

²⁴ Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века / А.Н. Цамутали; АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд.-ние. Ленинград: Наука. Ленингр. отд.-ние, 1977. С. 195.

исследуя, в частности, проблему взаимоотношений княжеской власти и народного представительства. В этой концепции он видел обоснование конституционной монархии, соединенной с представительством²⁵.

В Европе, как и в России, «начало представительства своим возникновением обязано личному действию государей, а потому, естественно, число представителей и порядок их избрания зависели первоначально также от усмотрения Государя»²⁶. Отмечается, что Соборы имели лишь совещательное значение и иное «обеспечительное», «гарантийное», «консультационное» значение. Также В.И. Сергеевич указывает, что период возникновения представительства совпадает в целом с периодом образования сословий. Социологизм данного подхода выражается в признании действия закона солидарности социальных явлений, в силу которого сословность должна также отразиться на представительстве. Сами выборы в представительства были сословные.

Формально-юридический момент, касающийся организации работы представитель-

ства, не был определен. Сословные различия укладывались не в различный объем прав, а в различный объем собственности и повинностей. Существенным элементом решения Соборов являлось участие в них воли государя.

В критические периоды существования государства, по словам В.И. Сергеевича, Соборы играли решающую роль. Помимо этого, они решали многие текущие вопросы государственной практики. Земские Соборы являлись формой непосредственного общения государя с обществом: «из челобитных выборных людей государи прямо знакомились с потребностями страны, недостатками управления и злоупотреблениями органов администрации»²⁷. Роль Соборов была противобоярская. Это также замечает В.О. Ключевский. Они созывались для борьбы с боярами, но последние оказались «ближе к царю и успели, наконец, удалить от лица его представителей земли»²⁸.

В целом, В.И. Сергеевич методологически и содержательно замыкает концептуальные рамки государственной (юридической) школы.

²⁵ Там же. С. 196.

²⁶ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 139.

²⁷ Там же. С. 170.

²⁸ Там же. С. 173.

Литература

1. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века / А.Н. Цамутали ; АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 256 с.
2. Еремян В.В. Очерки муниципальной историографии. Древняя Русь (от общины-рода к общине-государству) / В.В. Еремян. М. : Академия права и управления, 2003. 394 с.
3. Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века / Н.В. Иллерицкая. М. : РГГС, 1998. 160 с.
4. Начала русского государственного права: О государственном устройстве : В 2-х т. Т. 1 / А.Д. Градовский ; под ред., с предисл.: В.А. Томсинов. М. : Зерцало, 2006. 470 с.
5. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В.И. Сергеевич. М. : Зерцало, 2004. 488 с.
6. Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти кн. Книга I : История России с древнейших времен. Т. 1–2 / С.М. Соловьев. М. : Мысль, 1988. 798 с.

References

1. Bor'ba techenij v russkoj istoriografii vo vtoroj polovine XIX veka / A.N. Tsamutali; AN SSSR, In-t istorii SSSR, Leningr. otd-nie [Struggle between Movements in Russian Historiography in the Second Half of XIX Century / N. Tsamutali; Academy of Sciences of the USSR, Institute of History of the USSR, Leningrad branch]. Leningrad : Nauka. Leningr. otd-nie. Leningrad : Science. Leningrad branch, 1977. 256 p.
2. Eremyan V.V. Oчерki munitsipal'noj istoriografii. Drevnyaya Rus' (ot obshchiny-roda k obshchine-gosudarstvu) [Municipal Historiography Sketches. Ancient Rus (from Kinship Community to National Community)]. Moscow : Akademiya prava i upravleniya. Moscow : Academy of Law and Management, 2003. 394 p.
3. Illeritskaya N.V. Istoriko-yuridicheskoe napravlenie v russkoj istoriografii vtoroj poloviny XIX veka [Historical and Legal Trend in Russian Historiography of Second Half of XIX Century]. Moscow : RGGG. Moscow : RGGG, 1998. 160 p.
4. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava: O gosudarstvennom ustrojstve. V 2-kh tomakh. T. 1 / Gradovskiy A.D.; Pod red., s predisl.: Tomsinov V.A. [Origins of Russian State Law: On State Structure. In 2 volumes. Volume 1 / Gradovskiy A.D.; edited, introduction by: Tomsinov V.A.]. Moscow : Zertsalo. Moscow : Mirror, 2006. 470 p.
5. Sergeevich V.I. Lektzii i issledovaniya po drevnej istorii russkogo prava [Lectures and Research of Ancient History of Russian Law]. Moscow : Zertsalo. Moscow : Mirror, 2004. 488 p.
6. Solovyev S.M. Sochineniya v vosemnadtsati knigakh. Kniga I: Istoriya Rossii s drevnejshikh vremen. T. 1–2 [Works in eighteen books. Book I: History of Russia from the Most Ancient Times. Volumes 1-2]. Moscow : Mysl'. Moscow : Thought, 1988. 798 p.

DOI: 10.18572/1812-3805-2017-22-13-18

О применении принципа историзма при оценке отечественных правителей-реформаторов (на примере И.В. Сталина)

*Мансуров Гафур Закирович,
заведующий кафедрой гражданского права
Уральского государственного экономического университета,
доктор юридических наук, доцент
mansuroff@yandex.ru*

В статье обращается внимание на необходимость руководствоваться принципом историзма при оценке действий И.В. Сталина, то есть учитывать конкретно-исторические условия времени его правления и иную иерархию системы ценностей. Сталинский период был продолжением Октябрьской революции. По этой причине модель поведения, заложенная в революционный период, определяла решения, принимаемые и в последующем. В этом смысле постреволюционный период нашей страны не является чем-то исключительным. Обращается внимание на сходство политики И.В. Сталина и иных правителей, действовавших в переломные моменты развития страны.

Ключевые слова: принцип историзма, объективный характер коллективизации и индустриализации, закономерности периферийной экономики, реформы И.В. Сталина, Петра I и Екатерины II.

On Application of Historical Principle at Assessment of National Reformist Rulers (on Example of I.V. Stalin)

*Mansurov Gafur Z.
Head of the Department of Civil Law
of the Ural State University of Economics
Doctor of Law
Assistant Professor*

The article draws attention to the need to guide the principle of historicism in assessing the actions of I.V. Stalin, taking into account the specific historical conditions of his rule and a different hierarchy of the value system. The Stalin period was the continuation of the October Revolution. Therefore, the model of behavior, laid down in the revolutionary period, determined the decisions taken in the future. In this sense, the post-revolutionary period of Russia is not something exceptional. Attention is drawn to the similarity of I.V. Stalin's policy to other rulers' policy who acted at critical moments of the country's development. All of them did the same thing and the means of realizing the tasks did not differ fundamentally.

Key words: the principle of historicism, the objective nature of collectivization and industrialization, condition of reforms I.V. Stalin, Peter I and Catherine II regularities of the peripheral economy.

Отсутствие общепринятых критериев оценки роли личностей в истории приводит к появлению зачастую диаметрально противоположных взглядов на результаты деятельности одного и того же лица. Предметом, пожалуй, наиболее острых дискуссий в настоящее время является оценка роли И.В. Сталина. Как указывает в связи с этим С.Е. Лазарев, у сталинского режима много как сторонников, которым импонируют его экономические достижения, сильная власть, железная дисциплина, так и противников, которые не приемлют главным образом средства достижения

советским вождем своих целей¹. В ряде случаев оценка производится на основе современных стандартов, без учета реалий, сложившихся в период его правления. Так, например, согласно Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, недопустимыми являются продолжающиеся попытки *оправдать*

¹ Лазарев С.Е. Политико-правовые идеи И.В. Сталина и практика их реализации // История государства и права. 2015. № 15. С. 24.

*репрессии особенностями времени*². Очевидно, что *эта оценка является политической, а не юридической*. Как указал российский суд, «дискуссия относительно личности И.В. Сталина... лежит вне правового поля»³.

Представляется, что ошибочность оценки итогов правления И.В. Сталина отдельными авторами обусловлена игнорированием научного инструментария, важнейшим элементом которого является *принцип историзма*, под которым, как известно, понимается способ изучения общественных явлений в их динамике и в связи с условиями, сложившимися в конкретный период истории в конкретном государстве.

Если понимать под особенностями времени, которые игнорируются в вышеуказанной концепции, *сложившиеся политико-экономические реалии на момент обретения И.В. Сталиным всей полноты власти*, то они таковы: голод и возможность оккупации страны при отсутствии достаточных для минимизации этих угроз ресурсов, в первую очередь экономических.

Трудности продовольственного обеспечения населения были обусловлены тем, что мелкие сельхозтоваропроизводители к середине 20-х годов XX века были уже не в состоянии обеспечить возросшие потребности страны. Ситуацию серьезно усугубил разразившийся в 1921 г. голод. При этом следует особо отметить, что он *был далеко не первым в нашей стране, находящейся, как известно, в зоне рискованного земледелия*, для которой характерны периодически повторяющиеся неурожаи из-за сложных климатических условий⁴.

Очевидно, что после социалистической революции исчезли причины, обусловленные особенностями прежнего политического строя и появились новые, самыми серьезными из которых являются реквизиции. Однако в сборнике «Голод 1921–1922», подготовленном представительством Российского общества Красного Креста, реквизиции не были указаны в качестве определяющей причины голода⁵.

Вторая проблема, с которой столкнулся И.В. Сталин на посту генсека, — *внешняя угроза*. Из доклада Л.Б. Каменева «О советской республике в окружении»: «Мы находимся в том периоде, когда можно ожидать с часу на час, что старая, законченная империалистическая бойня породит... новую, еще более чудовищную, еще более гибельную империалистическую войну»⁶.

Обоснованность данного суждения является очевидной. Дело в том, что после окончания Первой мировой войны был принят ряд документов, провозглашавших отказ от войны (Декларация Лиги Наций об агрессивных войнах от 24.09.1927, Пакт Бриана — Келлога от 27.08.1928 и др.), но сформировать систему коллективной безопасности не удалось. В итоге *наша страна оказалась перед реальной угрозой войны*, причем на два фронта, так как 25.11.1936 Япония и Германия подписали Антикоминтерновский пакт. Поэтому создание сильной, современной армии для устранения этой угрозы являлось важнейшим условием выживания нашего государства. Но у страны не было военно-промышленного комплекса, адекватного степени внешней угрозы.

Варианты разрешения вышеуказанных проблем общеизвестны, и они одинаковы для правителей всех времен и всех народов. Как пишет, например, Б. Акунин, «существуют два метода, с помощью которых можно побудить население к исполнению масштабных задач: или через материальную заинтересованность, или через мобилизацию, которая обеспечивается энтузиазмом либо страхом (как правило, их комбинацией)»⁷.

Если исходить из позиции критиков, игнорирующих принцип историзма, то первый вариант является единственно возможным. То есть советскому руководству следовало бы экономически стимулировать объединение крестьян в коллективные хозяйства с целью организации стабильного сельхозтоваропроизводства. Но у И.В. Сталина не было ни средств, ни времени для налаживания нормальных товарно-денежных отношений. Поэтому *принудительная коллективизация при сложившейся ситуации была единственным способом обеспечения роста сельскохозяйственного товаропроизводства*.

Внешняя угроза обусловила необходимость быстрой индустриализации. А единственным источником ресурсов для

² Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий: утв. распоряжением Правительства РФ от 15.08.2015 № 1561-Р // Собрание законодательства РФ. 2015. № 34. Ст. 4930.

³ Решение Басманного районного суда г. Москвы от 13.10.2009 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Книга М.Д. История голода 1891–1892 гг. в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997. С. 15.

⁵ Цит. по: Каракулов Д.В. Голод 1921–1922 гг. на Урале: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 10.

⁶ РКП(б). Съезд, 10-й. 1921. Стенографический отчет. М., 1963. С. 451.

⁷ Акунин Б. Между Европой и Азией. История Российского государства. Семнадцатый век. М.: Изд-во АСТ, 2016. С. 378.

этого в сложившейся ситуации является *неэквивалентный обмен с сельхозтоваропроизводителями*: «В 1929 году... советское руководство вынуждено было прибегнуть к массовому изъятию зерна»⁸. Кстати, двумя с лишним веками ранее другой наш правитель, оказавшись в сходной ситуации, действовал не менее жестко: «Чтобы защитить отечество от врагов, Петр опустошил его больше всякого врага... После Петра государство стало сильнее, а народ беднее»⁹.

А что в итоге? Вот мнение одного из авторитетных критиков прежней власти: «За десять лет (1929—1939) в ходе индустриализации... страна получила мощную, самостоятельную экономику, благодаря которой она вышла победителем из Второй мировой войны»¹⁰.

Поэтому оценка действий И.В. Сталина должна быть взвешенной. На одной чаше весов беды от коллективизации и индустриализации. На другой — распад государства и даже возможный проигрыш в Великой Отечественной войне.

Многое в методах руководства страной в сталинский период было унаследовано от революции и гражданской войны¹¹. Поэтому модель поведения, заложенная в революционный период, определяла решения, принимаемые и в последующем. Следует отметить, что постреволюционный период России не является чем-то исключительным. Так, например, В.В. Кожин установил, что за четверть века (1789—1814 гг.). Французская революция уничтожила от 3,5 до 4,5 миллионов человеческих жизней. А население Франции было в 6–7 раз меньше населения России, и, следовательно, гибель 4 миллионов французов соответствовала гибели 25–30 миллионов жителей России¹². То есть «...в условиях Великой Французской буржуазной революции в той же Франции террор и разгул революционной стихии был не меньшим, чем в России»¹³.

Обоснованность суждений об объективности решений, принимаемых И.В. Сталиным, представляется возможным подкрепить *оценкой действий иных исторических персонажей, также правивших страной в переломные моменты развития нашей страны*.

Предварительно следует отметить, что так называемые переломные моменты обусловлены в основном периферийным характером отечественной экономики. В условиях открытой экономики страны так называемого «Центра» (США и европейские страны) развиваются за счет «периферийных» стран, разрешая за их счет свои проблемы. Экономическая зависимость обуславливает особенность развития России, которая выражается в том, что периодически возникает необходимость в коренных преобразованиях экономики, соответственно и общественной надстройки. «Достаточно сопоставить даты ключевых событий отечественной истории с циклами мирового хозяйства, чтобы заметить совпадения (курсив наш.— Г.М.). Это относится и к опричнине Ивана Грозного, и к Смутному времени, и к крепостному праву, и к крестьянской реформе, революции 1917-го, коллективизации, демонтажу Советского Союза и великой приватизации 90-х годов. *Россия на протяжении XVII–XX веков постоянно догоняла Запад, постоянно опаздывала, и ее буквально захлестывало каждой новой экономической волной* (курсив наш.— Г.М.)»¹⁴. По этой причине «сплошная коллективизация и переход к тоталитаризму в 1929–1932 годах были в значительной мере (хотя и не исключительно) результатом общемирового хозяйственного кризиса»¹⁵.

И.В. Сталина, конечно же, в первую очередь нужно сравнивать с Петром I, так как масштабы реформ И.В. Сталина соизмеримы с преобразованиями, осуществленными Петром I, который, как известно, «варварскими методами боролся с варварством». Да и задачи у них в основном совпадали, так как «...вся суть петровских реформ сводится к социально-экономической независимости России и ликвидации ее отсталости»¹⁶. Но действовал он более жестоко, чем И.В. Сталин. Так, например, он «сам рубил головы стрельцам»¹⁷. И вообще, в период его правления «пытки и

⁸ Кагарлицкий Б.Ю., Сергеев В.Н. История России: миросистемный анализ. М., 2013. С. 346–347.

⁹ Ключевский В.О. Сочинения : В 8-ми т. Т. 4 : Курс русской истории. Ч. 4 / В.О. Ключевский. М., 1958. С. 240.

¹⁰ Сорос Д. «Фонд» для России. Что было, что будет / пер. с англ. М., 2015. С. 211.

¹¹ Иванников И.А. Традиции: историко-правовой аспект // История государства и права. 2013. № 19. С. 49.

¹² Кожин В.В. Россия. Век XX. 1901–1939. М.: Алгоритм, 1999. С. 114.

¹³ Волошина В.Ю. П.А. Сорокин о социально-психологических последствиях революции // Вестник Омского государственного университета. 2007. № 4. С. 116.

¹⁴ Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм; Эксмо, 2009. С. 46.

¹⁵ Там же. С. 480.

¹⁶ Юдина Т.Н., Чекмарев В.В. Экономическая политика царя Петра I Алексеевича // Вестник Костромского государственного университета. 2009. № 4. С. 19.

¹⁷ Ключевский В.О. Жизнь Петра Великого до начала Северной войны // Исторические портреты. М., 1990. С. 172.

казни служили средством нашего славного преобразования государственного»¹⁸.

Жестокость петровских реформ приводила к восстаниям, которые нещадно подавлялись (Астраханское восстание 1705–1706 гг., Булавинское восстание 1707–1708 гг. и др.). Вот как историк описывает последний эпизод Булавинского восстания: «...воры вышли на бой, но не выдержали натиска царских войск и обратились назад в городок... 3000 человек пало трупом, много потонуло, иных на плаву пристреливали, а которым и удалось переплыть, то померзли. ...Дон стихнул»¹⁹.

По крайней мере, для посткиевского периода развития нашей страны характерна следующая закономерность: *чем глубже во времени проводимая реформа, тем более жесткие меры для ее осуществления используются. Но масштаб бедствий при этом, наоборот, уменьшается*. Так, например, если негативные последствия сталинских реформ испытала вся страна, то такие же последствия петровских реформ остались практически незамеченными к востоку от Урала.

История, тем не менее, знает *примеры попыток отечественных монархов реализовать гуманистические идеи на практике*. В этом смысле является любопытной эволюция взглядов Екатерины II. В отличие, например, от И.В. Сталина и Петра I, у нее была возможность еще до начала своего воцарения серьезно ознакомиться с гуманистическими идеями. Поэтому она начала свое правление как просвещенный монарх, с думой о благе народа: «Я хочу, чтобы повиновались законам, а не рабов; хочу общей цели сделать людей счастливыми, а не каприза, ни странности, ни жестокости»²⁰. Однако *состояние российской экономики и обусловленные этим обстоятельством политические реалии очень быстро избавили ее от иллюзий*. Очевидно, что попытка реализации идей французских мыслителей²¹, с которыми она состояла в переписке, в условиях российской действительности времен Екатерины II привела бы к опустошению казны и распаду страны. В итоге «Екатерина огра-

ничилась прекращением самых вопиющих злоупотреблений»²². Экономические проблемы государства просвещенная царица, так же как и потом И.В. Сталин, решала в основном за счет крестьянства: «приписной крестьянин все больше и больше обращался в безземельного раба»²³.

Из вышеизложенного следует:

1. При оценке действий Сталина нужно учитывать стандарты поведения, которые сложились не после, а до его правления. Он не хороший и не плохой, он продукт своей эпохи. При попытке соблюсти им те правила, в нарушение которых его обвиняют в XXI веке, у него не было бы возможности удержаться у власти, а его последователь был бы вынужден в любом случае реализовывать те же цели этими же средствами, по причине отсутствия других.

2. Действия И.В. Сталина были обусловлены объективными обстоятельствами: не провел бы он коллективизацию → не на что было бы профинансировать индустриализацию → не было бы военно-промышленного комплекса → случилось бы гарантированное поражение в войне.

3. При оценке деяний наших правителей современными историками обнаруживается некая *временная абберрация*: чем глубже во времени совершенные преступления, тем меньшую негативную оценку они получают в настоящее время. Разница в оценке обусловлена субъективным обстоятельством — преступления сталинского периода еще свежи в памяти в отличие от преступлений времен петровских и екатерининских. Однако все вышеуказанные правители-реформаторы делали одно дело, и средства реализации их целей принципиально не отличались.

4. Все значимые социальные реформы в досталинские времена сопровождались колоссальными жертвами. И чем масштабнее реформы, которые проводит очередной правитель, тем больше преступлений он совершает. Невинновыми можно считать только тех представителей монарших семей, которые по разным причинам не успели приступить к исполнению своих обязанностей, например, никогда не правившего Константина I, которому успела присягнуть армия. Поэтому если мы признаем И.В. Сталина преступником в политическом смысле, то в целях соблюдения принципа справедливости таковыми должны быть признаны и все предшественники-реформаторы (в особенности Иван IV, Петр I и Екатерина II).

¹⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2005. С. 999.

¹⁹ Соловьев С.М. Рассказы из русской истории XVIII века / Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 603–604.

²⁰ Цит. по: Ключевский В.О. Курс русской истории. От Петра Великого до Александра Освободителя (лекции LI–LXXXVI). М.: Академический проект, 2015. С. 346.

²¹ См., напр.: Утяшев М.М. Вольтер — первый правозащитник Европы // Российский гуманистический журнал. 2015. № 3. С. 169–186.

²² Рамбо А. История древней и новой России. Смоленск, 2001 (по изданию 1884 г.). С. 432.

²³ Покровский М.Н. Русская история: В 3-х т. Т. 2. СПб., 2002 (по изд. 1914 г.). С. 294.

Литература

1. Акунин Б. Между Европой и Азией. История Российского государства. Семнадцатый век / Б. Акунин. М. : АСТ, 2016. 384 с.
2. Арзамаскин Ю.Н. Принцип историзма в научном исследовании / Ю.Н. Арзамаскин // Вестник Военного университета. 2011. № 3 (27). С. 7–11.
3. Волошина В.Ю. П.А. Сорокин о социально-психологических последствиях революции / В.Ю. Волошина // Вестник Омского государственного университета. 2007. № 4. С. 112–120.
4. Иванников И.А. Традиции: историко-правовой аспект / И.А. Иванников // История государства и права. 2013. № 19. С. 48–52.
5. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории / Б.Ю. Кагарлицкий. М. : Алгоритм ; Эксмо, 2009. 576 с.
6. Кагарлицкий Б.Ю., Сергеев В.Н. История России: миросистемный анализ : учебное пособие / Б.Ю. Кагарлицкий, В.Н. Сергеев. М. : URSS, 2013. 432 с.
7. Каракулов Д.В. Голод 1921–1922 гг. на Урале : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д.В. Каракулов. Екатеринбург, 2000. 24 с.
8. Ключевский В.О. Жизнь Петра Великого до начала Северной войны / В.О. Ключевский // Исторические портреты. М., 1990. 624 с.
9. Ключевский В.О. Курс русской истории. От Петра Великого до Александра Освободителя (лекции LI–LXXXVI) / В.О. Ключевский. М. : Академический проект, 2015. 555 с.
10. Ключевский В.О. Сочинения : в 8-ми т. Т. 4 : Курс русской истории. Ч. 4 / В.О. Ключевский. М. : Соцэкгиз, 1958. 421 с.
11. Книга М.Д. История голода 1891–1892 гг. в России : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.Д. Книга. Воронеж, 1997. 23 с.
12. Кожинов В.В. Россия. Век XX : 1901–1939 / В.В. Кожинов. М. : Алгоритм ; Крымский мост, 1999. 444 с.
13. Лазарев С.Е. Политико-правовые идеи И.В. Сталина и практика их реализации / С.Е. Лазарев // История государства и права. 2015. № 15. С. 19–24.
14. Покровский М.Н. Русская история : в 3-х т. Т. 2 / М.Н. Покровский. СПб. : Полигон, 2002. 383 с.
15. Рамбо А. История древней и новой России / А. Рамбо. Смоленск : Русич, 2001. 640 с.
16. Симчера В.М., Федоренко Н.П. Валовое промышленное производство России за 100 лет / В.М. Симчера, Н.П. Федоренко ; под общ. ред. В.И. Данилова-Данильяна, С.А. Степанова. М. : Изд-во МНЭПУ, 2002. 683 с.
17. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России / С.М. Соловьев ; сост. и вступ. ст. С.С. Дмитриева; комм. С.С. Дмитриева и Л.П. Дойниковой; илл. В.В. Лукашова. М. : Правда, 1989. 768 с.
18. Сорос Д. «Фонд» для России. Что было, что будет / Д. Сорос ; пер. с англ. М. : Алгоритм, 2015. 224 с.
19. Утяшев М.М. Вольтер — первый правозащитник Европы / М.М. Утяшев // Российский гуманитарный журнал. 2015. № 3. С. 169–186.
20. Юдина Т.Н., Чекмарев В.В. Экономическая политика царя Петра I Алексеевича / Т.Н. Юдина, В.В. Чекмарев // Вестник Костромского государственного университета. 2009. № 4. С. 17–21.

References

1. Akunin B. Mezhdru Evropoj i Aziej. Istoriya Rossijskogo gosudarstva. Semnadsatij vek [Between Europe and Asia. History of the Russian State. The Seventeenth Century. Moscow : Izd-vo AST. Moscow : AST publishing house, 2016. 384 p.
2. Arzamaskin Yu.N. Printsip istorizma v nauchnom issledovanii [Historical Method in Scientific Research] // Vestnik Voennogo universiteta. Bulletin of the Military University. 2011. No. 3 (27). P. 7–11.
3. Voloshina V.Yu. P.A. Sorokin o sotsial'no-psikhologicheskikh posledstviyakh revolyutsii [P.A. Sorokin on Sociopsychological Consequences of Revolution] // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Bulletin of the Omsk State University. 2007. No. 4. P. 112–120.
4. Ivannikov I.A. Traditsii: istoriko-pravovoj aspect [Traditions: Historical and Legal Aspect] // Istoriya gosudarstva i prava. History of State and Law. 2013. No. 19. P. 48–52.
5. Kagarlitsky B.Yu., Sergeev V.N. Istoriya Rossii: mirosistemnyj analiz [Russian History: World Systems Analysis.]. Moscow : 2013. 432 p.
6. Kagarlitsky B.Yu. Periferijnaya imperiya: tsikly russkoj istorii [Peripheral Empire: Russian History Cycles]. Moscow : Algoritm, Eksmo. Moscow : Algorithm, Eksmo, 2009. 576 p.
7. Karamzin N.M. Kurs russkoj istorii: V 12 tt. T. 4 [Course of Russian History: In 12 vol. Vol. 4. . Moscow. Moscow, 1958. 396 p.
8. Karakulov D.V. Golod 1921–1922 gg. na Urале/ avtoref. diss. ... k.i.n. [Famine of 1921–1922 in Ural Region / author's abstract of thesis of ... Candidate of Historical. Ekaterinburg. Ekaterinburg, 2000. 24 p.
9. Klyuchevsky V.O. Kurs russkoj istorii. Ot Petra Velikogo do Aleksandra Osoboditelya (lektsii LI-LXXXVI) [Course of Russian History. From Peter the Great to Alexander the Liberator (Lectiions LI–LXXXVI)]. Moscow : Izd-vo Akademicheskij proekt. Moscow : Academic Project publishing house, 2015. 555 p.
10. Klyuchevsky V.O. Zhizn' Petra Velikogo do nachala Severnoj vojny/ Istoricheskie portrety [Peter the Great's Life before the Beginning of the Great Northern War / Historical Portraits]. Moscow, Moscow, 1990. 624 p.

11. Kniga M.D. Istoriya goloda 1891–1892 gg. v Rossii: avtoref. diss. ... k.i.n. [History of Famine of 1891–1892 in Russia / author's abstract of thesis of ... Candidate of Historical Sciences]. Voronezh. Voronezh, 1997. 23 p.
12. Kozhinov V.V. Rossiya. Vek XX. 1901–1939 [Russia. XX Century. 1901–1939]. Moscow: Izd-vo Algoritm, Krymskij most. Moscow: Algoritm, Crimean Bridge publishing house, 1999. 444 p.
13. Lazarev S.E. Politiko-pravovye idei I.V. Stalina i praktika ikh realizatsii [I.V. Stalin's Political and Legal Ideas and Practice of Their Implementation] // Istoriya gosudarstva i prava. History of State and Law. 2015. No. 15. P. 19–24.
14. Pokrovsky M.N. Russkaya istoriya: V 3 t. T. 2 [Russian History: In 3 vol. Vol. 2]. Moscow. Moscow, 2005. 383 p.
15. Rambaud A. Istoriya drevnej i novej Rossii [History of Ancient and Modern Russia]. Smolensk. Smolensk, 2001. 640 p.
16. Szimcsere V.M., Fedorenko N.P. Valovoe promyshlennoe proizvodstvo Rossii za 100 let /Pod obshch. red. V.I. Danilova-Danilyana, S.A. Stepanova [Gross Industrial Output of Russia for 100 Years / editor-in-chief V.I. Danilov-Danilyan, S.A. Stepanov]. Moscow. Moscow, 2002. 683 p.
17. Solovyev S.M. Rasskazy iz russkoj istorii XVIII veka / Chteniya i rasskazy po istorii Rossii [Stories from Russian History of the XVIII Century / Readings and Stories on Russian History]. M. – M., 1989. 768 p.
18. Soros G. "Fond" dlya Rossii. Chto bylo, chto budet. Per. s ang [Foundation for Russia. What Was and What Will Be. Translation from English]. Moscow. Moscow, 2015. 224 p.
19. Utyashev M.M. Vol'ter – pervyj pravozashchitnik Evropy [Voltaire, the First European Human Rights Defender] // Rossijskij gumanisticheskij zhurnal – Russian Humanist Journal. 2015. No. 3. P. 169–186.
20. Yudina T.N., Chekmarev V.V. Ekonomicheskaya politika tsarya Petra I Alekseevicha [Economic Policy of Tsar Peter the Great] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Bulletin of the Kostroma State University. 2009. No. 4. P. 17–21.

DOI: 10.18572/1812-3805-2017-22-19-24

Отто Кольройтер о государственно-правовом устройстве Третьего рейха*

*Билалутдинов Марат Дамирович,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Западно-Сибирского филиала Российского
государственного университета правосудия,
доцент кафедры гуманитарного образования и иностранных языков
Юргинского технологического института
Национального исследовательского
Томского политехнического университета,
кандидат исторических наук
Ranke34@sibmail.com*

Статья посвящена исследованию взглядов на государственно-правовое устройство Германии одного из крупнейших немецких юристов, поддержавших нацистский режим, специалиста в области административного и конституционного права Отто Кольройтера. В статье исследуется обоснование роли НСДАП в Третьем рейхе, соотношение партийного и государственно-управления, сущность и роль народной общности в национал-социалистическом государстве, роль и место религии и науки. В ней делаются выводы о специфике правопонимания германского нацизма в целом и Кольройтера в частности. Данное правопонимание является наиболее близким по форме к естественному правопониманию, так как высшим источником права он считал «благо основанной на крови народной общности». Позитивное законодательство и позитивный правопорядок служат лишь инструментами поддержания народной общности и ни в коем случае не могут быть самоцелью и тем более противоречить ей. Вместе с тем, критика «юриспруденции понятий», под которой в политико-правовой идеологии нацизма понималась прежде всего чистая теория права Ханса Кельзена, вкупе с обоснованием положения о выработке права из народной общности сближала взгляды Кольройтера с основными положениями исторической школы права.

Ключевые слова: Кольройтер, юрист, партия, национал-социализм, народная общность.

Otto Koellreuter on State and Legal Structure of the Third Reich

*Bilalutdinov Marat D.
Assistant Professor of the Department of Theory and History of Law
and State of the West-Siberian branch of the Russian State University of Justice
Assistant Professor of the Department of Liberal Arts Education
and Foreign Languages of the Yurga Institute of Technology
of the National Research Tomsk Polytechnic University
Candidate of Historical Sciences*

The article is devoted to the study of views on the state-legal organization of Germany, one of the prominent German lawyers who supported the Nazi regime, the specialist in the field of administrative and constitutional law Otto Koellreuter. The article explores the rationale for the role of the NSDAP in the Third Reich, the relationship between party and state management, the nature and role of the people's community in the national socialist state, the role and place of religion and science. It draws conclusions about the specifics of the law understanding of German Nazism in the whole and Koellreuter in particular. This law understanding is the closest in form to natural law understanding, as the highest source of law considers "the benefit of a community based on blood". Positive legislation and a positive law-and-order serve only as instruments for maintaining the national community and in no case can be an end in itself and, even more so, contradict it. At the same time, criticism of the "jurisprudence of concepts", in which, in the politico-legal ideology of Nazism, was first of all understood as the pure theory of law of Hans Kelsen, with the substantiation of the provision on the formation of the law from the people's community, brought Koellreuter's views closer to the basic provisions of the historic school of law.

Key words: Koellreuter, lawyer, party, national socialism, national community.

* Статья публикуется при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект МК-6182-2016.6 «Политико-правовые воззрения немецких юристов периода Третьего рейха».

Немецкий юрист Отто Коэльрейтер родился 26 ноября 1883 г. Его жизнь, закончившаяся в 1972 г., простекала в периоды четырех форм немецкой государственности: в Германской империи, Веймарской республике, Третьем рейхе и ФРГ. Его становление как ученого в сфере гражданского и административного процесса Великобритании пришлось на годы, предшествующие Первой мировой войне. В 1912 году он защитил диссертацию на тему «Административное право и административное судопроизводство в современной Англии»¹. Известность Отто Коэльрейтер получил благодаря тому, что с 1930 г. стал сторонником НСДАП, а с приходом Гитлера к власти — одним из наиболее значимых теоретиков правового обоснования установления, функционирования и сущности нацистского режима.

В немецкой науке исследованию правовых взглядов Коэльрейтера посвящены две работы. Первая пера известного специалиста в области политико-правовой идеологии нацизма Михаэля Штоллэйса, вторая написана Йоргом Шмидтом. Имя Коэльрейтера, в отличие от других юристов, поддержавших нацистский режим, таких как Карл Шмитт, Вернер Бест и Теодор Маунц, почти неизвестно отечественной историко-правовой науке, за исключением работы автора настоящих строк «Отто Коэльрейтер о национал-социалистическом понимании правового государства». В данной работе рассмотрены воззрения юриста на сущность государства, права и правопорядка, функции государства, либеральные концепции правового государства, революцию, цели, задачи правового регулирования².

Таким образом, научная актуальность данной работы заключается в необходимости исследования взглядов Коэльрейтера на государственно-правовую сущность Третьего рейха. Научная новизна обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, крайне фрагментарным освещением отечественной историко-правовой наукой политико-правовой идеологии нацизма. Во-вторых, методологической устарелостью отечественной историко-правовой науки, значительная

часть работ которой написана сквозь призму исторического материализма.

В 1936 году в серии «Идея и форма национал-социализма», издаваемой Германской высшей школой политики, Коэльрейтер опубликовал текст своего доклада под названием «Основные вопросы нашей народной и государственной формы». Он начинается с критики государственного строя Веймарской республики: «Напрасно старая система искала защиту в выдающейся личности рейхспрезидента фон Гинденбурга. Она пыталась укрепиться его авторитетом, не имеющим ничего общего с этой разрушающейся системой, а коренившимся в лучших традициях старопрусского служения долгу и солдатского духа. Веймарская система никогда не была носителем собственной живой государственной идеи. Глубокая немецкая государственная мысль заключается в том, что народ является основой для подлинного политического развития, нашла свое выражение в идее национал-социализма благодаря фюреру»³.

Исходя из вышесказанного, Коэльрейтер сформулировал основную проблему своего доклада: политическая связь и форма отношений народа и государства. Юрист сразу же заявляет об идеологизации германской науки. Он говорит о «национальной» науке, которая не может довольствоваться тем, что является простой «наукой понятий». Прямо не упоминая Ханса Кельзена, Коэльрейтер критикует чистую теорию права за то, что в ней «распадаются теория и практика, так как теория объясняет мертвые и изжитые понятия»⁴.

Далее юрист подходит к одной из ключевых тем доклада, а именно «современного смысла и объема народнических прав личности (völkischer Personlichkeitsrechte) в пределах нашей народной и государственной жизни»⁵. Поставленную проблему он рассматривает на примере правоприменительной практики немецких судов 30-х гг. XX века. В качестве примера расстановки приоритетов правовой защиты Коэльрейтер приводит решение Высшего административного суда Саксонии от 18 января 1935 г. Данное решение вводило в перечень терминов, используемых правоприменением? один из важнейших концептов нацистской идеологии и пропаганды «die Volksgemeinschaft», который можно перевести как «народная общность». Данный термин получил широкое употребление еще в годы Германской империи и употреблялся та-

¹ Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Otto Koellreutter [Electronic resource]. Available at: <http://www.catalogus-professorum-halensis.de/koellreutterotto.html>

² Билалутдинов М.Д. Отто Коэльрейтер о национал-социалистическом понимании правового государства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : В 2-х ч. Ч. I. Тамбов : Грамота, 2014. № 1 (39). С. 32–36.

³ Koellreutter, O. Grundfragen unserer Volks- und Staatsgestaltung. Junker und Dünhaupt Verlag. Berlin, 1936. P. 1.

⁴ Ibid. P. 2.

⁵ Ibid.

кими известными мыслителями, как Фридрих Майнеке, Фердинанд Теннис, Вернер Зомбарт⁶. В классическом немецком национализме данная общность основывалась на судьбе, языке и культуре, однако еще в годы кайзеровской Германии в термин стало вкладываться этническое значение, а нацисты употребляли его в абсолютизированно расовом смысле. Правоприменительная практика, к которой апеллировал Кольройтер, указывала на необходимость учета интересов народной общности при строительной деятельности.

Одним из важнейших принципов правосознания и правопонимания юрист считал принцип историзма, положительно отзываясь о Бисмарке, Ранке и Гирке, и объявил последнего «предшественником нашего современного народнического государственного строительства»⁷.

Кольройтер заявлял о необходимости осторожного подхода к «юриспруденции терминов», приводя в качестве негативного примера один из часто употребляемых терминов Геббельса «тотальное государство»⁸.

Юрист исповедовал органическое правопонимание, считая, что «конституция национал-социалистического государства — это больше не труд национального собрания, которое полагает, что сможет способствовать созданию завершенной политической и государственно-правовой формы исходя из рационального мышления, а национал-социалистическое конституционное строительство, которое происходит по воле руководства органически, исходя из потребностей народного организма»⁹.

Затем юрист переходит к оценке нацистского законодательства, получившего печальную известность как «нюрнбергские законы». Он восхвалял расовую и архаическую сущности, вложенные нацистским законодателем нюрнбергскими законами в правовой статус гражданина Третьего рейха. Кольройтер подчеркивал приоритет обязанностей перед правами в правовом статусе гражданина нацистской Германии, говоря о народе как совокупности граждан, составляющей свиту фюрера¹⁰.

От проблем видения сущности гражданства Кольройтер переходит к проблеме сущности национал-социалистического государства. Под государством он понимает «придание формы политическому единству», а под национал-социалистическим государством — политический образ жизни немецкого народа. Юрист критикует либеральную точку зрения на государство как на организованный аппарат власти за противопоставление государства и личности¹¹.

Следующим вопросом, рассматриваемым Кольройтером, стал вопрос о соотношении государства и НСДАП. В НСДАП он видит «политический инструмент фюрера, с помощью которого он выстроил немецкое государство как новый политический образ жизни немецкого народа во время рушащейся Веймарской республики»¹². Партии юрист отводит идеологическую, воспитательную и кадровую функции: «Она должна представлять принцип воспитания всех немцев в национал-социалистов, затем лучшие национал-социалисты становятся членами партии, и наконец, лучшие члены партии становятся во главе государства»¹³. При этом под государством юрист имел в виду не государственно-властный организационный аппарат, а «глубокий смысл связанного с народом руководства с соответствующей организацией и сохранением государства как политического образа жизни национал-социалистической идеологией»¹⁴.

Далее Кольройтер перешел к характеристике аппарата государства, а именно места и роли вооруженных сил и чиновничества в нацистском государстве. Следуя нацистской пропагандистской традиции демонизации Веймарской республики, юрист писал о «глубоком кризисе», в который ввергло веймарское партийное государство немецкое чиновничество, тогда как армия, находясь под верховным главнокомандованием рейхспрезидента, была подвержена этой участи в меньшей мере¹⁵. Главным свойством немецкого чиновничества Кольройтер провозглашал расовую и идеологическую «чистоту» чиновничества, установленную Законом от 07.04.1933 «О восстановлении немецкого чиновничества» и серией подзаконных актов, принятых в его исполнение. Главной функцией армии он называл защиту народной общности.

⁶ Walkenhorst, P. Nation — Volk — Rasse. Radikaler Nationalismus im Deutschen Kaiserreich 1890–1914, Vandenhoeck & Ruprecht. Göttingen, 2007. P. 222.

⁷ Koellreutter, O. Op. cit. P. 3.

⁸ Goebbels, J. Wesen und Gestalt des Nationalsozialismus // Schriften der Deutschen Hochschule für Politik. Herausgegeben von Paul Meier-Bennekstein Heft 8. Berlin, 1934. P. 9.

⁹ Koellreutter, O. Op. cit. P. 3.

¹⁰ Ibid. P. 4.

¹¹ Ibid. P. 8.

¹² Ibid. P. 10.

¹³ Ibid. P. 10–11.

¹⁴ Ibid. P. 11.

¹⁵ Ibid. P. 10–11.

Рассматривая соотношение партийного и государственного управления, первое Кольройтер рассматривал как «динамику политической задачи», а второе — как статическое явление. Юрист ограничивал функции государственного служащего тем, что «его задача не участвовать в политическом оформлении, а получать и гарантировать оформленный национал-социалистическими правовыми нормами порядок народного организма»¹⁶. Затем Кольройтер проводит различие между средствами обеспечения позитивного правопорядка и целями нового нацистского государства. Это различие заключалось в требованиях бюрократических форм и строгих процедур, в рамках которых происходит государственная управленческая деятельность. «Но при каждой бюрократии возникает опасность, что эти формы и процедуры станут самоцелью и истинный смысл организации управления будет забыт. Поэтому бюрократия во всенародном государстве, процветание которого зависит от творческого развития народных сил, не может являться абсолютным властителем, а должна постоянно стимулироваться активно-политическими силами народа»¹⁷, — писал юрист. Таким образом, он отводил бюрократии, государственному аппарату и государственному управлению второстепенную функцию инструмента поддержания функционирования народной общности, но не средства ее формирования и наполнения.

Эти заключения Кольройтер подкрепляет цитатами речи Гитлера на нюрнбергском партийном съезде. Гитлер четко разграничивал функции государства и НСДАП. Государственной задачей он называл продолжение исторически сложившегося и текущего порядка управления государственной организацией в рамках и посредством закона. К партийным функциям он относил «построение внутренней организации для создания сохраняющегося и продолжающегося вечного ядра национал-социалистического учения». Во-вторых, воспитание всего народа в данной идее. В-третьих, выделение воспитанных государству для руководства в качестве дружины¹⁸.

Основным принципом взаимодействия партии и государства Кольройтер называет принцип «уважения и обоюдного соблюдения компетенции». В качестве примера данного принципа он приводит¹⁹ назначение бургомистров и их заместителей «доверием партии и

государства», а также обязанность уполномоченного НСДАП обеспечивать согласованность между партией и коммунальным управлением²⁰.

От проблем взаимоотношений партии и государства Кольройтер переходит к рассмотрению духовных и интеллектуальных сущностей в новом народническом государстве, а именно религии и науки. Обе эти сферы юрист непосредственно связывал с человеческой личностью и выступал против их официального регулирования. Он подверг критике представления о независимой от личности изолированной общности, назвав их «романтической верой» и подчеркнув, что общие ценности становятся политической реальностью благодаря личностям²¹. Юрист цитировал статью «Как с немецкой верой?», вышедшую в официальной газете СС «Черный корпус», где утверждалось о том, что религия — личное дело.

Такие утверждения о сущности религии и науки ставили Кольройтера в положение необходимости отмежевания от либерального видения данных проблем. Различие между либерализмом и национал-социализмом в видении религии и науки он проводил следующим образом: «Народническая личность чувствует себя в реализации ее научных и религиозных ценностей в неразрывной связи со своей народностью. Таким образом, люди приходят к согласию на основе общности, несмотря на различия в политической и религиозной сферах. Поэтому религиозные и научные дискуссии должны проистекать в формах, не угрожающих единству нашей народной и государственной жизни. В этом и только в этом отношении государственное руководство имеет право вмешиваться и регулировать эти сферы»²².

Юрист выступал против партийной религии и партийной науки, аргументируя это тем, что наука и религия потеряют свою ценную для народной жизни творческую силу, если пытаться организовать их партийно. Кольройтер ссылается на биографию христианского традиционалистского антисемита и придворного проповедника кайзера Адольфа Штекера, написанную нацистским историком Вальтером Франком. В ней автор утверждал невозможность существования партийной науки и искусства и подчеркивал, что «его работа создавалась независимо от НСДАП, из свободной воли исследователя, который чув-

¹⁶ Ibid. P. 12.

¹⁷ Ibid. P. 12.

¹⁸ Ibid. P. 12.

¹⁹ Ibid. P. 13.

²⁰ Deutsche Gemeindeordnung vom 30. Januar 1935 [Electronic resource]. Available at: <http://www.verfassungen.de/de/de33-45/gemeindeordnung35.htm>

²¹ Koellreutter O. Op. cit. P. 14.

²² Ibid. P. 14.

ствовав себя ответственным только перед внутренним зовом его совести». Юрист апеллирует к термину «борющаяся наука», употребляемому Франком, и заключает, что он относится не только к истории, но и к юриспруденции, утверждая о плодотворности исследований немецкой науки «только в обязательствах перед народностью»²³.

В заключении Кольройтер апеллирует к мнению одного из крупнейших идеологов нацизма Альфреда Розенберга о том, что «истинная свобода возможна только в типе, который не может возникнуть в результате организационной и официальной деятельности, но может возникнуть только из источников народнической личности и ее успехов». Юрист полагал, что немецкая наука может развиваться только в конкуренции с научными силами других народов²⁴.

Воззрения Кольройтера на устройство Третьего рейха трудно характеризовать в рамках классического концепта, существующего в современной теории государства под названием «форма государственного устройства». Данное обстоятельство отчасти объясняется отсутствием этатистской сущности нацистской идеологии, в чем заключается ее главное отличие от идеологии итальянского фашизма. Ключевым словом названия его доклада «Основные вопросы нашей народной и государственной формы» является слово «народная», которое понималось Кольройтером в полном соответствии с важнейшими постулатами в расовом смысле. Несмотря на его неприятие терминов «тотальный» и «то-

тальность», которое объясняется специфической правопонимания, воззрения Кольройтера можно охарактеризовать как тоталитарные. Практически весь доклад юрист посвятил обоснованию приоритета партии как «хранилища идеалов народности» над государством. Правопонимание Кольройтера можно охарактеризовать как смесь квазиисторического и квазиестественного подходов. С одной стороны, юрист считал правом то, что образовывалось из жизни народа, но народа, понимаемого в расовом ключе, что сближало его правопонимание с исторической школой права. С другой стороны, эти расовые правила, выражаемые прежде всего партией, являются первичными по отношению к государственному управлению и позитивному правопорядку, выступающим лишь инструментом поддержания народности, что придавало внешнее сходство с естественным правопониманием.

Из трех слагаемых формы государственного устройства Кольройтер почти не затронул форму правления, лишь фрагментарно затронув проблему административно-территориального устройства, когда обосновывал роль НСДАП в выстраивании вертикального унифицированного публичного управления от местных сообществ до государства. В видении юристом политического режима Третьего рейха, помимо обоснования главенствующей роли НСДАП, важно подчеркивание роли личности в политике и науке. Но личность носит вторичный, производный характер от основанной на расе народной общности. Права и свободы личности возможны лишь в рамках расовой народной общности и в ее интересах.

²³ Ibid. P. 14.

²⁴ Ibid. P. 15.

Литература

1. Билалутдинов М.Д. Отто Кольройтер о национал-социалистическом понимании правового государства / М.Д. Билалутдинов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : В 2-х ч. Ч. I. Тамбов : Грамота, 2014. № 1 (39). С. 32–36.
2. Deutsche Gemeindeordnung vom 30. Januar 1935 [Electronic resource]. Available at: <http://www.verfassungen.de/de/de33-45/gemeindeordnung35.htm>
3. Goebbels, J. Wesen und Gestalt des Nationalsozialismus / J. Goebbels // Schriften der Deutschen Hochschule für Politik. Herausgegeben von Paul Meier-Bennekstein Heft 8. Berlin, 1934. 14 p.
4. Koellreutter, O. Grundfragen unserer Volks- und Staatsgestaltung / O. Koellreutter. Berlin : Junker und Dünhaupt Verlag, 1936. 15 p.
5. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Otto Koellreutter [Electronic resource]. Available at: <http://www.catalogus-professorum-halensis.de/koellreutterotto.html>
6. Walkenhorst, P. Nation — Volk — Rasse. Radikaler Nationalismus im Deutschen Kaiserreich 1890–1914 / P. Walkenhorst. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. 400 p.

References

1. Bilalutdinov M.D. Otto Kol'rojter o natsional-sotsialisticheskom ponimanii pravovogo gosudarstva // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Otto Kolreuter on National Socialist Understanding of Law-Governed State // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice]. Tambov : Gramota. Tambov : Charter, 2014. No. 1 (39): in 2 p. P. I. P. 32–36.

2. Deutsche Gemeindeordnung vom 30. Januar 1935 [Elektronische ressource] // URL: <http://www.verfassungen.de/de/de33-45/gemeindeordnung35.htm>
3. Goebbels J. Wesen und Gestalt des Nationalsozialismus // Schriften der Deutschen Hochschule für Politik. Herausgegeben von Paul Meier-Bennekstein Heft 8. Berlin, 1934. 14 s.
4. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Otto Koellreutter [Elektronische ressource] // URL: <http://www.catalogus-professorum-halensis.de/koellreutterotto.html>
5. Koellreutter O. Grundfragen unserer Volks- und Staatsgestaltung. Junker und Dünnhaupt Verlag. Berlin, 1936. 15 s.
6. Walkenhorst P. Nation – Volk – Rasse. Radikaler Nationalismus im Deutschen Kaiserreich 1890–1914. Vandenhoeck & Ruprecht. Göttingen 2007, 400 p.

DOI: 10.18572/1812-3805-2017-22-24-29

Судебно-юрисдикционная политика российской верховной власти в отношении коренных народов областей Поволжья и Урала в XVI–XVII вв.

*Воропанов Виталий Александрович,
заведующий кафедрой государственного управления,
правового обеспечения государственной и муниципальной службы
Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
кандидат исторических наук, доцент
vvoropanov@yandex.ru*

В XVI–XVII вв. верховная власть обеспечивала коренным народам доступ к «официальному» правосудию посредством судов специальной подсудности, соблюдения нормативно-правового плюрализма и ограничения требований процессуального законодательства, что способствовало успешной интеграции этнических групп в общественный строй России.

Ключевые слова: коренные народы России, право, суд, политика.

Judicial and Jurisdictional Policy of the Russian Supreme Authority in Respect of Indigenous Peoples of the Volga and Ural Territories in the XVI–XVII Centuries

*Voropanov Vitaly A.
Head of the Department of Public Administration, Legal Support
of Public and Municipal Service of the Chelyabinsk branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Candidate of Historical Sciences
Assistant Professor*

In the 16–17th centuries the Supreme power provided to indigenous people access to the “official” justice by through courts of special jurisdiction, observance legal pluralism and the limitations of the requirements of the procedural legislation, that promoted successful integration of ethnic groups into a social order of Russia.

Key words: the indigenous peoples of Russia, law, courts, politics.

Изучение вопросов организации правосудия в XV–XVII вв. позволяет приблизиться к пониманию путей укрепления государства в

отдельных областях России. Цель статьи заключается в анализе ранних этапов развития местных систем правосудия, специальных

форм и способов адаптации и интеграции коренных народов в политико-правовую систему России.

Территориальное расширение Русского государства сопровождалось передачей новых земель под руководство особо уполномоченных лиц — бояр, окольных, дворецких, казначеев, дьяков.

К числу областей с компактным размещением иноэтнического населения к началу XVI в. относилась Мещера, где великие князья санкционировали юрисдикцию монголо-тюркской и мордовской служилой знати в отношении местных общин мордвы, татар, башкир, жожен¹. Верховная власть продолжала формировать уездную систему в Мещерской «украине» и усиливать присутствие в ее городах своих непосредственных представителей — наместников, волостелей, воевод, в подсудности которых находились русские жители. Примечательно, что доходный список, выданный в 1585 г. дворянину Н.П. Клементьеву для наместничества в Арзамасе и Арзамасском уезде, возбранял ему рассматривать и разрешать дела бортников и мордвы за исключением обвинений в совершении особо тяжких преступлений («в розбое и в душегубстве тадбе с поличным»)². Следует заметить, что статус служилых татар последовательно использовался в свою очередь в Вятской земле, как, например, мурз Мурсеитовых для управления общинами татар, удмуртов и чуваш³.

Тем не менее, иноэтнические группы населения рассматривались как неотъемлемая часть общей массы подданных. Монарх индивидуально регулировал объем полномочий кормленщиков и вотчинников. Так, в 1535 году от имени Ивана IV в окрестностях Темникова были испомещены мурзы Асбердиновы, наделенные иммунитетом по отношению к судебным прерогативам как наместников, так и местных монголо-тюркских правителей — «мордовских князей». В то же время в 1538 г. была удовлетворена просьба кадомской мордвы, подсудность которых мурзе Енгальчу Бедишеву ограничили в пользу дворецкого делами о совершении особо тяжких преступлений — «душегубства и разбоя с

поличным»⁴. Аналогично в 1588 г. царь ограничил зависимость каринских и верхочепецких удмуртов от служилых мурз случаями совершения особо тяжких преступлений — «разбоя и татьбы с поличным», установив их персональную подсудность уполномоченным столичным судебным органам. Наконец, туземцам наряду с отдельными вотчинниками и помещиками, посадскими и крестьянскими общинами выдавались жалованные несудимые грамоты, как, например, в 1557 г. удмуртам Сырьянской волости Слободского уезда, поощренным за крещение не только освобождением от выплаты налогов, но и временным установлением широкой подсудности их выборных должностных лиц — слободчиков, исключавшей дела о совершении особо тяжких преступлений («опричь душегубства и татбы и разбоя с поличным»)⁵.

На территории бывшего Казанского ханства, где была введена система приказной администрации, возникла необходимость учреждения специальных судов низшей инстанции в лице татарских голов из числа детей боярских и представителей этнической знати⁶. При этом в крае сохранилась традиционная административно-территориальная система в виде даруг, улусов и сотен, а также традиционные способы осуществления правосудия⁷. Татарские головы, подчиненные воеводам, стали назначаться и в Астрахани⁸. Башкиры Южного Урала поступили в исключительную подсудность уфимского воеводы, их самоуправление получило номинальные ограничения⁹.

Реформирование и развитие системы центральных органов административной юстиции во второй половине XVI в. завершилось установлением специальной подсудности Новгородской четверти в отношении населе-

¹ См. подр.: Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. XXIV / сост. П. Дьяконов. Тамбов, 1889. С. 4, 11–12, 30–32.

² См. подр.: Акты служилых землевладельцев XV — XVII века: сб. док. / сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов. Т. I. М., 1997. № 298. С. 290.

³ См. подр.: Акты археографической экспедиции императорской Академии наук (далее — ААЭ). Т. I. № 220. С. 208–209; № 245. С. 267–268.

⁴ См. подр.: Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства. Уфа, 1999. С. 28, 36.

⁵ См. подр.: Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / сост. П.Н. Луппов ; гл. ред. В.Г. Гусев. № 80. С. 353–354; № 81. С. 354.

⁶ См. подр.: Димитриев В.Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI — начала XVII вв. // Ученые записки НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1963. Вып. XXII. Приложение. С. 135, 136.

⁷ См. подр.: Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 51, 61–62.

⁸ См. подр.: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — АИ). Т. III. № 134. С. 211.

⁹ См. подр.: Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I / отв. ред. А.П. Чулошников. М.–Л., 1936. № 22. С. 122–123.

ния северных областей России, включая Вятскую землю и Пермь Великую, Приказа Казанского и Мещерского дворца — Вятского Понизовья, бывших Астраханского, Казанского и Сибирского ханств, а также Башкирии.

После окончания Смуты система органов воеводской администрации распространилась на области Северного Приуралья, где сохранилась традиция персональной подсудности этнических общин: вне судебной власти хлыновской приказной избы находились каринские и верхочепецкие бесермяне, татары и удмурты («опричь розбоя и татбы с поличным»)¹⁰.

Необходимость учитывать культурно-языковые особенности и правовые традиции туземного населения усиливала разнообразие организации правосудия. В отношении отдельных этнических групп санкционировалась специальная юрисдикция, как, например, в Арзамасском уезде особой приказной избы во главе с воеводой («бортничьих и мордовских дел») или в Саранском уезде приказа мордовских дел под руководством головы с подьячими мордовских дел¹¹. Татарские судебные избы в лице татарских голов и подьячих татарских дел действовали в Астрахани и городах Казанского края¹², применяя нормы как законодательства, так и обычного и мусульманского права.

В частности, татарский голова в Астрахани назначался Приказом Казанского дворца сроком на два года. Полезно заметить, что после возвращения татар с летних кочевий воеводам предписывалось командировать к нему отряд стрельцов для охраны¹³. Татарский голова обязался осуществлять правосудие без сбора пошлин, передавая крупные и сложные дела, а также дела с участием представителей этнической знати уездным судьям в приказную палату, и предоставлять татарам правовую защиту при столкновениях с представителями иных групп подданных. За преступления должности наказ грозил татар-

скому голове неотвратимостью уголовного наказания¹⁴.

В разбирательстве дел были задействованы специалисты устного перевода — толмачи. В целях сокращения произвола в деятельности приказных людей должность толмача делалась выборной. Так, грамотой от января 1677 г. царь предписал ядринскому воеводе М.Ф. Стрекалову провести учет толмачей и проверить основания наделения их полномочиями, а также провести выборы кандидатов на должности¹⁵. Именной указ, направленный в Вятку 25 февраля 1683 г., предписал воеводе не допускать доминирования представитель одной этнической группы, обеспечивая выборы толмачей для производства дел с участием удмуртов из числа их соплеменников («за них отяков татаром у дел толмачить не велеть, чтоб от того меж ими никаких ссор не было»)¹⁶. В законодательстве подтверждались судебные привилегии туземцев: первоочередное взыскание долгов в их пользу¹⁷, отсутствие денежных взысканий за затягивание разбирательства дел («проести и волокиты на мурзах и на татарех и на мордве и на чуваше и на черемисе и после суда не править»)¹⁸.

Башкиры ежегодно съезжались в Уфу для разрешения дел в судебном порядке. Воеводы участвовали в урегулировании их межродовых конфликтов и вотчинных споров¹⁹, однако волокита и взяточничество снижали популярность «официального» правосудия, побуждая истцов обращаться к традиционным способам осуществления правосудия; межэтнические конфликты, связанные со стихийным наплывом переселенцев, приводившие к массовым столкновениям в местностях, удаленных от Уфы, не привлекали должного внимания²⁰. В конце XVII в. русские сибиряки жаловались на то, что башкиры «под суд Тоболеск в остроги и слободы к прикащиком не даются, чинятся ослушны; а от

¹⁰ См. подр.: ААЭ. Т. IV. № 291. С. 433–436.

¹¹ См. подр.: Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 49–50; Мордва: Историко-культурные очерки / отв. ред. В.А. Балашов. Саранск, 1995. С. 53.

¹² См. подр.: Зерцалов А.Н. Окладная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. (К истории государственных росписей XVII в.). М., 1893. С. 56; Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 36, 49; Ермолаев И.П. Указ. соч. С. 136–137, 200.

¹³ См. подр.: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — ДАИ). Т. IV. № 74. С. 193, № 108. С. 256–257.

¹⁴ См. подр.: ДАИ. Т. IV. № 108. С. 256, 257; Т. VII. № 52. С. 270.

¹⁵ См. подр.: ДАИ. Т. VII. № 29. С. 171–172.

¹⁶ См. подр.: Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. № 23. С. 104.

¹⁷ См. подр.: Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Третий период: С 1645–1676 г. Пермь, 1884. С. 900.

¹⁸ См. подр.: ПСЗ РИ. Собр. I. Т. II. № 1180; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 68. СПб., 1889. С. 3, 9, 16, 120.

¹⁹ См. подр.: Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. № 6–9, 11. С. 76–81.

²⁰ См. подр.: Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III / сост. Н.Ф. Демидова; под ред. Н.В. Устюгова. М.–Л., 1949. № 545. С. 481–482.

Уфинского городу живут в дальности, больше оми сот верст»²¹.

Специальную юрисдикцию продолжали осуществлять центральные органы административной юстиции. Источник начала XVII в. зафиксировал в составе Новгородской четверти специализированное структурное подразделение — Судный стол²²; преемником Новгородской четверти сделался Новгородский приказ²³. Территориальная подсудность центральных судов менялась в процессе государственного строительства: в 1630-х гг. Приказ Казанского дворца подвергся реорганизации, Азиатская часть России перешла в ведение Сибирского приказа²⁴. Именной указ с боярским приговором от 12 июля 1672 г. подтвердил специальную подсудность народов Поволжья Приказу Казанского дворца («и мурзы, и татаровя, и чуваша, и черемиса, и мордва судом ведомы, и ищут и отвечают в одном приказе Казанского дворца, в иных приказах их судом ведать не велено»)²⁵. Башкиры, расширившие территорию этнического расселения в Зауралье, сохраняли персональную подсудность: в 1695–1696 гг. потребовалось обновить пределы полномочий Приказа Казанского дворца и Сибирского приказа; правительственная комиссия подвергла жителей Южного Зауралья переписи и выдала им документы на земли и уголья²⁶.

В 1660-х годах юрисдикция Приказа Казанского дворца распространилась на территорию Касимовского ханства, где сохранялась особая система правосудия и крупнейшие имунисты спорили о полномочиях с воеводами. Подсудность отдельных групп населения Касимовского ханства обновил именной указ от 6 марта 1614 г., в соответствии с которым Приказу Казанского дворца (позднее Посольскому приказу) следовало разбирать дела по искам к дворовым людям хана, хану — к посадским людям и татарам Касимова, воеводе совместно с приказными людьми хана — к служилым князьям, мурзам и татарам, наконец, воеводе — к остальным служилым, посадским и уездным людям. Указом от 30 марта 1615 г. царь удовлетворил просьбу хана и

предписал воеводе не нарушать его прерогативы и не присутствовать при осуществлении им правосудия. Уже в июне 1621 г. царь поручил воеводе провести расследование по жалобе жителей посада Касимова на действия хана, временно сократив его полномочия. Именной указ от 16 октября того же года внес в статус хана ряд перемен: суду воеводы подлежали дворовые люди хана в случае обвинения их в совершении крупных преступлений — разбоя и татбы с поличным, служилые князья, мурзы и татары без участия представителей хана. Воеводе следовало надзирать за исполнением ханом судебных обязанностей. В случае отказа в правосудии и явной волоките крупные дела подлежали передаче в Посольский приказ, прочие — разрешению воеводой. Крещение последнего правителя — «царевича» Сеид-Бурхана и части служилых татар ускорило ликвидацию Касимовского ханства как обособленного административно-территориального образования и установление единой подсудности местного населения²⁷.

Между тем, в связи с образованием в Прикаспийском крае нового вассального политического образования, в Астрахани и иных населенных пунктах и торговых местах области вырабатывался опыт проведения смешанных судов с участием служилых людей — приставов, назначенных воеводой, и посредников, уполномоченных калмыцким лидером, — «бодокчеев». При разбирательстве дел этнические представители руководствовались положениями Степного уложения («Цааджин-Бичик»), составленного на основе ойратских обычаев и письменных нормативных источников в 1640 г.²⁸, государевы люди — законодательством. Противоречия, возникавшие среди судей, разрешались воеводой и ханом. В Калмыцкой степи сложилась система улусных судов. Возникновение центральной власти в лице тайши Аюки, официально принявшего титул хана в 1690 г., облегчило налаживание сотрудничества царской администрации с калмыцкой знатью. Аюка самостоятельно разбирал наиболее важные дела и принимал жалобы на решения бодокчеев, командированных им в русские пограничные населенные пункты. Статусом общекалмыцкого органа управления при Аюке пользовался Зарго в составе 8 членов — «тусалакчи» и «заргучи», из чис-

²¹ См. подр.: Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Пятый период. Часть вторая: С 1695–1701 г. Пермь, 1887. С. 55.

²² См. подр.: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. XXVIII. М., 1912. С. 239.

²³ См. подр.: ДАИ. Т. IX. № 89. С. 187–188.

²⁴ См. подр.: Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 154.

²⁵ См. подр.: ПСЗ РИ. Собр. I. Т. I. № 526.

²⁶ См. подр.: Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. № 15, 16. С. 84–100; Шишонко В.Н. Указ. соч. С. 45–66.

²⁷ См. подр.: Собрание государственных грамот и договоров. Ч. III. М., 1822. № 58. С. 234–235; Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань, 1891. С. 50–53, 97–98, 103–105, 124–129.

²⁸ См. подр.: Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922. С. 10–15.

ла духовных лиц, а также нойонов и зайсангов из улусов, принадлежавших хану. Для ведения дел, касавшихся остальных улусов, в ставке хана находились их представители. Улусные зарго подчинялись тайшам или нойонам-владельцам. Делопроизводство в зарго вели «бичачи», надзорные и приставские функции исполняли «яргучи». Для сопровождения и защиты интересов русских торговых людей в улусе тайша назначал «даргу»²⁹.

Итак, с момента присоединения приурдинских территорий в составе России оказались области с компактным размещением иноэтнического населения, управление которым поручалось представителям служилой этнической знати: в Мещерском крае — монголо-тюркской и мордовской. В связи с переводом в Вятский край служилых беков и мурз в их ведении также оказались общины бесермян, татар, удмуртов. Рассматривая туземцев как неотъемлемую часть русских подданных, верховная власть последовательно вмешивалась в их отношения с наместниками и кормленщиками, гарантируя им защиту от произвола государевых слуг, последовательно упраздняя элементы механизма косвенного управления туземным населением. Подчинение Казанского и Астраханского ханств и создание в Поволжье системы органов приказной администрации обусловили необходимость учреждения низших судов специальной подсудности, наделенных ограниченной юрисдикцией. Монарх законодательно закрепил право участия представителей этнической знати народов Казанского края в осуществлении правосудия. Коренное население Южного Урала к концу XVI в. сосредоточилось в подсудности уфимского воеводы.

²⁹ См. подр.: Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста, 2002. С. 92, 255–258, 263, 264.

Литература

1. Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв.: дис. ... д-ра ист. наук / М.М. Батмаев. Элиста, 2002. 400 с.
2. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н.Ф. Демидова. М.: Наука, 1987. 230 с.
3. Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства / С.Х. Еникеев. Уфа: Гилем, 1999. 353 с.
4. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем) / И.П. Ермолаев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 223 с.
5. Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России / Н.Н. Пальмов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1922. 160 с.
6. Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен / Н.И. Шишкин. Рязань: Типо-лит. Н.Д. Машкина, 1891. 216 с.

References

1. Enikeev S.Kh. Ocherk istorii tatarskogo dvoryanstva / S.Kh. Enikeev [Sketch on History of Tatar Nobility / S.Kh. Enikeev]. Ufa. Ufa, 1999. 353 p.

В XVII веке традиции персональной подсудности отдельных этнических общин сохранились. Народы Поволжья получали доступ к «официальному» правосудию посредством специализированных органов и должностных лиц. Каринские и верхочепецкие бесермяне, татары и удмурты привлекались к суду хлыновского воеводы исключительно по делам об особо тяжких преступлениях. Башкиры, населявшие Уфимский уезд — территории от Заволжья до Зауралья, оставались в эксклюзивной подсудности уфимского воеводы. Уездные и городские суды в лице воевод исполняли важную роль в регулировании межэтнических и межгрупповых отношений, укрепляя общественный порядок. Верховная власть стремилась поддерживать баланс в межэтнических отношениях, делая должность толмачей при воеводах выборной для этнических общин. В условиях смешанного населения суды специальной подсудности соблюдали принцип нормативно-правового плюрализма; действие норм процессуального права ограничивалось в пользу туземцев. В качестве центральных судов специальной подсудности для коренных народов Поволжья и Урала в Москве с конца XVI в. работали Новгородская четверть (с конца XVII в. Новгородский приказ) и Приказ Казанского дворца.

Заключительным этапом интеграции Касимовского ханства в состав России стала его передача в 1660-х гг. в ведение Приказа Казанского дворца, юрисдикция на его территории последовательно консолидировалась. В то же время система правосудия Калмыцкого ханства, сложившегося во второй половине XVII в., являлась автономной, Посольский приказ контролировал сотрудничество органов местной администрации с органами родоплеменного управления при разбирательстве дел смешанной подсудности.

2. Ermolaev I.P. Srednee Povolzh'e vo vtoroj polovine XVI–XVII vv. (Upravlenie Kazanskim kraem) / I.P. Ermolaev [Middle Volga Region in the Second Half of the XVI–XVII Centuries (Management of the Kazan Territory) / I.P. Ermolaev]. Kazan'. Kazan, 1982. 223 p.
3. Demidova N.F. Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII v. i ee rol' v formirovanii absolyutizma [Serving Bureaucracy in Russia in XVII Century and Its Role in the Formation of Absolutism]. Moscow. Moscow, 1987. 230 p.
4. Shishkin N.I. Istoriya goroda Kasimova s drevnejshikh vremen / N.I. Shishkin [History of the City of Kasimov from the Most Ancient Times / N.I. Shishkin]. Ryazan'. Ryazan, 1891. 216 p.
5. Palmov N.N. Oчерк istorii kalmytskogo naroda za vremya ego prebyvaniya v predelakh Rossii / N.N. Palmov [Sketch on History of the Kalmyk People for the Period of Their Stay within Russia]. Astrakhan'. Astrakhan, 1922. 160 p.
6. Batmaev M.M. Sotsial'no-politicheskij stroj i khozyajstvo kalmykov v XVII–XVIII vv. / M.M. Batmaev [Sociopolitical Structure and Economy of the Kalmyk People in the XVII–XVIII Centuries / M.M. Batmaev]. Elista. Elista, 2002. 400 p.

DOI: 10.18572/1812-3805-2017-22-29-37

Смерть царевича Димитрия: несчастный случай или умышленное убийство?

Боннер Александр Тимофеевич,
*профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства
Московского государственного юридического университета (МГЮА),
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки Российской Федерации*
kgpc@msal.ru

В течение нескольких столетий историков, а также рядовых россиян волновала таинственная история, связанная с трагической смертью восьмилетнего царевича Димитрия, младшего сына Ивана Грозного. Это произошло 15 мая 1591 г. в небольшом городке Угличе. Расследованием обстоятельств гибели царевича занималась направленная Борисом Годуновым Следственная комиссия. Сохранилось и уникальное «обыскное (следственное) дело» об убийстве царевича Димитрия. Согласно подавляющей части его материалов, царевич стал жертвой несчастного случая, зарезавшись ножом во время эпилептического приступа. Однако в материалах дела сохранились и следы другой версии — царевич был убит людьми, подосланными Годуновым. Мнения историков разделились, а точку зрения Н.М. Карамзина о том, что Димитрий был убит, разделил А.С. Пушкин в известной драме «Борис Годунов». Эта точка зрения, по сути, стала хрестоматийной. Однако руководство музеев Московского Кремля попыталось эту версию опровергнуть и реабилитировать Годунова. Автор настоящей статьи на основе анализа «обыскного дела» и некоторых других материалов старается эту версию опровергнуть.

Ключевые слова: царевич Димитрий, Следственная комиссия, несчастный случай, убийство, Годунов.

Death of Tsarevich Dmitry: Accident or Murder?

Bonner Aleksandr T.
*Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Doctor of Law, Honored Scientist of the Russian Federation*

A mysterious story of tragic death of the eight-year-old Tsarevich Dmitry, the youngest son of Ivan the Terrible has agitated historians and common Russians for several centuries. It happened on May 15, 1591 in a small town of Uglich. A Commission of Inquiry sent by Boris Godunov was reviewing the circumstances of the Tsarevich's death. The unique investigative case of Tsarevich Dmitry's murder has remained intact. According to the largest part of its data, the Tsarevich fell victim of an accident having stabbed himself with a knife during an epileptic seizure. However, the traces of another version have remained in the case data: people sent by Godunov assassinated the Tsarevich. The historians' opinions divided, and A.S. Pushkin

shared the N.M. Karamzin's theory that Dmitry had been killed in the well-known drama Boris Godunov. In fact, this position has become canonical.

However, the management of the Moscow Kremlin museums tried to challenge this version and exonerate Godunov. The author of this article tries to contest this version based on the investigative case analysis and some other data.

Key words: Tsarevich Dmitry, Commission of Inquiry, accident, murder, Godunov.

В конце 2015 — начале 2016 г. в Государственном историко-культурном музее-заповеднике «Московский Кремль» работала весьма масштабная выставка. Она была посвящена одному из крупнейших деятелей российской истории — Борису Годунову, незаурядной личности с весьма необычной, удивительной и даже трагической судьбой, жизненный путь которого с давних пор привлекал внимание историков и литераторов.

С учетом некоторых особенностей личности царя, о которых пойдет речь ниже, название выставки «Борис Годунов. От слуги до государя всея Руси» носило достаточно двусмысленный характер. Экспозиция освещала основные вехи жизненного пути Бориса Годунова, этапы государственной деятельности, наиболее важные аспекты внешней политики, знакомила публику с богатым культурным наследием эпохи его правления и, вне сомнения, представляла значительный интерес.

Выставке была дана надлежащая реклама или, пользуясь современным сленгом, она стала поводом для «пиара». К пиар-кампании подключился и ряд СМИ. В частности, в «МК» от 19 октября 2015 г. и в газете Metro от 15 октября того же года были опубликованы репортажи К. Коробейниковой и Д. Буяновой. Соответственно они были озаглавлены «Борис Годунов вернулся в Кремль» и «В Кремле оправдали Бориса Годунова».

Первая публикация — интервью с генеральным директором Е.Ю. Гагариной и ее заместителем — О.В. Дмитриевой.

Второй же репортаж был подготовлен на основе беседы с О.В. Дмитриевой, одновременно являющейся доцентом исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Комментарии руководителей концепции выставки не могут не вызвать недоумения. Исходя из них, в качестве главной цели выставки была поставлена задача переосмыслить весьма важный эпизод отечественной истории, связанный с обстоятельствами смерти царевича:

«Годунова обвиняли в смерти царя, затем в убийстве его сына Дмитрия. Что-бы отвергнуть эту версию, на выставке... представили материалы следствия по делу о гибели царевича, показания семи свидетелей, которые в один голос гово-

рят о том, что ранения он нанес себе сам в припадке эпилепсии» (Metro).

«Смерть царевича Дмитрия в результате эпилептического припадка подтверждается современными междисциплинарными исследованиями (любопытно было бы узнать какими? — А.Б.), — вещала со страниц «МК» Ольга Дмитриева. — Тем более что свидетелей было семеро. Опросили всех. Этой выставкой мы пытаемся сломать стереотипы, опровергнуть легенду, знакомую нам по драме Пушкина. Люди должны быть знакомы и с другими точками зрения».

А на сайте kreml.ru под рубрикой «Историческая правда» появилась следующая информация, способная положить любого сколько-нибудь просвещенного читателя буквально на лопатки: **«Самый главный экспонат (выставки. — А.Б.) — следственное дело 1591 года о невинно убиенном в Угличе восьмилетнем царевиче Дмитрии... документ, историкам и писателям XIX века неизвестный, — в котором нет никаких доказательств вины Годунова. Собственно, развенчание мифа об убийстве и есть главная цель выставки. Доказывается, что у Годунова не было никаких мотивов для убийства — матерью царевича была Мария Нагая, и поскольку это был шестой брак царя, он не был благословлен церковью, и царевич исключался из претендентов на престол. Миф же о том, что в смерти царевича виноват Годунов, возник около 1601 года по причинам, не имеющим прямого отношения к трагедии в Угличе. ... Больше всего руку к очернению образа Годунова приложили вовсе не его политические недруги... но Пушкин — в своей знаменитой драме, и Карамзин — в «Истории государства Российского».**

К сожалению, в приведенной цитате все следует понимать с точностью до наоборот. На самом деле представленные на выставке материалы «обычного дела» специалистам-историкам уже давно и хорошо были известны. В свое время их скрупулезнейшим образом изучали и использовали в своих трудах крупнейшие российские историки Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и др. Они не поверили скоропалительным выводам следствия и пришли к заключению,

что царевич был убит, а материалы дела в угоду Борису — сфальсифицированы. Вот как С.М. Соловьев, следуя за текстом летописи, описал ситуацию, предшествовавшую смерти царевича Димитрия:

«Достигнув первенства, Годунов должен был подумать о будущем, и будущее это было для него страшно, тем страшнее, чем выше было его положение настоящее: у Феодора не было сына, при котором Годунов, как дядя, мог надеяться сохранить прежнее значение... **преемником бездетного Феодора долженствовал быть брат его, Димитрий, удаленный в Углич при воцарении старшего брата...**

И вот в мае 1591 г. разнеслась по государству весть, что царевича Димитрия в Угличе не стало, и понесся слух, что погиб он насильственной смертью, от убийц, подосланных Годуновым. Летописцы так рассказывают подробности события...

Сначала хотели отравить Димитрия: давали ему яд в пищу и питье, но понапрасну. Тогда Борис призвал родственников своих, Годуновых, людей близких, окольного Клешина и других, объявил им, что отравой действовать нельзя, надобно употребить другие средства. ...Клешин отыскал человека, который взялся исполнить дело: то был дьяк Михайла Битяговский. С Битяговским отправили в Углич сына его Данилу, племянника Никиту Качалова, сына мамки Димитриевой, Осипа Волохова ...Царица Марья заметила враждебные замыслы Битяговского с товарищами и стала беречь царевича, никуда от себя из хором не отпускала. Но 15 мая, в полдень, она почему-то осталась в хоромах, и мамка Волохова, бывшая в заговоре, повела ребенка на двор, куда сошла за ними и кормилица, напрасно уговаривавшая мамку не водить ребенка. На крыльце уже дожидались убийцы; Осип Волохов, взявши Димитрия за руку, сказал: «Это у тебя, государь, новое ожерелье?! Ребенок поднял голову и отвечал: «Нет, старое». В эту минуту сверкнул нож; но убийца кольнул только в шею, не успев захватить гортани, и убежал; Димитрий упал, кормилица пала на него, чтоб защитить, и начала кричать: тогда Данила Битяговский с Качаловым, избивши ее до полусмерти, отняли у нее ребенка и дорезали. Тут выбежала мать и начала кричать. ...Народ сбежался на двор и, узнавши о преступлении, умертвил старого Битяговского и троих убийц; всего погибло 12 человек. Тело Димитрия положили в гроб и вынесли в соборную церковь Преображения, а к царю послали гонца с вестью об убийстве брата. Гонца привели к Борису; тот велел взять у него грамоту, написал грамоту, что

Димитрий сам зарезался, по небрежению Нагих, и велел эту грамоту подать царю: Феодор долго плакал»¹.

Члены направленной Борисом Следственной комиссии, — повествует далее историк, — «...осмотрели тело, погребли его и **стали расспрашивать угличан, как, по небрежению Нагих, закололся царевич?** Им отвечали, что царевич был убит своими рабами — Битяговским с товарищами по приказанию Бориса Годунова и его советников»². Другими словами, еще до начала следствия членам комиссии уже «было хорошо известно», что царевич «закололся» сам и это произошло «по небрежению Нагих».

Цинизм Бориса, в борьбе за власть не останавливавшегося ни перед чем, заключался еще и в следующем. Мало того, что он организовал убийство Димитрия. Он вместе со своими подручными пытался еще свалить вину за гибель ребенка на царицу и троих ее братьев Нагих:

«Нагих привезли в Москву и пытали крепко; у пытки был сам Годунов с боярами и Клешиным; но с пытки Нагие говорили, что царевич убит...»

Все подробности этого записанного в летописи повествования, — резюмировал С.М. Соловьев, — не позволяют историку видеть в нем выдумку. И далее: **«Сравним теперь с этим рассказом другой памятник, имевший целью доказать обратное, т.е. что Димитрий сам закололся, обратимся к следственному делу о убийении царевича»³**. Другими словами, «следственное (или розыскное) дело о убийении царевича», вопреки утверждениям руководителей музеев Московского Кремля, было российским историкам хорошо известно.

И далее С.М. Соловьев самым подробнейшим образом анализирует материалы этого дела и приходит к следующему выводу: **«...следствие было произведено недобросовестно. Не ясно ли видно, что спешили собрать побольше свидетельств о том,**

¹ Соловьев С.М. Сочинения : В 18-ти кн. Кн. IV : История России с древнейших времен. Т. 7–8. М. : Мысль, 1989. С. 305–306.

В данном случае в летописи допущена явная, впрочем, принципиального характера неточность. Как известно, Годунов, при всем его опыте и уме, был неграмотен. Поэтому, естественно, что лично изготовить фальшивку он не мог. См.: История России в лицах: с древности до наших дней: Биографический словарь. М. : Русское слово, 1997. С. 87–88. Поэтому Борис лишь дал приказ, а в техническом плане его выполнили другие люди.

² Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IV. С. 306.

³ Там же. С. 307.

что царевич зарезал себя сам в принадлежности падучей болезни, не обращая внимания на противоречия и на укрытие главных обстоятельств»⁴. К аналогичному выводу пришел и Н.М. Карамзин⁵.

Еще один признанный авторитет исторической науки В.О. Ключевский полагал, что комиссия «вела дело бестолково или недобросовестно, тщательно расспрашивала о побочных мелочах и позабыла разведать важнейшие обстоятельства, не выяснила противоречий в показаниях, вообще страшно запутала дело. Она постаралась, прежде всего, уверить себя и других, что царевич не зарезан, а зарезался сам в припадке падучей болезни, поапавши на нож, которым играл с детьми. Получив такое донесение комиссии, патриарх Иов, приятель Годунова, при его содействии и возведенный два года назад в патриарший сан, объявил соборне, что смерть царевича заключилась судом Божиим. ...В январе 1598 г. умер царь Федор. После него не осталось никого из Калитиной династии, кто бы мог занять опустевший престол. ...Итак, **династия вымерла не чисто, не своею смертью. Земский собор под председательством того же патриарха Иова избрал на царство правителя Бориса Годунова»⁶.**

Будущий Государь всея Руси — Борис Федорович Годунов — родился около 1552 г. В 1570 г. его вписали в опричное войско. В следующем году молодой человек весьма удачно женился на дочери всеяильного Малюты Скуратова. Дальнейшая его стремительно развивавшаяся карьера с трудом поддается объяснению.

По свидетельствам иностранных дипломатов, Борис, первоначально занимавший при дворе весьма незначительные посты, постоянно находился рядом с Грозным и время от времени шептал ему что-то на ухо. С остальными был скромен, приветлив, всем улыбался, никогда ни о ком плохо не говорил. В 1580 году он весьма серьезно укрепил свое положение, не совсем понятным образом поспособствовав браку сестры Ирины со вторым сыном Грозного, Федором Иоанновичем. В 28-летнем возрасте Борис был возведен в чин боярина и вошел в состав Боярской думы.

18 марта 1584 года 54-летний Грозный скончался. Борис стал главным, а спустя некоторое время и единственным «советником», а

фактически полновластным правителем при безвольном и слабоумном царе Федоре Иоанновиче. Судя по всему, употребляя современный психиатрический термин, Федор страдал олигофренией.

За полтора года с помощью интриг Годунов нейтрализовал и выслав из Москвы трех ведущих царедворцев, превосходивших его опытом и знатностью — сначала ближнего боярина Бельского, а затем князей Федора Мстиславского и Петра Шуйского. Борис стал единоличным правителем при своем «благоюродивом» зяте Федоре Иоанновиче. Борис получил все мыслимые придворные звания вплоть до созданного специально для него титула «князя-правителя», плюс огромные земельные владения, монополию на экспорт поташа и содержание московских бань, дававшие до 100 тысяч рублей годового дохода.

В январе 1598 г. бездетный Федор Иоаннович умер. Точная причина его смерти неизвестна. Некоторые источники сообщают, что Федор был отравлен Годуновым. И версия о том, что этот весьма высокопоставленный и реально обладавший царскими полномочиями «слуга» захотел и юридически стать Государем всея Руси, не лишена определенных оснований. В частности, при исследовании скелета Федора в его костях был обнаружен мышьяк⁷.

Земский собор, созванный политическим союзником Годунова патриархом Иовом, предложил ему царский венец. В ответ Годунов демагогически заявил: «И в разум мне никогда не приходило, чтобы мне царствовать! Как можно, чтобы я помыслил на такую высоту!» — и удалился в Новодевичий монастырь. Стрельцы и приставы сигналы народ бить целом. Вопли и рыдания, во многом инспирированные и профинансированные вдовой Федора Иоанновича и сестрой Годунова — Ириной не стихали пять дней. Когда в окне появлялись Годунов или Ирина, толпа принималась, по выражению современника, «выть по-волчьи». Мешкавших кланяться, приставы «тыкали» в спину. Наконец, Борис с притворным видом скорби, поднявши глаза к небу, сказал патриарху: «Господи, я твой раб; да будет воля твоя!».

Бояре намеревались при воцарении потребовать от Годунова подписать некий документ, ограничивавший самодержавие. Отъездом в монастырь тот ловко отменил их намерения: каким же образом можно ставить условия человеку, который никого ни о чем не просит?

⁴ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IV. С. 311.

⁵ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2-х т. Т. 2. М.—Л., 1964. С. 431.

⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть III: Лекция XLI // Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Т. III. М.: Мысль, 1988. С. 21–22.

⁷ См.: История России в лицах: с древности до наших дней. С. 84.

По мнению Н.И. Костомарова, Годунов «был умен, но в высокой степени себялюбив, вся деятельность его клонилась к собственным интересам». Думается, что ученый не совсем прав. В качестве фактического правителя, а затем и Государя всей Руси Борис сделал для России много нужного и полезного.

Но вернемся к основной нити нашего повествования. «Криминальная» точка зрения о причинах смерти царевича Дмитрия была высказана также известными историками М.П. Погодиным, К.С. Аксаковым и Н.И. Костомаровым⁸.

Впрочем, в исторической литературе существует и иной взгляд на это событие. Так, историк начала XX века А.И. Тюменев пришел к выводу, что расследование отличалось редкой полнотой и достоверностью. Это мнение разделял и профессор Петербургского университета Р.Г. Скрынников (1931–2009)⁹. Аналогичной точки зрения, судя по концепции выставки и интервью, данным прессе, придерживаются и руководители музеев Московского Кремля.

Рукописные материалы «обысчного дела», оригинал которого действительно был представлен на выставке в музеях Московского Кремля, в 1913 г. были изданы в книжном формате. Спустя почти сто лет, в 2012 г., они были переизданы, и теперь с ними может ознакомиться каждый желающий¹⁰.

Как указывалось выше, в связи со смертью Дмитрия по приказу Бориса Годунова в Углич была направлена Следственная комиссия. Руководил ею князь Василий Шуйский. А в состав комиссии входили приближенные Годунова — окольничий Андрей Клешнин, дьяк Елизарий Вылузгин и митрополит Сарский и Полонский Геласий.

Как следует из материалов «обысчного дела», в ходе следствия было опрошено не семь, а приблизительно 140 человек, в том числе пять из восьми свидетелей, якобы бывших очевидцами трагического происшествия. Насколько «глубоко и серьезно» опрашивались эти люди, следует из того, что следственной

комиссии в составе четырех, а фактически трех человек удалось окончить дело всего за неделю. (Митрополит Геласий в допросах не участвовал и, по-видимому, осуществлял исключительно религиозные функции, связанные с отпеванием и погребением Дмитрия.) Однако 3 июня 1591 г. именно он доложил результаты расследования на совместном заседании Собора и Боярской думы¹¹.

Очевидцами происшествия назвались «мамка», т.е. нянька, царевича Василиса Волохова, его кормилица Арина Тучкова, постельница Марья Колобова, стряпчий Семен Юдин, а также четверо мальчиков, якобы игравших с Дмитрием в «тычки». Если верить показаниям перечисленных свидетелей, в руках у царевича была «свая» — заостренный четырехгранный гвоздь.

Если пересчитать вышеперечисленных свидетелей происшествия «по пальцам», то очевидцев гибели царевича получается даже не семь, как полагают руководители музеев Московского Кремля, а восемь. А сколько из них реально было опрошено в процессе расследования «обысчного дела», понять затруднительно, но все-таки возможно. Ответ на этот вопрос со всей очевидностью вытекает из употреблявшихся при фиксации полученных от свидетелей сведений грамматических конструкций, которыми пользовались составители «обысчного дела». Вот как, например, была записана информация, полученная от мальчиков, якобы игравших с царевичем:

«А жильцы царевичевы¹², которые играли с царевичем, Петрушка Самойлов, сын Колобова, Баженко Нежданов, сын Тучков, Ивашко Иванов, сын Красненского, Гришка Ондреев, сын Козловского, сказали: играл де-и царевич в тычку ножиком с ними на заднем дворе, и пришла на него болезнь, падучий недуг, и набросился на нож»¹³.

Как видно, показания свидетелей, названных очевидцами происшествия, записаны не в первом, а в третьем лице, да к тому же еще во множественном числе. Судя по всему, из четырех мальчиков, названных очевидцами происшествия, по существу опрашивался только один — старший Петрушка Колобов. Остальные же, судя по всему, безмолвно стояли рядом с Петрушкой и в лучшем случае поддакивали или кивали головами. Несомненно и другое. Мы имеем дело не с показаниями очевидца или очевидцев случившегося. Полученная от мальчика (или мальчиков) ин-

⁸ См.: Погодин М.П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 291; Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 1 : Сочинения исторические. М., 1861. С. 245; Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Кн. 2. Т. 2 : Исторические монографии и исследования. СПб., 1903. С. 20.

⁹ См.: Тюменев А.И. Пересмотр известий о смерти царевича Дмитрия // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 15. 1908. Май. С. 134; Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1983. С. 82.

¹⁰ Русские судебные процессы. Дело об убийстве царевича Дмитрия. Подлинное розыскное дело. М. : Белый город, 2012. 96 с. В дальнейшем — Дело об убийстве царевича Дмитрия.

¹¹ Дело об убийстве царевича Дмитрия. С. 83, 85.

¹² «Жильцы царевичевы» — мальчики-слуги, проживавшие с царевичем и состоявшие при нем для развлечения и оказания ему различного рода услуг.

¹³ Дело об убийстве царевича Дмитрия. С. 42.

формация изложена без каких-либо детализирующих событие обстоятельств, а также без нюансов, характеризующих особенности индивидуального восприятия трагедии конкретным «жильцом царевичевым». Вместо изложения того, что они (или он — Петрушка Колобов) лично видели / видел, свидетели формулируют стандартный вывод, подтверждающий явно заданную им версию происшествия.

После этого «жильцам», а скорее всего — одному Петрушке Колобову членами комиссии был задан явно наводящий вопрос, на который и был получен ожидаемый ответ:

«И боярин князь Василий Иванович Шуйский, да окольный Ондрей Петрович Клешнин, да дьяк Елизарий Вылузгин спрашивали жильцов, Петрушки Колобова с товарищи: кто в те поры за царевичем были?»

И жильцы, Петрушка Колобов с товарищи сказали: были в те поры за царевичем кормилица Орина, да постельница, Самойлова жена Колобова, Марья¹⁴. А куда же, спрашивается, делась мамка царевича Василиса Волохова, которая, собственно говоря, и выманила царевича из дворца и передала его в руки поджидавших Димитрия тройки убийц? Если верить «жильцам», то получается, что в момент происшествия ее рядом с царевичем вообще не было, равно как не было и убийц Димитрия — Осипа Волохова, Никиты Качалова и Даниила Битяговского.

Аналогичным образом другие опрошенные комиссией лица, представившиеся очевидцами приключившегося с царевичем несчастья (мамка Василиса Волохова, кормилица Арина Тучкова, постельница Марья Колобова и стряпчий Семен Юдин), практически слово в слово вынуждены были сообщить о том, что «играл царевич ножиком». «И тут на царевича пришла опять та ж болезнь падухая, а у него в те поры был нож в руках, и он ножом покололся»¹⁵.

Но соответствовали ли показания перечисленных и других опрошенных лиц действительности? **Не соответствовали и не могли соответствовать.** *Такого рода информация находится в грубом противоречии с физиологическими процессами, происходящими в организме больного в момент эпилептического припадка.* Но об этом чуть ниже.

Нужно также обратить внимание на следующее. В «обыском деле», вопреки желанию его составителей, отражена не одна, а две версии происшествия. Согласно изложенной выше версии, смерть Димитрия явилась

результатом несчастного случая, что полностью соответствует концепции развернутой в Кремле выставке.

В то же время до последнего времени в исторической науке преобладающей была иная точка зрения. Она заключалась в том, что Димитрий был зарезан Осипом Волоховым (сыном мамки царевича), Никитой Качаловым и Даниилом Битяговским (сыном дьяка Михаила Битяговского, присланного Москвой для надзора за опальной царской семьей) — то есть по прямому приказу Бориса. Эта версия нашла отражение в летописи, в трудах ряда российских историков, а также в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов».

Что касается объективной оценки «обыского дела», то следует признать, что расследовалось оно довольно примитивными методами, но с точки зрения задачи, поставленной перед членами комиссии, — просто виртуозно. Из следственных действий применялось единственное — допрос, вернее опрос, да и велся он зачастую одновременно в отношении группы свидетелей. Это не позволяло записать показания каждого из них, отразить особенности восприятия события конкретными свидетелем. По существу, не проводилось и очных ставок. Также не был произведен осмотр места происшествия. Не был изъят и описан нож, которым царевич якобы сам себя зарезал. И это притом, что какой-то нож в течение определенного времени лежал на трупах растерзанных толпой предполагаемых убийц Димитрия — Волохова, Качалова и Битяговского.

В то же время при внимательном изучении материалов дела, носившего, вне сомнения, заказной характер, можно найти детали, подвергающие официальную версию причины смерти Димитрия весьма глубокому сомнению. Таким образом, в следственном деле, по сути, отражены две версии происшествия. Первая — царевич Димитрий погиб в результате несчастного случая. И вторая — царевич был убит людьми, подосланными Годуновым.

Исходя из материалов дела, совершенно очевидно, что следствием проверялась только первая версия. С целью ее подтверждения было допрошено множество свидетелей. Причем следователи зачастую спрашивали их о второстепенных, а то и не имевших существенного значения деталях, например, кто дал указание звонить в церковный колокол?

Версия же о том, что «царевича зарезали Осип Волохов, да Микита Качалов, да Данило Битяговской», абсолютно не проверялась. Правда, определенная информация о том, что царевич был убит, так или иначе в дело просочилась. В частности, в материалах «обыск-

¹⁴ Там же. С. 42–43.

¹⁵ Там же. С. 39, 41, 42, 59.

ного дела» имеются показания архимандрита Воскресенского Федорита. Последний сообщил, что посланные для выяснения деталей происшествия церковные слуги «слышали... что будто се царевича Димитрия убили, а того не ведомо, кто его убил»¹⁶.

Существенно более определенными были показания игумена Алексеевского монастыря Савватия. Приехав в город из монастыря, он увидел мертвого царевича, «и царица (*Мария Нагая*. — А.Б.) сказала: резали де царевича Микита Качалов, да Михайлов сын, Битяговского, Данило, да Осип Волохов». В качестве одного из немногих грамотных свидетелей, на обороте столбца рукописи Савватий удостоверил правильность данных им показаний: «К сем речам Олексеевской игумен Савватия руку приложил»¹⁷.

Весьма любопытны в данном отношении и показания мамки Василисы Волоховой. Последняя сообщила, что она действительно велела царевича погулять, но якобы сделала это по приказу царицы. Хотя Василиса была очевидицей происшествия, она без каких-либо деталей сообщает следователям «стандартную» версию события: «Играл царевич ножиком, и тут на царевича пришла опять та ж черная болезнь, и бросило его о землю, и тут царевич сам себя ножом поколол в горло, и било его долго, да тут его не стало».

Правда, Волохова вынуждена была добавить к этому следующее: «...и царица Марья сбежала на двор, и почала ее, Василису, *царица Марья* бити сама поленом, и голову ей пробилла во многих местах, и *почала ей, Василисе, приговаривать, что будто се сын ее, Василисин, Осип, с Михайловым сыном, Битяговского, да Микита Качалов царевича Дмитрея резали;* и она, Василиса, почала ей бить челом, чтоб велела царица дати сыск праведный, а сын ее и на дворе не бывал; и царица де велела ее тем же поленом бити по бокам Григорью Нагово, и тут ее только чуть живу покинули замертво. ...И многие люди посадские и всякие люди прибежали на двор; и царица де Марья велела ее, Василису, взяти посадским людям, и мужики де ее взяли и ее ободрали и просто волосу ее держали перед царицею». Причем свое утверждение о том, что царевича убили Осип Волохов, Данила Битяговский и Микита Качалов, Нагая прилюдно повторила еще раз: «царица де миру молвила; то де-и убойца царевичу», после чего один из убийц Осип Волохов был умертвлен»¹⁸.

Несмотря на наличие в деле достаточных данных о второй версии происшествия, а именно об убийстве Димитрия людьми Годунова, она, по понятным причинам, не проверялась. Многих свидетелей следователи спрашивали о том, кто велел убить Осипа Волохова, да Микиту Качалова, да Данило Битяговского? А получив ответ, что эти люди были убиты по приказу Михаила Нагого, полученной информацией удовлетворялись. Такого рода показания давали возможность обвинить Нагого в самоуправстве. А почему он приказал убить этих людей и что он при этом говорил, следователей по вполне понятным причинам не интересовало и подобных вопросов свидетелям не задавалось¹⁹. Что же касается Марии Нагой, то в силу ее статуса допрашивать ее было нельзя.

При оценке зафиксированных в деле показаний многочисленных свидетелей необходимо иметь в виду также следующее. Насколько правильно были записаны в «обыском деле» их показания? Действительно ли они слово в слово повторяли версию о том, что царевич «напружинился на нож», либо их слова в обобщенном виде были записаны опрашивавшими их должностными лицами? Ведь большинство свидетелей были неграмотны и не могли удостоверить своей подписью, что данные ими показания зафиксированы верно. Из примерно 140 опрошенных свидетелей подписать их смогли лишь 17 человек. Многие из них являлись духовными особами²⁰.

Любопытно отметить также следующее. Бывший глава Следственной комиссии князь Василий Шуйский, став царем Василием IV Иоанновичем, неоднократно утверждал, что царевич Димитрий был убит, а не погиб в результате несчастного случая.

Именно такую точку зрения занимает и Русская православная церковь. В 1606 году царевич Димитрий был причислен к лику святых как страстотерпец.

Борис Годунов жестоко, ловко и коварно устранил людей, которым были известны действительные обстоятельства гибели царевича Димитрия. Царицу Марию сослали в далекий монастырь на Выксу и постригли в монахини. Братьев Нагих разослали по тюрьмам разных городов. Часть жителей Углича, виновных в беспорядках, связанных со смертью царевича, казнили, другим, с тем чтобы не сболтнули лишнего, вырвали языки. Многие сослали в Сибирь, в городок Пельым, расположенный в нынешней Свердловской области, где возникло целое поселение. После этого Углич совсем запустел.

¹⁶ Дело об убийстве царевича Димитрия. С. 48–49.

¹⁷ Там же. С. 53.

¹⁸ Там же. С. 39, 41–42.

¹⁹ Там же. С. 25, 29, 30; и др.

²⁰ Там же. С. 47, 49, 51, 53–55, 59, 61, 69, 72–73.

Загадку смерти царевича Дмитрия пытались прояснить не только историки, но и представители иных наук — юристы, медики, психиатры. Данной проблемой много занимался крупнейший криминалист — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики ЛГУ И.Ф. Крылов. За консультацией в прояснении обстоятельств гибели царевича он обратился к одному из крупнейших специалистов по детской эпилепсии — научному руководителю отделения детской нейропсихиатрии Научно-исследовательского психоневрологического института имени В.М. Бехтерева доктору медицинских наук, профессору Р.А. Харитонову. Перед профессором Р.А. Харитоновым, в частности, были поставлены следующие вопросы:

1. Можно ли, основываясь на свидетельских показаниях, имеющих в следственном деле, прийти к выводу о том, что царевич Дмитрий страдал падушей болезнью (эпилепсией)?

2. Если царевич Дмитрий действительно страдал эпилепсией, соответствует ли описываемая свидетелями картина припадка действительности? <...>

4. Если при начавшемся припадке эпилепсии нож действительно находился в руках царевича, мог ли он во время припадка нанести себе смертельное ранение горла, повлекшее за собой чуть ли не моментальную смерть?

Ознакомившись с «обычным делом», профессор Р.А. Харитонов на поставленные ему вопросы ответил следующим образом:

1. Несомненно, что царевич Дмитрий страдал эпилепсией с психомоторными и генерализованными судорожными припадками.

2. Описываемые картины припадков соответствуют действительности, но:

а) ***царевич не мог сам зарезать себя ножом ни во время припадка grand mal (припадок большой судорожный), ни во время психомоторного припадка;***

б) ***вероятность того, что он во время припадка мог «напружиться» на нож, настолько мала, что не может приниматься во внимание. Таких случаев в мировой литературе со времени его убийства не было.***

4. ***Не мог, так как во время большого судорожного припадка больной всегда выпускает из рук предметы, находящиеся в руках.***

Таким образом, достаточно странную и сколько-нибудь серьезно не аргументированную попытку руководства музеев Москов-

ского Кремля «оправдать» Бориса Годунова можно считать провалившейся. А приводимые ими на этот счет аргументы, кроме удивления, ничего не вызывают. А их ссылки на «**совершенно неизвестное**» историкам XIX века «**обычное дело**» **никакой критики не выдерживают**. Как было показано в настоящей статье, это дело было прекрасно известно крупнейшим историкам позапрошлого века Н.М. Карамзину, С.М. Соловьеву, В.О. Ключевскому и др. Они широко использовали «обычное дело» в своих фундаментальных исследованиях и весьма критически относились к его материалам, подчеркивая необъективность и предвзятость следствия.

Ну, а в свете более чем убедительного заключения профессора Р.А. Харитонова о невозможности нанести себе удар ножом во время эпилептического припадка серьезно вести речь о «нечаянном самоубийстве» не приходится. Напротив, перефразируя слова доцента О.В. Дмитриевой, можно сказать, что **«возможность смерти царевича Дмитрия в результате эпилептического припадка современными междисциплинарными исследованиями категорически исключается**. Думается, что высокий статус музеев Московского Кремля не позволяет и бездоказательно разбрасываться оскорбительными терминами, записывая великого А.С. Пушкина и выдающегося историка Н.М. Карамзина в число «**очернителей**» образа Годунова. Как и многие другие реальные или мифические «образы» выдающихся государственных деятелей всех времен и народов, этот «образ», несомненно, имеет как светлые, так и темные стороны. Такого рода противоречия были великолепно показаны, например, скульптором Э. Неизвестным — автором памятника Н.С. Хрущеву.

Что же касается лжесвидетелей, которые «в один голос» утверждали о том, что царевич «напружился на нож», то ведь не всем свидетелям и не всегда можно верить. В данном же случае занятая ими позиция вполне объяснима и в чем-то даже оправданна. Понятно, что далеко не каждому свидетелю за дачу «неправильных» показаний хотелось лишиться свободы, собственного языка, а то и самой жизни. Уж очень жестокие нравы были у средневековых властителей нашего Отечества.

В заключение можно заметить, что вряд ли история России, а также жизнь и деятельность исторических личностей нуждаются в переписывании и приукрашивании. Это тем более недопустимо, когда речь идет о событиях, получивших вполне мотивированную и, по сути, общепризнанную оценку. Благодаря деятельности видных историков и гению

А.С. Пушкина события середины XVI в., по существу, стали хрестоматийными. Более того, правильность трактовки причины смерти царевича Дмитрия подтверждается в том числе данными современной психиатриче-

ской науки. Одна из загадок российской истории специалистами давно разгадана. Жаль только, что об этом, по-видимому, и не подозревают руководители музеев Московского Кремля!

Литература

1. Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 1 : Сочинения исторические / К.С. Аксаков. М. : Тип. П. Бахметева, 1861. 641 с.
2. История России в лицах: с древности до наших дней: биографический словарь. М. : Русское слово, 1997. 544 с.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин // Избранные сочинения : В 2-х т. Т. 2. М.–Л. : Худ. лит., 1964. 589 с.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть III : Лекция XLI / В.О. Ключевский // Сочинения : В 9-ти т. Т. III. М. : Мысль, 1988. 416 с.
5. Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Кн. 2. Т. 2 : Исторические монографии и исследования / Н.И. Костомаров. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. 559 с.
6. Погодин М.П. Историко-критические отрывки / М.П. Погодин. М. : Тип. Августа Семена, 1846. 456 с.
7. Русские судебные процессы. Дело об убийстве царевича Дмитрия. Подлинное розыскное дело. М. : Белый город, 2012. 96 с.
8. Скрынников Р.Г. Борис Годунов / Р.Г. Скрынников. М. : Наука, 1983. 190 с.
9. Соловьев С.М. Сочинения : В 18-ти кн. Кн. IV : История России с древнейших времен. Т. 7–8 / С.М. Соловьев. М. : Мысль, 1989. 752 с.
10. Тюменев А.И. Пересмотр известий о смерти царевича Дмитрия / А.И. Тюменев // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1908. Май. Ч. 15. № 5. С. 323–359.

References

1. Aksakov K.S. Polnoe sobranie sochinenij / K.S. Aksakov. T. 1. Sochineniya istoricheskie [Full Collection of Works / K.S. Aksakov. Vol. 1. Historical works]. Moscow, Moscow, 1861. 641 p.
2. Istoriya Rossii v litsakh s drevnosti do nashikh dnei. Biograficheskij slovar' [History of Russian Persons from Ancient Times to Modern Times. Biographic Dictionary]. Moscow : Russkoe slovo. Moscow : Russian Word, 1997. 544 p.
3. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo // Karamzin N.M. Izbrannye sochineniya v 2-kh tomakh / N.M. Karamzin. T. 2 [History of the Russian State // Karamzin N.M. Selected Works: in 2 vol. / N.M. Karamzin. Volume 2]. Moscow — Leningrad. Moscow — Leningrad, 1964. 589 p.
4. Klyuchevsky V.O. Kurs russkoj istorii. Chast' III. Lektsiya XLI // Klyuchevsky V.O. Sochineniya v 9 tomakh. T.III / V.O. Klyuchevsky [Course of Russian History. Part III. Lektion XLI // Klyuchevsky V.O. Works in 9 vol. Vol. III / V.O. Klyuchevsky]. Moscow : Mysl'. Moscow : Thought, 1988. 416 p.
5. Kostomarov N.I. Sobranie sochinenij / N.I. Kostomarov. Kn.2. T. 2: Istoricheskie monografii i issledovaniya [Collection of Works / N.I. Kostomarov. Book 2. Vol. 2. Historical Monographs and Research]. Spb. Spb., 1903. 559 p.
6. Pogodin M.P. Istoriko-kriticheskie otrivki / M.P. Pogodin [Historical and Critical Extracts / M.P. Pogodin]. Moscow. Moscow, 1846. 450 p.
7. Russkie sudebnye protsessy. Delo ob ubijstve tsarevicha Dimitriya. Podlinnoe rozysknoe delo [Russian Judicial Proceedings. Tsarevich Dmitry Murder Case. Original Investigative Case]. Moscow : Belyj gorod. Moscow : White City, 2012. 96 p.
8. Skrynnikov R.G. Boris Godunov / R.G. Skrynnikov [Boris Godunov / R.G. Skrynnikov]. Moscow : Nauka. Moscow : Science, 1983. 190 p.
9. Solovyev S.M. Sochineniya v vosemnadsati knigakh / S.M. Solovyev. Kn. IV. Istoriya Rossii s drevnejshikh vremen. Toma 7–8 [Works in eighteen books / S.M. Solovyev. Book IV. History of Russia from the Most Ancient Times. Volumes 7–8]. Moscow : Mysl'. Moscow : Thought, 1989. 752 p.
10. Tyumenev A.I. Peresmotr izvestij o smerti tsarevicha Dmitriya / A.I. Tyumenev [Review of News on Tsarevich Dmitry Murder / A.I. Tyumenev] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Journal of the Ministry of Public Education. 1908. New series. Part. 15. No. 5. May. P. 323–359.

DOI: 10.18572/1812-3805-2017-22-38-47

Национализм, государство, или Почему рушатся империи? Рецензия на книгу: Станкевич З.А. Советский Союз. Обрыв истории (М. : Книжный мир, 2016. 708 с.)

*Корнев Аркадий Владимирович,
заведующий кафедрой теории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
kornev_av@rambler.ru*

В статье содержится попытка выявления роли и значения фактора национализма, сыгравшего определенную роль в развале СССР. Под этим углом оценивается содержание книги.

Ключевые слова: национализм, государство, суверенитет, империя.

Nationalism, State or Why Empires Crash. Review of the Book: The Soviet Union. Discontinuity of History by Z.A. Stankevich

*Kornev Arkady V.
Head of the Department of Theory of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Doctor of Law
Professor*

The article contains an attempt to determine the role and meaning of the nationalism factor, which has played a significant role in the USSR's demise. The book is assessed from this standpoint.

Key words: nationalism, state, sovereignty, empire.

Трудно оставаться равнодушным, а самое главное, объективным, если ты сам лично и очень болезненно пережил трагедию великой страны, а может быть, даже цивилизации, и при этом еще испытываешь глубочайшую симпатию к автору. Впрочем, и он, как нам показалось, не смог преодолеть определенной доли субъективизма, взявшись за перо. Попутно отметим, что оно у него необычайно легкое. И дело даже не в том, что автор — известный ученый-юрист, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, член Ассоциации юристов России и Союза журналистов Москвы. Звания, степени, должности не всегда являются зеркалом человека, особенно сегодня. Они многое о нем говорят, но не все. Книгу отличает особый стиль, и, поскольку издание осуществлено в авторской редакции, можно констатировать синтез безукоризненного юридического анализа и несомненных

литературных дарований. А это очень редко встречается. Уилл Роджерс, американский литератор и актер, как-то заметил: «Если вы и с пятого раза не понимаете, что читаете, значит, это писал юрист».

У нас такого, то есть непонимания, не возникло. Скорее, появилось другое ощущение, которое, видимо, дремало, но никак определенно не объективировалось. Иными словами, фундаментальная книга З.А. Станкевича, которая добросовестно прочитана нами с карандашом в руках, испещренная множеством пометок, несмотря на трогательную дарственную надпись, вызвала множество сомнений и породила новые вопросы. Самое главное, наши категорические оценки в части крушения Советского Союза стали терять это качество. Нас это, нужно признаться, немало удивило.

Неудобства, которые испытывает публичный человек в современном «демократиче-

ском обществе», вне зависимости от степени этой публичности, состоят в необходимости постоянно цензурировать самого себя. Человек обыкновенный, да простят нам такую оценку, гораздо более свободен в том плане, что он может говорить все что угодно в границах своего интеллекта, жизненного опыта и уровня образованности. Иное дело публичный человек. Какое облегчение он испытал, когда 25 апреля 2005 г. Президент Российской Федерации во время оглашения ежегодного послания российскому парламенту впервые официально признал произошедшее с Советским Союзом «крушением», которое было названо «крупнейшей геополитической катастрофой XX века».

Прежде табуированная тема была отчасти легитимирована, стала заметной в рамках публичных дискуссий. И все-таки она не перестала быть деликатной проблемой, которую лучше не затрагивать, а тем паче, «глубоко копать». 8 декабря 2016 года страна «отметила» печальную дату — 25 лет со дня исчезновения СССР. Нельзя сказать, чтобы это событие прошло незамеченным. И все-таки нарастает ощущение того, что в серьезном, основательном анализе крушения Советского Союза никто особенно не заинтересован. И уж тем более нет заинтересованности в том, чтобы были названы причины, условия, факторы, а самое главное — «герои» этой страшной геополитической катастрофы. Впрочем, последние хорошо известны, и в памяти народной им никогда не отмыться от позорного клейма. Героями их считают там, в «заграничных палестинах», но не здесь. А народ редко ошибается, хотя и он не без греха, — как считает Зигмунд Антонович.

Вот с этого метафизического понятия, то есть греха, мы и начнем. Но прежде всего хотелось бы сделать оговорку. Мы не намерены, да и просто не сможем дать профессиональную оценку политико-юридическому анализу распада СССР, который имеет место в рецензируемой книге. На наш взгляд, он более чем основательный, базируется на сотнях различных документов. Мало кто в современной России в этом смысле может конкурировать с некогда ответственным должностным лицом Аппарата Президента СССР, одним из участников подготовки нового союзного договора, экспертом, который принимал участие в формировании облика будущего реформированного Союзного государства. Используя категории социологии права, можно сказать, что он выступал в качестве «включенного наблюдателя». Мы же, как и миллионы бывших советских граждан, наблюдали за процессом со стороны. В этом, если угодно обывательском,

качестве пребываем и сегодня. С этих позиций и следует расценивать наши впечатления от книги.

Итак, о грехе. По мнению автора, «подлинное возрождение России начнется только после того, как она (в той или иной форме) снимет с себя “смертный грех” решающего участия в развале СССР» (с. 461, подстрочник).

Оставим пока форму покаяния, да она и не столь важна. Гораздо важнее субъект. Кто будет каяться? РСФСР неоднократно на страницах книги совершенно справедливо квалифицируется в качестве «станового хребта» СССР. В книге уточняется, и не один раз, что РСФСР — это и есть, собственно, Россия, равно как и наоборот.

Так вот, деструктивную роль в развале СССР сыграла Россия (РСФСР), вернее, уточняет автор, ее «демократическое» государственное руководство (с. 459).

Может возникнуть впечатление о греховности исключительно руководства России. Но оно в тот момент все еще пользовалось огромной поддержкой населения. З.А. Станкевич это понимает. Поэтому, как нам представляется, он выдвигает следующий тезис: гигантское государство имело все шансы сохраниться и обновиться в интересах миллионов его граждан. Однако эта уникальная возможность была тогдашней властью бездарно (а может быть, и преступно?) упущена. К тому же, будем откровенны, — пишет он, — не без деятельного участия в этом значительной части собственного народа. А далее выражена надежда, что «...ошибки подобного исторического масштаба *русскими* (выделено нами. — А.К.) повторены не будут» (с. 467–468).

Таким образом, Россия в лице двух ее субъектов — руководства и народа должна покаяться. Мы понимаем, что тема покаяния всего лишь литературный прием политической драматургии и придавать большого значения ему не стоит. Тем не менее, не все так просто.

Что касается руководства, то «одних уж нет, а те далече». Кто остался, каяться не будет. Исключено. Да и кое-какие оправдания у них имеются. Вот что главное. Нынешнее политическое руководство России к развалу СССР никакого отношения не имеет. А то, что сумело сохранить уже Россию от разрушения, за это отдельное спасибо.

Остается народ. Вот с этим попробуем разбраться, тем более что автор книги любезно помогает читателям, в данном случае нам.

Ключевым моментом для понимания драмы некогда сверхдержавы имеет следующая позиция Станкевича: в 1991 г. никакая «Рос-

сия» не распадалась «по той простой причине, что Союз ССР **никогда** не был Россией ни формально, ни по существу... Российская Федерация уже четверть века развивается как **нормальное национальное государство россиян**» (с. 509.— *Выделено З.А.*).

Следует заметить, что З.А. Станкевич не без оснований полагает, что «именно советский период российской истории может и... должен считаться своеобразной вершиной русской цивилизации, вновь достичь которую будет очень непросто, если это вообще возможно» (с. 510).

Полностью разделяем эту точку зрения. Поэтому советский проект продолжают демонизировать с усердием, достойным лучшего применения. Как показывают социологические опросы, большинство россиян скорее положительно относятся к советскому прошлому, что раздражает определенную часть политически активного класса в современной России. Выходит, зря старались.

К сожалению, автор никак не конкретизирует ключевые слова, такие как «русский», «русская», «россияне». А это, между прочим, важнейшая, поистине метафизическая проблема, которая в книге практически обойдена вниманием. Мы имеем в виду сферу национального и, если угодно, национализма. Погружаться в эту область серьезным образом З.А. Станкевич, увы, не стал, а стало быть, истинная причина распада, развала, крушения (как кому больше нравится) осталась как бы за кадром.

Между тем национализм (в некоторых странах это слово заменили на «патриотизм», как в США, и очень правильно, на наш взгляд, сделали) является важнейшим государствообразующим и государствообразующим фактором. В учебниках об этом ничего или почти ничего не говорится, и понятно почему.

Нас не покидает ощущение, что Зигмунд Антонович делит сепаратистов-националистов на «плохих» и «хороших». Человек он искушенный и, естественно, прямым текстом об этом ничего не говорит. Создается впечатление, что «хорошие» сепаратисты — это представители титульных наций Прибалтийских республик. «Плохие» — все остальные.

СССР пал не в результате войн, как другие империи, а в силу внутренних причин. Для нас слово «империя» не ругательное, ибо каждый народ мечтает создать свое государство, а если есть к тому предпосылки, то и империю.

Нам кажется, что недовольство населения бывшего СССР в самые драматические моменты его истории чьей-то чудовищно хи-

троумной волей было канализировано в двух направлениях.

Первое. Страна отстает потому, что у нас «неправильная» экономическая модель, за которой стоят ортодоксальные коммунисты с их утопическими идеями. Самому пришлось видеть складированное в различных укромных местах продовольствие, лишь бы оно не попало в торговую сеть. Совершенно очевидно, что пустые прилавки магазинов — тщательно спланированная акция, рассчитанная на массовое недовольство населения. Точно так же, как и неизвестно откуда взявшееся изобилие.

Второе. Москва, Россия (читай: русские) виноваты в том, что мы живем плохо. Надо избавиться от них, а заодно от той модели, которую они нам силой навязали.

Национальная карта была разыграна блестяще. Инициатива исходила от партийных руководителей союзных республик, и поэтому ничего удивительного не было в том, что практически во всех из них, включая прибалтийские, первые секретари ЦК КПСС стали президентами «независимых» государств. Националистический угар активно поддерживала национальная интеллигенция с традиционными мантрами об уникальности, самобытности, языке, культуре и проч. Как будто кто-то серьезно мешал их сохранению. В этом смысле советская империя делала все, чтобы не исчез ни один народ, ни одна культура. Даже во время Великой Отечественной войны прекращали призыв в Красную армию представителей малых народов, дабы они не исчезли вовсе. Известно, на кого возлагалась вся надежда. И.Х. Баграмян считал, что если в дивизии русских меньше 50%, то ее нужно расформировывать, поскольку она недееспособна. Полководец знал, о чем говорил.

Таким образом, национализм-сепаратизм стал серьезным политическим фактором в Армении, Грузии, Молдавии, Литве, Латвии, Эстонии, несколько в меньшей степени в республиках Средней Азии и некоторых автономных республиках в составе РСФСР. В этих регионах национализм скорее имел бытовую окраску, сводившийся к незатейливой формуле «Кто кого кормит?». И русские люди это очень хорошо почувствовали, в том числе в «тихой, по-европейски цивилизованной Прибалтике», как оценивает ее автор, кстати, уроженец Риги (с. 89).

Ощущают это и сегодня, только острее, поскольку национализм перерождается в различные формы нацизма, а «цивилизованная» Европа этого не замечает. Да и с какой стати ей реагировать, если в рамках этой цивилизации выпестован фашизм, нацизм, расизм

и прочие доктрины. Когда мы слышим глуповато восторженный лепет относительно «европейской ценности», то всегда вспоминаем А. Тойнби: «европейская цивилизация есть синтез национализма и технологий». Самому авторитетному историку цивилизаций виднее.

Прав Зигмунд Антонович в том, что конфликт между Арменией и Азербайджаном по поводу национально-государственной принадлежности Нагорного Карабаха дал первый мощный толчок процессу эрозии конституционных основ отношений между Союзом и входящими в его состав республиками (с. 88).

Если выразаться не формализованным юридическим языком, то Нагорный Карабах стал спусковым крючком всех последующих конфликтов: столкновение между грузинами и абхазцами, погромы турок-месхетинцев в Узбекистане, столкновение между узбеками и киргизами. С Нагорного Карабаха начался распад страны, приобретая кровавые оттенки.

А с чего все начиналось? Был создан комитет «Карабах», а затем общественно-политическое движение армян «Крунк». Активисты этих движений, впоследствии занявшие высокие должности во власти, вплоть до президента (Левон Тер-Петросян), своими действиями маскировали главную цель — добиться независимости Армении.

Армянские националисты, организовавшие насильственное выселение азербайджанцев из Нагорного Карабаха, подали пример своим единомышленникам в других республиках. Повсюду стали возникать народные фронты и национальные движения. Достаточно вспомнить Народный фронт Эстонии; Народный фронт Латвии, литовский «Саюдис», куда вошли многие представители творческой интеллигенции, включая народных артистов СССР (!).

Как видим, особая активность в этом смысле имела место в Прибалтике. В августе 1989 года оппозиционные (националистические) движения организовали живую цепь от Таллина до Вильнюса. Это была очевидная демонстрация силы, направленная на выход этих республик из состава Союза ССР.

С конца 80-годов XX века начинается драматический исход этнических русских в силу невыносимости жизни в семьях «братских народов». Сколько пришлось вынести унижений, горечи, обид, насилия? Не счастье. Многие ведь не по своей воле оказались за пределами традиционной славянской ойкумены. Другие там родились и выросли. И что в итоге? «Уезжайте, обойдемся без вас!»; «Чемодан — вокзал — Россия» — самые «безобидные» из этой эпохи.

Русские, по идее, не имеют права забыть это. Однако в силу своего характера — доброты, дружелюбия, отзывчивости, наивности, граничащей с глупостью, увы, могут запоминать. К сожалению. С горечью наблюдаешь тотальную экспансию «гостей» из бывших соотечественников в самые «кормовые» места. Ну не сложился у русского человека роман с денежными знаками, как, впрочем, нет и племенной солидарности. А ведь настало время, между прочим, подумать и над этим. И поучиться у других. Есть, кстати, чему.

Кроме национального фактора, разумеется, были и другие причины крушения СССР: политические, экономические, социальные, правовые и проч. Однако именно он, этот пресловутый фактор, выступил ферментом «химии распада».

В каких регионах был инициирован процесс разрушения страны? Да в тех же, где поднял голову национализм-сепаратизм-патриотизм. Выше об этом уже было сказано. Причем брожение началось там, где поводов для недовольства было значительно меньше, чем у жителей срединной России. Жизнь русской деревни и маленьких городков если и изменилась за несколько десятков лет существования СССР, то не очень существенно. Мы имеем в виду бытовую сторону вопроса.

Совсем иное дело в других республиках. Там в буквальном смысле происходили революционные изменения, выразившиеся в создании техносциальных систем: промышленность, транспорт, здравоохранение, образование, принципиально по-иному организованное сельское хозяйство. Отчасти и по этой причине имела место миграция славянского населения, ибо местное население в одних регионах было более ориентировано на рынок (в смысле базар), в других предпочитало работать в сфере обслуживания. Хороша «оккупация», ничего не скажешь.

Прибалтийские (остзейские) губернии были некогда наиболее развитой частью Российской империи. Рига по количеству жителей вышла на третье место, уступая только Петербургу и Москве. Процветала Латвия и в составе СССР. Это зафиксировано в Британской энциклопедии (1991, т. 7, с. 186): «Латвия — наиболее индустриализованная республика Советского Союза. Машиностроение и обработка металла являются ведущими отраслями производства. В большом количестве производятся трудоемкие изделия, как радио и научные инструменты, а также бытовые приборы длительного потребления, как холодильники, стиральные машины и моторные лодки. Тяжелая индустрия выпускает суда, железнодорожные вагоны, трам-

ваи, силовые генераторы, дизельные моторы и сельскохозяйственные машины. Легкая индустрия сосредоточена на текстиле, обуви, одежде»¹.

В стране была широко известна продукция флагманов латвийской промышленности — ВЭФ, РВЗ, РЭЗ, РАФ и др. Помним, как по радиоприемнику «ВЭФ» звучали «вражьи радиоголоса» — радио «Свобода», «Немецкая волна», «Голос Америки». «Рафики», как их называли, считались вполне надежными и комфортными автомобилями, чего нельзя было сказать о «ЕрАЗах» — продукции Ереванского автомобильного завода, прозванного в народе «чудом Армении», поскольку ломались, не доезжая до заводских ворот.

Можно привести и другие примеры столь быстрого развития.

Между тем З.А. Станкевич не обнаруживает внятной позиции по факту индустриального рывка. Он лишь констатирует, что «...дела, особенно в социально-экономической сфере, у прибалтов традиционно шли значительно лучше, чем во многих других республиках и регионах СССР» (с. 90). О загадке этой успешности деликатно умалчивается. А между тем и в этой области нужно искать причины крушения СССР.

Так где же было хуже? Автор и здесь повел себя сдержанно. Но мы-то знаем, где было хуже всех — в центральной России. Вспоминается типичная тема из времен «застоя»:

— Слушай, говорят ты ездил в... Ну, как там?

— Да уж не так, как у нас.

— Да, а почему?

— Старик, ну у них же нет советской власти!

— А-а-а-а!

За этим скрывалось следующее: каждый «там» живет исключительно для себя и дает жить другим. «Моральный кодекс строителя коммунизма» в республиках бывшего СССР если и читали, то по-разному.

Надо признать, Зигмунд Антонович немало нас удивил, выдав, как мы думаем, сокровенное. Он своеобразно воздает должное руководству Литвы, которое проводило, по его мнению, дальновидную, протекционистскую политику в отношениях с Москвой, предохраняя себя от нее, т.е. Москвы, волюнтаристских решений. Эта политика, «...в отличие от того, что произошло в соседних Латвии и Эстонии, позволила избежать опасного демографического перекоса, не допустив ги-

пертрофированного развития промышленности в условиях аграрно-индустриальной республики, сохранить, в целом, традиционную для этого региона производственную и социальную инфраструктуру сельского хозяйства, устойчивую жизнь крестьянства как главного носителя национального характера, традиций и обычаев» (с. 93–94).

Первый раз в жизни сталкиваемся с такой необычайной формой волюнтаризма, как строительство заводов и фабрик. Что же такого драматического произошло в Латвии и Эстонии? Ответ напрашивается такой: понаехали, построили промышленную инфраструктуру и «испортили» демографию. Одним словом, А. Снечкус и П. Гришкявичус с помощью коров, мирно пасущихся на хуторах, спасли Литву от нашествия москвитов. В итоге коренных, то есть литовцев, указывает автор, к началу распада страны было 80%, а некоренных — русских, поляков, белорусов и граждан других национальностей — 20% (с. 115).

А вот Латвии и Эстонии с руководством не повезло. Ну что здесь скажешь?

Давайте попытаемся посмотреть на причину крушения СССР и с другой стороны. Автор дает блестящий политико-юридический обзор последних трех лет существования советского проекта. Позволим себе остановиться на наиболее значимых, принципиальных моментах.

Итак, с точки зрения Зигмунда Антоновича, исходной точкой процесса, приведшего в конечном итоге к ликвидации Советского Союза, по крайней мере с формально-юридической точки зрения, следует считать 16 ноября 1988 г. В этот день на сессии Верховного Совета Эстонской ССР были приняты Декларация о суверенитете Эстонской ССР и закон ЭССР о внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Эстонской ССР.

Таким образом, был поставлен под вопрос суверенитет Советского Союза над частью его территории. Президиум Верховного Совета СССР 26 ноября 1988 г., руководствуясь ст. 74 и 76 Конституции СССР, признал решения Верховного Совета Эстонской ССР от 16 ноября 1988 г. недействующими. Автор выдвигает упрек в адрес Президиума Верховного Совета СССР, который «формально констатировал факт нарушения Конституции Союза, не предприняв никаких практических действий, более или менее адекватных его тяжести и потенциальным негативным последствиям для судьбы страны» (с. 106–107).

Коль скоро никаких практических действий не было предпринято, то примеру

¹ Цит. по: Шнепс-Шнеппе Манфред. Немцы в России. Мятельный род Баллодов между немцами, евреями и русскими. М., 2011. С. 345.

Эстонии последовала сначала Литва — Декларация о государственном суверенитете была принята Верховным Советом этой республики 26 мая 1989 г., а затем и Латвия, Верховный Совет которой также принял Декларацию о государственном суверенитете 28 июля 1989 г.

З.А. Станкевич констатирует, что в отношении Прибалтики был согласованный план действий, поскольку еще 8 ноября 1988 г. в Риге представители правлений Народного фронта Эстонии, Народного фронта Латвии и Литовского движения за перестройку (Саюдис) договорились о совместных действиях, подготовив «Обращение к Верховному Совету СССР и Верховным Советам союзных республик» и «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик».

На страницах книги нередко можно встретить обоснованные претензии к Верховному Совету СССР, Президиуму Верховного Совета СССР, Съезду народных депутатов СССР, Генеральному секретарю, а затем Президенту СССР М.С. Горбачеву — одним словом, к центральной власти. Упреки сводятся главным образом к отсутствию политической воли, адекватности реакции на действия, разрушающие Союз ССР и проч. Все правильно. Но все ли так просто? Отнюдь.

Да, союзный центр что-то делал в части минимизации разрушительных процессов в той же Прибалтике, намечал конкретные меры, с помощью которых, как полагает автор, можно было бы «...если не остановить, то, по крайней мере, серьезно замедлить процесс развала... открыто обозначив пределы, за которые центральная власть ради сохранения союзного государства не позволит выйти никому... не уходить с позиций жесткого отстаивания требований Конституции СССР при любых контактах с новыми литовскими властями» (с. 135–136).

И все же, давайте оставаться реалистами. Зачем замедлять то, что неизбежно. Вспоминаем обстановку конца 80-х годов. Практически все считали, что выход Прибалтийских республик из состава СССР — вопрос времени. Что нужно было делать, чтобы это предотвратить: производить аресты, расстреливать митинги, разгонять националистов, окопавшихся в народных фронтах (фронт — это всегда против кого-то), закрывать газеты, теле- и радиостанции? Зигмунд Антонович на это ответов не дает, так же как и не детализирует то, что он понимает под «адекватными мерами».

События в Вильнюсе и Риге, повлекшие человеческие жертвы, З.А. Станкевич называ-

ет трагическими (с. 219) и подчеркивает, что он сознательно воздерживается от анализа конкретных событий, поскольку отсутствует полная и достоверная (подтвержденная независимым расследованием) информация о действительных причинах и многих важнейших обстоятельствах произошедшего (с. 27).

То, что сознательно, верим. Но неужели столь умудренный, прошедший суровую школу бюрократических форм существования, состоявшийся во всех смыслах этого слова человек серьезно верит в независимое расследование? Интересно, кто же на сие способен? Мы знаем только одно. Легендарный рижский ОМОН, брошенный сначала союзными властями, а затем и российскими, олицетворяющий легитимную власть, противостоял вооруженным... Трудно подобрать слово, но если их вооружило не государство и они его не представляют, то это просто бандиты. Впрочем, для кого-то они борцы за свободу и независимость. У каждого, как известно, своя правда. А искать ее в политике — это все равно что считать звезды на небе.

Одним словом, Советский Союз, его политическое руководство, на фоне серьезнейших экономических, политических, социальных, межнациональных проблем, измотанный гонкой вооружений, искусственным обрушением цены на нефть, а также инициативной болтовней о новом мышлении и общечеловеческих ценностях, по-настоящему адекватных, действенных мер предпринять просто не мог. Кстати, «коллективный Запад» этого только и ждал. Прибалтийские проекты осуществлялись под бдительным оком западных кураторов, и автор сей факт признает. Так что сценарий был, и спектакль был сыгран в полном соответствии с жанром политической драматургии.

Нам кажется, что любые варианты сохранения Прибалтийских республик в составе СССР были обречены, и уж тем более был абсолютно исключен силовой вариант. Слишком неоднозначным был исторический фон.

Юридически СССР не аннексировал Латвию, Литву и Эстонию. Они вошли в него на основании решений их законодательных органов, к примеру, Декларации Народного Сейма Литвы от 21 июля 1940 г. Было ли это сделано под давлением? Не исключено. Тем не менее, с уверенностью можно утверждать, что действия СССР были продиктованы не имперскими амбициями, а желанием хотя бы как-то подстраховать себя в условиях неминуемой войны с Германией. Запад «сдал» немцам Чехословакию в надежде на то, что ее просто блестящий промышленный потенциал значительно усилит Гитлера перед похо-

дом на восток, затевавшийся ради уничтожения СССР.

Да и с Финляндией не все так просто. Изначально ей предлагался выкуп территории, причем за очень серьезные деньги. Но, посоветовавшись в Берлине, политическое руководство Финляндии на это не пошло. У Сталина уже не оставалось другого варианта, кроме как начать войну и хоть как-то отодвинуть границу.

Да, страны Балтии теряли свою временную, как оказалось, независимость. Если говорить начистоту, то исторически в этом регионе всегда господствовали немцы, которые эстонцев, литовцев, латышей и за людей-то не считали. Во времена Российской империи массовые жалобы крестьян в Петербург на притеснения со стороны немецких баронов, как правило, не имели никакой реакции. Любопытно, что даже в конце XIX века среди министров немцев было 15%, среди членов Государственного совета 25%, среди сенаторов 63%, генералов 50%, губернаторов 60%². Одним словом, искать правду в Петербурге было бесполезно.

В силу этих исторических обстоятельств значительная часть населения Прибалтийских государств с восторгом встречала Красную армию. Впрочем, с таким же энтузиазмом чуть позже приветствовали и немецкие части, ведь Германия покорила практически всю Европу, которая с учетом союзнических отношений с Третьим рейхом превратилась в территорию фашизма. Европейского, заметим, фашизма. Другого просто не было. Казалось, и СССР не устоит. Так отчего же не послужить «старому-новому» хозяину. Немалая часть латышей, литовцев, эстонцев добровольно надела немецкую форму. В храбрости на фронтах они замечены не были, а вот в полевой жандармерии и эсэсовских частях прославились неимоверной жестокостью, проявленной к мирному населению. Да и простые обыватели активно помогали выявлять евреев, партийных и советских работников. Казалось, что власть немцев теперь уже навсегда, а служить им — дело привычное и уже почти не унижительное. Не один век все-таки прошел. Это к вопросу, Зигмунд Антонович, о последующих репрессиях со стороны советской власти, коим Вы неизбежно уделили внимание.

Покритиковал союзное руководство за мягкотелость в отношении Прибалтики автор в силу замысла книги, и только. Во всяком случае, именно такое создается впечатление.

Рассуждая о перспективах реинтеграции России с бывшими республиками СССР, он

категорично заявляет, что к этому процессу ни при каких обстоятельствах не присоединятся государства Балтии. Для них «...национальная независимость и участие в Западном сообществе (ЕС, НАТО) является абсолютным безусловным приоритетом, важнейшей гарантией *национального самосохранения* (выделено нами.— А.К.). Надо понимать, что развал СССР был для них уникальным шансом достичь этих стратегических целей, и они его успешно использовали, в чем практически едины *власти и коренное население этих государств*» (выделено нами.— А.К.) (с. 483). Страны Балтии «...твердо отгородились от любых общих начинаний с участием великого восточного соседа» (с. 505).

Мы всегда знали, что у З.А. Станкевича очень развитое чувство юмора, но не подозревали, что до такой степени. Невозможно удержаться от иронии, читая, что страны Балтии стали «...полноправными и чрезвычайно активными членами Европейского Союза и НАТО» (там же). Да и другие бывшие союзные республики, как известно, больше тяготеют к коллективному Западу, чем к коллективному Востоку, — пишет он.

На счет активности спорить не будем. Если наблюдать со стороны, создается впечатление, что руководства Прибалтийских государств просто соревнуются между собой в проявлениях сервиллизма по отношению к новым хозяевам. В этих союзах нет партнеров, а есть вассалы — как совершенно верно недавно заметил В.В. Путин. Циклоп и карлики партнерами могут быть только в фантазиях карликов — добавим от себя.

Полагаем, что самой надежной гарантией национального самосохранения Прибалтийских государств может служить лишь стабильная и гарантированная бедность в рамках «единой Европы на разных скоростях». Именно бедность делает эти маленькие государства непривлекательными для мигрантов, серьезно изменивших демографический ландшафт развитых европейских государств, хотя и для них Евросоюз пытается устанавливать миграционные квоты. Вступление в Европейский союз лишь отдаляет эти страны от благополучия. По самым разным оценкам, три прибалтийских государства после распада СССР потеряли от 18 до 29% своего населения. Молодежь уезжает, поскольку не видит будущего в своих странах, где практически уничтожена по «совету» старших европейских товарищей вся советская промышленная инфраструктура. Ведущие европейские языки доминируют в системе образования. Это говорит о том, что молодежь — это единственный «товар», ко-

² Шнепс-Шнеппе Манфред. Указ. соч. С. 5.

торый будет относительно востребован на общеевропейском рынке. Да и ненавистный восток у некоторых гастарбайтеров пользуется популярностью. Вот лишь один пример.

Министерство культуры РФ по не совсем понятной причине трудоустраивает режиссеров из Прибалтики в театры России. У них, дескать, нет театрально-культурной жизни, почему же не помочь? А с какой, собственно говоря, стати такой альтуризм? Почему самая театральная страна в мире должна помогать мигрантам из культурных задворков, творческой импотенции которых хватает лишь на модернизм и глумление над русской классикой. Вопрос, господин Мединский!

Единодушие коренного населения (воспользуемся терминологией автора. — А.К.) и политического руководства прибалтийских стран выразилось в том, что они добровольно (!) согласились стать прифронтовыми государствами уже в мирное время. Вспоминается недавний сюжет по «Евроньюс», в котором солдаты стран НАТО — преимущественно лиловые негры и брюнетистые арабы, общаясь с местными блондинистыми дамами, видимо, уверяли последних, что они надежно защищены от коварных русских. Совет да любовь, особенно в деле, так сказать, национального самосохранения (опять же, используем авторский подход. — А.К.).

Оставим Прибалтику. Им без нас хорошо, да и мы без них не рыдаем.

Своей книгой З.А. Станкевич как бы говорит следующее: «Ребята, вы правильно сделали, что отпустили прибалтов, но за остальных-то надо было бороться». И мысль эта адресована, конечно, не Молдавии или Грузии, а России — тогда РСФСР. Слишком категоричен автор в том, что «...только почти семидесятилетнее нахождение в составе Союза позволило Российской Федерации обрести тот социально-экономический, военно-стратегический и международный потенциал, который впоследствии сделал ее единственной правопреемницей СССР со всеми вытекающими из данного факта (прежде всего статусными) последствиями» (с. 424).

Зигмунд Антонович, не погорячились ли Вы с оценками? Российская Федерация сегодня имеет то, что имеет, как нам представляется, не благодаря тому, что она была в составе СССР, а благодаря общественному строю, который был для нее наиболее адекватным, учитывая исторические, политические, культурные, ментальные, религиозные и другие факторы. В своей книге Вы совершенно обошли вниманием экономические аспекты, которые очень важны для понимания раз-

вала СССР. Надо было бы привести данные, сколько производилось и сколько потреблялось бывшими республиками Советского Союза. Сколько забирали в центр и сколько возвращали обратно. И тогда читатель бы понял истинные причины «благополучия прибалтов, богатства грузин, состоятельности тех и этих». А так Вы оставляете его в неведении, возлагая вину только на политическое руководство Российской Федерации и, конечно же, русский народ.

Выше мы отметили, что против Союза сначала начали выступать «сытые», но настала очередь самого крупного, много работавшего и дурно питавшегося по своей наивности и глупости субъекта — РСФСР. 12 июня 1990 года I Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, которая, как справедливо пишет автор (с. 137), оказала роковое воздействие на дальнейшую судьбу Союза не столько как юридический акт, сколько как документ политико-психологического значения. Случайно или нет, но именно в этот день состоялось заседание Совета Федерации при Президенте СССР, обсудившего вопрос «о проблемах национально-государственного устройства СССР. Именно наличием этого документа оправдывались все последующие разрушительные действия российского руководства» (там же).

По ходу изложения материала сквозной темой проходит критика «консервативной модернизации советской конфедерации», предложенной союзным руководством. Суть этой модернизации, по мнению автора, состояла в том, чтобы «менять, ничего не меняя».

Читая книгу, можно понять политическое руководство Союза ССР, почему оно не охотно шло на предложения союзных республик. З.А. Станкевич, естественно, предлагает свой взгляд на вещи. Он упоминает, что Эстония предложила создать при Президиуме Верховного Совета СССР с участием представителей всех союзных и автономных республик комиссию по пересмотру существующей Конституции СССР и выработке союзного договора как основополагающего документа союза равноправных советских республик. Это предложение автор квалифицирует как важнейшую инициативу, которая не оставляла сомнений в том, что рано или поздно национальные республики поставят вопрос о кардинальном изменении характера своих взаимоотношений с Союзом, что на деле будет означать необходимость трансформации советской федерации как минимум *из конституционной в конституционно-договорную* (выделено нами. — А.К.). Это был чрезвычай-

но важный сигнал, посланный союзному центру, вне зависимости от того, какие конкретные цели преследовала республика, впервые официально выдвинувшая эту идею.

Однако центр не придал этому сигналу должного внимания, не воспользовался им для существенной корректировки собственных планов укрепления Союза (с. 39).

Упрек, однако. Теперь-то мы знаем об истинных целях отдельных республик. Может, и центр кое о чем догадывался? Неужели Вы, Зигмунд Антонович, надеялись, что балаган, уж извините за стиль, в виде этой пресловутой комиссии был бы способен предложить действительно что-нибудь такое, что укрепило бы Союз, а не разрушило, учитывая настроения в Латвии, Эстонии, Литве, Молдавии, Грузии, Армении и крупных автономиях в составе РСФСР. Мы в это не верим. Но мы твердо убеждены в другом: федерация в ее любом варианте, кроме прежнего, а уж тем паче конфедерация, неминуемо привела бы к распаду СССР, рано или поздно.

Что происходило по факту? Союзные республики, и даже автономные, требовали от Союза все больше, а взять на себя старались все меньше. Советский Союз, в котором центр практически ничего не решает, а республики самостоятельны настолько, насколько они сами определили. Просим прощения, но что это было бы за государство? Неужели в условиях конституционно-договорной федерации или, прости господи, конфедерации можно было бы эффективно управлять гигантскими энергетическими, транспортными, промышленными и оборонительными системами, да еще в окружении «закрытых партнеров»? Такая модель могла лишь отсрочить распад СССР, но не предотвратить.

В книге подробно описаны процесс подготовки нового союзного договора, «Новоогаевский процесс» и, наконец, Беловежье, похоронившее некогда супердержаву.

Читаешь книгу и ловишь себя на мысли, что в ходе этих мероприятий заинтересованных игроков в сохранении Советского Союза становилось все меньше, а те, что были в процессе, не проявляли должной активности.

Ключевое событие — референдум, состоявшийся 17 марта 1991 г., на котором 76,4% голосов было подано в пользу сохранения Союза как «обновленной федерации равноправных суверенных республик».

В массе своей граждане не понимали, в чем состоит обновление. А что значит суверенные республики в составе одной страны? Как это возможно в действительности? Сплошные вопросы. Большинство интуитив-

но боялось разрушения страны, и, как оказалось, не напрасно.

Прав З.А. Станкевич в том, что Ельцин и его команда юридически не имели никакого права от имени Российской Федерации подписывать документы в Вискулях.

К сожалению, кроме правовой стороны есть и другие. Важно то, что не было никаких массовых протестов против беловежских соглашений. Референдум 1 декабря 1991 г. в Украине, как бы его ни оценивал автор, на котором 90,3% высказались за независимость республики, а 17 марта только 70,2% — за сохранение Союза, дал определенный карт-бланш могильщикам СССР. Тема украинского национализма, тлевшая не один век, практически в одночасье вспыхнувшая, — тема отдельного, серьезного разговора.

Гадать, что было бы, если... бесполезно. СССР, как бы его ни называли, имел шанс сохраниться в составе России, Украины, Белоруссии (до какого-то времени, ибо война за Белоруссию в отрыве от России давно идет), азиатских республик. Вот уж кто точно не хотел распада СССР. Но, опять же, в части них можно сказать, что не социально-экономический, так религиозный, цивилизационный фактор проявил бы себя непременно. Вопрос времени.

Особое сожаление у нас вызывает то, что три славянские республики сегодня не вместе, а с одной из них Россия и вовсе находится практически в состоянии войны. Честно сказать, другие нас заботят меньше. Полагаем, что большинство россиян, уж русских точно, думает также. Если и дальше следовать по пути интеграции, сотрудничества с бывшими республиками СССР, то необходимо забыть о «дружбе» и прочих заблуждениях. Только прагматические интересы должны стать основой политики России в отношениях с нашими соседями. Современный мир живет так. Нам его не переделать.

И последнее. Разделяем сожаление автора по поводу развала СССР. Мы потеряли очень многое. У России фактически нет союзников. СССР олицетворял собой попытку построить справедливое общество, как бы к этому сегодня ни относиться. В ООН и других международных организациях его позиция всегда находила отклик не только у союзников, но и стран так называемого третьего мира. По этой причине его никак нельзя было изолировать в международных организациях. Воссоздав капитализм в чисто нашем варианте, Россия перестала быть привлекательным проектом.

Для нас самая большая трагедия в связи с развалом СССР заключается в демографи-

ческой катастрофе, которая постигла славянский этнос, преимущественно его мужскую часть. У нас незаметно исчезли два многомиллионных класса — рабочие и крестьяне. Со временем умрет и интеллигенция, место которой займут интеллектуалы. Наука, образование, вооруженные силы, заводы, фабрики, земля — традиционные сферы труда славянского этноса. В итоге — надлом, безнадежность, страх перед будущим и запредельная смертность мужского населения.

Советский Союз разваливали многие: его враги (внутренние и внешние), полезные идиоты (в терминах Ленина), равнодушные. Но больше всех от этого пострадал русский народ, и сегодня он платит страшную цену. Виновен ли он? Несомненно. Он не стал спасать империю. Важно понять: почему? Он просто устал быть расходным строительным материалом сначала царской, а затем советской империи. Интуитивно он почувствовал, что такая перспектива ожидает его и в «обновленном» варианте. Устал от роли «стано-

вого хребта», «старшего брата», «кормильца», «защитника» и прочих пафосных ролей, сулящих лишь пот и кровь. Поэтому давайте не будем судить его строго. Русский народ этого не заслуживает.

И уж совсем точно можно утверждать, что мир от развала СССР потерял очень многое. В его отсутствие всемирная война систем и цивилизаций, увы, уже не кажется фантастикой. Глобальный капитализм уверенно шествует по планете. Ему уже нечего бояться.

P.S. Зигмунд Антонович, большое спасибо! Не уверен, что удалось беспристрастно оценить твой труд. Однако книга еще раз побудила меня к размышлениям, переживаниям, эмоциональным всплескам. Она заставила вернуться к событиям четвертьвековой давности, еще раз пережить волнения и тревоги, а самое главное — пошевелить мозгами. Уверен, что равнодушным книга никого не оставит. А что, собственно говоря, еще нужно автору.

Литература

1. Станкевич З. Советский Союз. Обрыв истории / З. Станкевич. М. : Книжный мир, 2016. 708 с.
2. Шнепс-Шнеппе М. Немцы в России. Мятежный род Баллодов между немцами, евреями и русскими / М. Шнепс-Шнеппе. М. : Алгоритм, 2011. 352 с.

References

1. Stankevich Z. Sovetskij Soyuz. Obryv Istorii [The Soviet Union. Discontinuity of History]. Moscow : Knizhnyj mir. Moscow : Book World, 2016. 708 p.
2. Shneps-Shnepppe M. Nemtsy v Rossii [Germans in Russia]. Moscow : Algoritm. Moscow : Algorithm, 2011. 352 p.

Политико-правовая традиция: некоторые аспекты теоретико-правового анализа

*Аубакирова Индира Ураловна,
соискатель кафедры теории государства и права
юридического факультета Московского государственного
университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова
indastana@gmail.com*

В статье анализируется феномен политико-правовой традиции, исследуются ее содержательно-смысловые особенности и функции в социально-политическом пространстве. Автор рассматривает рациональные и иррациональные элементы, лежащие в основе традиции. Дается характеристика взаимосвязи и взаимодействия политико-правовой традиции и новации.

Ключевые слова: политико-правовая традиция, норма, ценности, модернизация.

Political and Legal Tradition: Some Aspects of Theoretical and Legal Analysis

*Aubakirova Indira U.
Degree-Seeking Student of the Department of Theory of State
and Law of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU)*

The article analyzes the phenomenon of the political and legal tradition, explores its content-semantic features and functions in the socio-political space. The author considers the rational and irrational elements of the tradition. In this paper the characteristic of interrelation and interaction of political and legal tradition and innovation is given.

Key words: political and legal tradition, norm, values, modernization.

Традиция, в том числе политико-правовая, оказывается в фокусе особого внимания исследователей в периоды, когда происходит трансформация тех или иных сфер социальной жизнедеятельности общества и возрастает интерес к тому, от чего общество стремится отказаться, а что сохранить.

Теоретические изыскания, связанные с проблематикой традиции (от лат. *traditio* — передача, предание), берут отсчет от трудов мыслителей эпохи европейского Просвещения, которые актуализировали вопросы, связанные с переосмыслением роли исторического опыта, преемственности политических и правовых институтов, культурных традиций. При этом уже в то время явно или неявно проявляла себя конкуренция между рационалистическими, позитивистски обосновываемыми, мировоззренческими представлениями и воззрениями, допускающими метафизическое мировосприятие различных аспектов, в том числе метаюридических, бытия человека и общества. Преимущественно прогресс в Новое время воспринимается через отрицание традиции. Традиция, в том

числе правовая, рассматривается с позиций противопоставления новому качественному состоянию общества и государства. В этом ракурсе для большинства исследователей-просветителей (Вольтер, Ж.-Ж. Руссо) представляется очевидной дихотомия «традиция/прогресс». Однако подобные взгляды и производимые на их основе методологические выводы и заключения в дальнейшем показали свою ограниченность реалиями исторической традиции. Стоит отметить, что такие представления были свойственны не всем просветителям, в числе которых можно упомянуть Ш.Л. Монтескье. Французский мыслитель исходит из того, что следует не называть обществу порядки, а опираться на сложившиеся в процессе эволюции собственные ему традиционные институты. По мысли А.Б. Гофмана, главное предназначение работы «О духе законов» заключается в доказательстве первостепенной роли и многообразии традиционных принципов, обосновании важности опоры на них в вопросах принятия правотворческих решений при отказе от их разрушения. Традиция, точнее

традиции, является главным законом существования общества — вот краеугольный постулат основного произведения Монтескье¹.

Летопись традиции как самостоятельной концептуальной проблемы следует начинать с имен Дж. Вико и И. Гердера, ставших одними из основоположников теории и истории культуры. Гердер, опирающийся в своих изысканиях на идеи Монтескье о влиянии климата на нравы народов и их законы, утверждает, что формы правления опосредуются традицией, которая, по его мнению, есть «мать языка и начатков культуры, мать религии и священных ритуалов»².

В объяснительной схеме идеальных типов господств М. Вебера проблема традиции, точнее религиозной традиции, культурных ценностей фактически является основополагающей, хотя сам автор предпочитает использовать термины «культура», «этика». Веберовские теоретизирования строятся на противопоставлении общества добуржуазного, традиционалистского, буржуазному, более прогрессивному. Наступление Нового времени знаменует разложение традиционных жизненных форм и установление целерационального экономического и властно-управленческого действий³. Немецкий мыслитель рассматривает «современный капитализм как рационализированную экономику, бюрократию как рационализированную организацию, современное государство как институт, основанный на формальных процедурах и правилах рационально-юридической власти»⁴. При этом государство, как политический институт, ориентированный на рационально сформулированные правила, законы, касающиеся управленческой деятельности чиновников, известно только Западу, а другим культурам знакомы лишь «начатки» рациональности⁵. Нетрудно заметить, что идейные построения немецкого мыслителя основываются на дихотомии «традиция/новация».

Усилия по «реабилитации авторитета и традиции» были предприняты в рамках герменевтики Х.-Г. Гадамером. В его работах прослеживается попытка снять противоречие между традиционалистским и рациона-

листическими способами регулирования общественной жизнедеятельности и взглянуть на них с позиции взаимодействия и взаимодополняемости. По его логике, между традицией и разумом нет противоположности и даже самая прочная традиция формируется не просто естественным путем, а благодаря способности к самосохранению, она требует принятия обществом, согласия на сохранение, т.е. проявления акта разума. Даже в самые переломные моменты сохраняется старое, «объединяясь с новым в новое единство». Исследователь исходит из того, что традиция не вписывается в сугубо рационалистически-научный способ описания эмпирических реалий и обнаруживает его ограниченность. Необходимо произвести коррекцию идей Просвещения в части признания того, что, помимо чисто разумных оснований, имеет право на существование так же и традиция, которая в значительной степени определяет установления и поступки людей⁶.

Понятие и феномен традиции является ключевым в модернизационной теории. Говоря словами С. Хантингтона, в исследовательской литературе с конца 1960-х годов термины «демократия, олигархия и диктатура, либерализм и консерватизм, тоталитаризм и конституционализм, социализм, коммунизм и капитализм, национализм и интернационализм» переместились на второстепенные позиции сравнительно с терминами «современность» и «традиция»⁷. Теория модернизации получила разработку в трудах Ш. Эйзенштадта, Дж. Арнасона, С.Ф. Хантингтона, А. Турена, Д. Лернера, Р. Редфилда, А.С. Ахиезера, Б.С. Ерасова, М.А. Чешкова, В.Г. Хороса и др.

Около первых двух десятков лет, начиная с 1950-х годов, авторы, занимавшиеся проблематикой модернизации, исходили из идеи линейно-стадиального развития общества, в процессе которого происходит смена традиции современностью. Исследователи опирались на идейные тезисы У. Ростоу, согласно которым эволюция каждого общества проходит через ступени традиционного (аграрного) общества; переходного общества (изменения традиции и формирования основ обрабатывающей индустрии); общества, находящегося на пути к более высокому уровню технологического развития, созревающего общества (рост объема продукции начинает преобладать над ростом численности

¹ Гофман А.Б. Теории традиции в социологической традиции: от Монтескье и Берка до Макса Вебера и Хальбвакса // Избранные тексты. М., 2015. С. 92–93.

² Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 246–253.

³ См.: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 7–8.

⁴ Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М.: Территория будущего, 2009. С. 99.

⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 47.

⁶ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 333–334.

⁷ Huntington, S. The change to change: Modernisation, Development, and Politics // Comparative politics. 1971. Vol. 3. Uss. 3. P. 285.

населения) и общества высокого уровня потребления⁸.

В ранних версиях теории модернизации преобладали убеждения, что с помощью слома традиционных институтов в западных обществах и замены их на институты и нормы, свойственные для западных обществ, можно направить развитие общества по либерально-демократическому пути. Предполагалось, что сила модернизации унифицирует государственно-правовые системы мира по западному лекалу. Однако к концу 1960-х годов стали наблюдаться существенные расхождения подобных предположений с политико-правовыми реалиями в постколониальных странах. В большинстве новых независимых государств установились авторитарные политические режимы, а подавляющая часть населения продолжала жить в соответствии не с формально-юридическими принципами и нормами, а сообразуясь с веками действовавшими неформальными нормами, институтами и отношениями. Сторонники линейной, универсалистской версии теории модернизации принижали регулятивную роль политико-правовой традиции.

В дальнейшем подход, основанный на «чисто рационалистической трактовке социальных феноменов», подвергся пересмотру с точки зрения цивилизационного анализа (Ш. Эйзенштадт, Ф. Бродель, Дж. Арнасон, др.). С позиций переосмысления прежних представлений утверждаются идеи, что в эмпирических реалиях традиционные и модернизационные элементы, включая правовые, характеризуются диалектическим взаимодействием, нередко не только не конфликтуя, а способствуя переходу общества в новое качественное состояние. В этом ракурсе стоит сослаться также на мнение Л.Н. Гумилева, сторонника цивилизационного подхода, о том, что этническая общность перестает быть таковой, если в ее жизнедеятельности перестает функционировать традиция. Вне традиции этнос как самостоятельная социально-политическая единица перестает существовать⁹.

В одном политико-правовом пространстве одновременно функционируют и конкурируют и традиции, и новации, создавая различные сочетания, которые обуславливают «провалы либо успехи модернизации». При этом появление новаций и вытеснение традиций в тех или иных сферах жизнедеятельности социума не всегда можно интерпре-

тировать как однозначно положительное и прогрессивное. Кроме того, традиция, в том числе политико-правовая, способна сама послужить толчком для изменений и трансформации устаревших ценностей, установок и их иерархий, становясь инструментом, с помощью которого цивилизация трансформирует саму себя в соответствии с изменившимися потребностями и ожиданиями в обществе. К примеру, подобная традиция — традиция инноваций характеризует западный мир¹⁰. К тому же модернизационные практики демонстрируют, что отказ от традиции в определенных сферах не обязательно влечет позитивные перемены в других сферах (так, экономическая модернизация не есть политико-правовая модернизация). Сопряжение традиции и новаций в разных культурах создает свои синтетические конструкции, отличающиеся от конструкций западной модели модернизации¹¹.

По мысли Ш. Эйзенштадта, процесс модернизации начинался как социокультурный и институциональный проект западной цивилизации, но затем, охватывая другие цивилизации, привел к возникновению множества моделей модерностей (современностей)¹². Интерпретация модернизации с позиций полицентрического подхода представляется эвристически и гносеологически ценной, поскольку позволяет видеть перспективу развития незападных обществ и государств, не исключая традиции, в том числе политико-правовой, как фундаментальной основы цивилизационной идентичности.

Большинство проблем, имеющих правовой, государствоведческий, политический и иной характер, по сути, так или иначе связано с особенностями функционирования политико-правовой традиции в конкретных социально-политических средах. Г.Дж. Берман в рамках интегративной юриспруденции полагает, что сам ответ на вопросы, что такое право и как оно соотносится с политикой и моралью, невозможно без ответа на вопросы, что такое правовая традиция, как она возникает и развивается¹³. Нормы позитивного законодательства и правовая политика, раз-

⁸ См.: Власенко Н.А. Теория государства и права. М., 2014. С. 72–73.

⁹ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001. С. 135.

¹⁰ Glenn, Patrick H. *Legal Traditions of the World: Sustainable Diversity in Law*. Oxford University Press, 2014, pp. 24–27.

¹¹ Huntington, S. *The change to change: Modernization, Development, and Politics*. P. 300.

¹² Браславский Р.Г. Теоретические направления цивилизационного анализа // Российское общество в современных цивилизационных процессах. СПб., 2010. С. 20.

¹³ Берман Г.Дж. *Вера и закон: примирение права и религии*. М., 1999. Стр. 363.

работанные сугубо умозрительно, без учета исторически сложившихся архетипов, ценностей и норм, лежащие в основе политико-правовой традиции, будут заведомо неэффективными, о чем справедливо утверждается в трудах вышеупомянутых мыслителей, а в разработках представителей исторической школы права получает подробное теоретическое обоснование.

Стоит отметить, что предтечей исторической школы права (Г. Гуго, Ф.К. Савиньи, Г.Ф. Пухта), исходящей из решающей роли традиций и обычаев в правообразовании, послужило учение Ш.Л. Монтескье¹⁴. Народы, как пишет Г.Ф. Пухта, отличаются индивидуальностью, которая складывается исторически и выражается в своеобразии языка, нравов и права народа. Убеждения (в современной интерпретации — ценности, установки, идеи) исторически закрепляются в общественном сознании и выражают дух определенного народа. Источником права является, по сути, общее сознание народа. «Постоянно повторяющееся соблюдение» всеми членами общества «юридического убеждения» приобретает свойство правового обычая. Право представляет собой совокупную волю членов конкретного общества, объединенных «общим юридическим сознанием». Иными словами, политико-правовые представления исторически откладываются в коллективном сознании, памяти народа и объективируются в юридических институтах. Подобное «своеобразное развитие юридического сознания образует один из элементов, отличающих один народ от другого»¹⁵.

Проблематика традиционных форм жизнедеятельности общества является одной из краеугольных для российского научного дискурса со времен полемики между славянофилами и западниками. По сути, водораздел между сторонниками консервативной и либеральной идеологии можно проводить по восприятию ими роли традиции. К разработке различных аспектов феномена традиции обращались Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Н.И. Кареев, В.П. Боткин, К.Д. Кавелин, П.Б. Струве, Б.Н. Чичерин, Е. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Н.Н. Алексеев, Н.С. Трубецкой, С.А. Котляревский, И.А. Ильин и др. Находится она в фокусе внимания и современных авторов¹⁶. По определению М.В. Сальникова,

политико-правовая традиция представляет собой действующую в рамках определенной социально-политической общности систему передачи политико-правовых ценностей, сформировавшихся под воздействием геополитических, экономических и социокультурных факторов, с помощью которой, соединяя настоящее с прошлым, происходит процесс отбора, стереотипизации юридического опыта, передачи правовых стереотипов¹⁷.

В широком смысле традиция есть прежде всего *информация*, связанная с «присутствием прошлого» (Э. Шилз). Подобная информация отражает накопленный исторический опыт и носит социальный характер, то есть передается от человека к человеку, от поколения к поколению. Традиция — институт самоорганизации общества, выполняющий ряд необходимых для ее жизнедеятельности функций. Она воспроизводится в общественных отношениях, выполняя функции их регулятора и упорядочивания. Традиция проявляется в форме знаков, символов, ее содержание отражается в обычаях, ритуалах, поведенческих предписаниях, общественных институтах, государственном устройстве и праве. Мировосприятие любой социально-политической общности тесно связано с семиотическими элементами, формирование которых уходит корнями в прошлое и с помощью которых организуется современный порядок, в том числе правовой. Традиция опосредует порядок, обеспечивая его устойчивость и преемственность. Ей принадлежит важная роль в вопросах правовой социализации индивидов. Традиция выполняет интегративную функцию, способствуя объединению индивидов в единую социально-политическую целостность, и оказывает

вания и их значение в освоении конституционной традиции // Государственная власть и местное самоуправление. 2003. № 1; Его же. Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003; Иванов И.А. Традиции: историко-правовой аспект // История государства и права. 2013. № 19; Аубакирова И.У. Модернизация государственного управления в России и Казахстане в контексте нелиберальной политико-правовой традиции // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 10; Пашенцев Д.А. Правовые традиции России в условиях глобализации. М., 2016; Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции: Историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005; Его же. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции // Мир политики и социологии. 2013. № 11.

¹⁴ Фролова Е.А. История политических и правовых учений. М., 2017. С. 212.

¹⁵ Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. Ярославль, 1872. С. 20–29.

¹⁶ См., напр.: Арановский К.В. Поведенческие навыки в структуре государственно-правового регулиро-

¹⁷ См.: Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции. С. 3.

определяющее влияние на формирование государственно-правовой идентичности.

Касааясь содержательно-смысловой стороны традиции, следует прежде всего отметить, что политико-правовая культура — это «естественная среда обитания» для политико-правовой традиции, играющей, по сути, в ней роль несущей конструкции. Традиция способствует формированию соответствующего правового сознания, политико-правовых ценностей и установок. Она есть своего рода «духовное ДНК», транслируемое между поколениями и выражающее своеобразие политико-правовой картины мира конкретно народа.

Входящие в традицию структурные элементы — архетипы, нормы, ценности, идеи, установки, ритуалы, обычаи, сформировавшиеся в результате накопленного исторического опыта, в своих различных сочетаниях формируют конкретный тип политико-правовой культуры, конкретную модель политико-правовых взаимодействий. При этом структура традиции, характеризующаяся наличием как стихийных, бессознательных, так и рациональных элементов, осмысленно сохраняемых обществом и транслируемых между поколениями, обуславливает амбивалентность ее функциональных проявлений, которые выражаются, с одной стороны, в консервативном, стабилизирующем воздействии на политико-правовое пространство, с другой стороны, в потенции к развитию и приобретению новой содержательно-смысловой наполненности. Иначе говоря, традиция призвана упорядочивать общественные отношения, и при этом существующий политико-правовой порядок отнюдь не всегда суть манифестация разума, в нем присутствует элемент иррациональности. Если статичные элементы политико-правовой традиции служат сохранению правокультурного ядра конкретного общества, то динамические элементы находятся в постоянном движении, создавая новые конфигурации посредством преломления через себя тех или иных новаций. По верному замечанию Э. Шилза, модификация — неизбежная судьба традиционных представлений¹⁸. Именно традиция ставит заслон чуждым «инородным» юридическим конструкциям, не позволяя закрепиться им в правовой среде и переводя их в статус симулякров, и именно она допускает те из них, которых имеют потенциал для имплементации, не разрушая исходные правокультурные начала.

¹⁸ Шилз Э. О содержании термина «традиция» // Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 244.

Архетипы — элементы традиции, воспроизводящиеся в поведении людей на иррациональном, бессознательном уровне. Ценности носят более рациональный характер, ибо оценочные суждения сами по себе предполагают конкретные предпочтения, выбор, точнее отбор, усвоение (интериоризацию), что подразумевает рефлексивные начала. Норма — это рациональный элемент традиции, она является разновидностью социальной регуляции, предписывая должную, осознанную в качестве идеальной, предпочтительной, модель поведения. Норма, так или иначе, всегда связана с сознанием, является признаком коллективного консенсуса в вопросе принятия ее в качестве должного. Именно сознание нормативирует ценности и устраняет их инвариантность с позиции значимости/незначимости, и именно на сознательном, рефлексивном уровне возможен перенос ценностей в сферу права. Для того чтобы принять свойство долженствования в определенном правиле поведения, общество рационализирует, оценивает его в категориях нормы/отклонения от нормы, поддерживает авторитет нормы соответствующими запретами, и в этом смысле норма функционирует как результат рефлексии над традицией и меняющихся в ней традиционных ценностей, норм и установок. При этом традиция характеризуется системными свойствами, ее элементы находятся в диалектической взаимосвязи. То, что было нормой в определенное время, в связи с переосмыслением значимости конкретных ценностей, заменой их новыми, может стать отклонением от нее в другое время, которое актуализировало иные интересы, потребности и ожидания общества.

Политико-правовая традиция и позитивное право не есть пассивные объекты, они находятся во взаимодействии и взаимообусловленности, оказывая существенное воздействие на содержательно-смысловое наполнение друг друга. Компоненты политико-правовой традиции включаются в действующее законодательство, а нормы действующего законодательства со временем, в результате устойчивого воспроизводства в поведении членов общества, становятся традицией.

Государствогенез, по справедливому утверждению Х. Патрика Гленна, осуществляется в пространстве определенной традиции, при этом государство, эволюционируя, само становится субъектом традиции. Традиция и в современные дни, пишет британский правовед, представляет собой «управляющий» фон, в рамках которого функционируют все государ-

ства. Вместе с тем данный посыл не свидетельствует об абсолютном антагонизме традиций народов: так как во всех из них присутствуют схожие элементы, что, однако, также и не говорит о том, что все традиции народов могут функционировать гармонично. Существуют самобытные структуры определенных цивилизаций, элементы которых, по мнению Ф. Броделя, настолько несовместимы, что перемены потребуют фундаментальных трансформаций либо их исчезновения. В современном мире большая часть (если не вся) правовых традиций находится в постоянном контакте и конкуренции друг с другом, что повышает риски трансформации их содержания. Так, Х. Патрик Гленн, рассматривая воздействие информационных технологий на содержание правовых традиций, утверждает, что современные средства коммуникации представляют собой инструменты экспансии традиций народов, которые обладают подобными средствами. При этом национальные государства не всегда способны контролировать этот процесс¹⁹.

Указанное воздействие на содержательно-смысловую наполненность политико-правовой традиции детерминируется процессом глобализации. В российском юридическом дискурсе отмечается, что трансформация национальной политико-правовой традиции в условиях глобализации происходит в трех направлениях. Во-первых, в направлении отмирания ряда традиций, исчерпавших себя в новых условиях существования политико-правовой системы. Во-вторых, в направлении формирования новых традиций и развития традиционных начал, ранее находившихся в

зачаточном состоянии. И, наконец, в-третьих, в направлении изменения содержания существующих национальных политико-правовых традиций²⁰.

Глобализация связана прежде всего с универсальными ценностями и нормами и в силу уже своей природы направлена на унификацию политико-правового пространства. В этих условиях локальные политико-правовые традиции подвергаются проверке как на устойчивость и способность противостоять глобализационным «атакам», так и готовность меняться в соответствии с вызовами времени. Модернизация государственно-правовой системы становится благом для общества только в том случае, когда принимаются во внимание архетипы, ценности, нормы и установки, лежащие в основе политико-правовой традиции. Традиция не должна становиться тормозом в развитии общества, но при этом модернизационные преобразования следует производить в унисон с процессом модификации традиционных институтов и принципов и с сохранением того ценного, что образует, говоря словами представителей исторической школы права, дух народа. Результаты преобразований во многом обуславливаются тем фактором, насколько эффективно традиция будет реализовывать функцию «подушки безопасности» в период перехода к новым формам политико-правового бытия общества. В современном глобализирующемся мире, по сути, политико-правовая традиция представляет собой тот институт, который лежит в основании самости общества и государства.

¹⁹ Glenn, Patrick H. *Legal Traditions of the World: Sustainable Diversity in Law*, pp. 39–43.

²⁰ Сальников М.В. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции. С. 195.

Литература

1. Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде / К.В. Арановский. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 658 с.
2. Арановский К.В. Поведенческие навыки в структуре государственно-правового регулирования и их значение в освоении конституционной традиции / К.В. Арановский // Государственная власть и местное самоуправление. 2003. № 1. С. 41–45.
3. Аубакирова И.У. Модернизация государственного управления в России и Казахстане в контексте нелиберальной политико-правовой традиции / И.У. Аубакирова // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 10. С. 3–7.
4. Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии / Г.Дж. Берман. М.: Ad Marginem, 1999. 432 с.
5. Браславский Р.Г. Теоретические направления цивилизационного анализа / Р.Г. Браславский // Российское общество в современных цивилизационных процессах. СПб.: Интерсоцис, 2010. С. 14–22.
6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
7. Власенко Н.А. Теория государства и права / Н.А. Власенко. М.: Проспект, 2014. 416 с.
8. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
9. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер. М.: Наука, 1977. 703 с.
10. Гофман А.Б. Теории традиции в социологической традиции: от Монтескье и Берка до Макса Вебера и Хальбвакса / А.Б. Гофман // Гофман А.Б. Избранные тексты. М.: Новый хронограф, 2015. С. 91–147.

11. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. СПб. : Кристалл, 2001. 639 с.
12. Иванников И.А. Традиции: историко-правовой аспект / И.А. Иванников // История государства и права. 2013. № 19. С. 48–52.
13. Коллинз Р. Четыре социологических традиции / Р. Коллинз. М. : Территория будущего, 2009. 320 с.
14. Пашенцев Д.А. Правовые традиции России в условиях глобализации / Д.А. Пашенцев. М. : Юркомпани, 2016. 107 с.
15. Пухта Г.Ф. Энциклопедия права / Г.Ф. Пухта. Ярославль : Тип. Г. Фалька, 1872. 99 с.
16. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции: Историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / М.В. Сальников. СПб., 2005. 53 с.
17. Сальников М.В. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции / М.В. Сальников // Мир политики и социологии. 2013. № 11. С. 183–199.
18. Фролова Е.А. История политических и правовых учений / Е.А. Фролова. М. : Проспект, 2017. 512 с.
19. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. М. : Весь Мир, 2003. 416 с.
20. Шилз Э. О содержании термина «традиция» / Э. Шилз // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост., ред. и автор вступ. ст. Б.С. Ерасов. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 240–245.
21. Glenn, Patrick H. Legal Traditions of the World: Sustainable Diversity in Law. 5th ed. / Patrick H. Glenn. Oxford University Press, 2014. 418 p.
22. Huntington, S. The change to change: Modernisation, Development, and Politics / S. Huntington // Comparative politics. 1971. Vol. 3. Iss. 3, pp. 283–322.

References

1. Aranovsky K.V. Povedencheskie navyki v strukture gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya i ikh znachenie v osvoenii konstitutsionnoj traditsii [Behavioral Skills in Structure of State Legal Regulation and Their Meaning for Grasping Constitutional Tradition] // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. Government and Local Self-Government. 2003. No. 1. P. 41–45.
2. Aranovsky K.V. Konstitutsionnaya traditsiya v rossijskoj srede [Constitutional Tradition in Russian Environment]. Saint Petersburg : Yurid. tsentr Press. Saint Petersburg : Legal Centre Press, 2003. 658 p.
3. Aubakirova I.U. Modernizatsiya gosudarstvennogo upravleniya v Rossii i Kazakhstane v kontekste neliberal'noj politiko-pravovoj traditsii [Update of Public Administration in Russia and Kazakhstan in the Context of Non-Liberal Political and Legal Tradition] // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. Government and Local Self-Government. 2015. No. 10. P. 3–7.
4. Braslavsky R.G. Teoreticheskie napravleniya tsivilizatsionnogo analiza // Rossijskoe obshchestvo v sovremennykh tsivilizatsionnykh protsessakh [Theoretical Areas of Civilizational Analysis // Russian Society in Modern Civilizational Processes]. Saint Petersburg : Intersotsis. Saint Petersburg : Intersotsis, 2010. P. 14–22.
5. Berman H.J. Vera i zakon: primrenie prava i religii [Faith and Order: The Reconciliation of Law and Religion]. Moscow : Ad Marginem. Moscow : Ad Marginem, 1999. 432 p.
6. Weber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma // Weber M. Izbrannye proizvedeniya [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism // Weber M. Selected Works]. Moscow : Progress M. Moscow : Progress M., 1990. 808 p.
7. Vlasenko N.A. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. Moscow : Prospekt. Moscow : Prospect, 2014. 416 p.
8. Gadamer H.-G. Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneviki [Truth and Method: Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow : Progress. Moscow : Progress, 1988. 704 p.
9. Herder J.G. Idei k filosofii istorii chelovechestva [Ideas on the Philosophy of the History of Mankind]. Moscow : Nauka Moscow : Science, 1977. 703 p.
10. Gofman A.B. Teorii traditsii v sotsiologicheskoy traditsii: ot Monteks'e i Berka do Maksa Vebera i Khal'bvaksa // Izbrannye teksty [Theories of Tradition in Sociological Tradition: from Montesquieu and Burke to Max Weber and Halbwachs // Selected Texts]. Moscow : Novyj Khronograf. Moscow : New Chronograph, 2015. P. 91–147.
11. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and Terrestrial Biosphere]. Saint Petersburg : Kristall. Saint Petersburg : Crystal, 2001. 639 p.
12. Ivannikov I.A. Traditsii: istoriko-pravovoy aspekt [Traditions: Historical and Legal Aspect] // Istoriya gosudarstva i prava. History of State and Law. 2013. No. 19. P. 48–52.
13. Collins R. Chetyre sotsiologicheskikh traditsii [Four Sociological Traditions]. Moscow : Territoriya budushchego. Moscow : Territory of the Future, 2009. 320 p.
14. Pashentsev D.A. Pravovye traditsii Rossii v usloviyakh globalizatsii [Russian Legal Traditions in Conditions of Globalization]. Moscow : Yurkompani. Moscow : Legal Company, 2016. 107 p.
15. Puchta G.F. Entsiklopediya prava [The Encyclopedia of Law]. Yaroslavl'. Yaroslavl, 1872. 99 p.
16. Salnikov M.V. Genезis i evolyutsiya rossijskoj politiko-pravovoj traditsii: Istoriko-teoreticheskij i sravnitel'no-pravovoy analiz: avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk [Genesis and Evolution of Russian Political and Legal Tradition: Historical, Theoretical and Comparative Law Analysis: author's abstract of thesis of ... Doctor of Law]. Saint Petersburg. Saint Petersburg, 2005. 53 p.
17. Salnikov M.V. Politiko-pravovaya integratsiya: natsional'nye pravovye traditsii [Political and Legal Integration: National Legal Traditions] // Mir politiki i sotsiologii. World of Politics and Sociology. 2013. No. 11. P. 183–199.

18. Frolova E.A. Istorija politicheskikh i pravovykh uchenij [History of Political and Legal Doctrines]. Moscow : Prospekt. Moscow : Prospekt, 2017. 512 p.
19. Habermas J. Filosofskij diskurs o moderne [The Philosophical Discourse of Modernity]. Moscow : Ves' Mir. Moscow : The Whole World, 2003. 416 p.
20. Shils E. O soderzhanii termina «traditsiya» // Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsij. KHrestomatiya / Sost., red. i avtor vstup. st. B.S. Erasov [Tradition // Comparative Study of Civilizations. Anthology / Compiled, edited, introductory article by B.S. Erasov]. Moscow : Aspekt Press. Moscow : Aspect Press. P. 240–245.
21. Huntington S. The change to change: Modernisation, Development, and Politics // Comparative politics. 1971. Vol. 3. Iss. 3, pp. 283–322.
22. Patrick Glenn H. Legal Traditions of the World: Sustainable Diversity in Law. 5th ed. Oxford University Press, 2014. 418 p.

DOI: 10.18572/1812-3805-2017-22-55-59

Формально-юридическое исследование российских североамериканских владений (XVIII в.)

*Небрятенко Геннадий Геннадиевич,
профессор кафедры процессуального права
Донского государственного технического университета,
доктор юридических наук
gennady@nebratenko.ru*

*Попов Николай Васильевич,
выпускник Южно-Российского института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
kp_1995@mail.ru*

С начала XVIII в. и до настоящего времени Россия сохраняет национальные интересы в Северной Америке, что предопределяет нашу геополитическую роль на международной арене, в том числе в разрешении международных региональных конфликтов. Это обстоятельство актуализирует интерес к законодательству Российского государства, регулирующему деятельность участников правоотношений во все периоды присутствия соотечественников в Новом Свете. Особый интерес представляет XVIII в., когда происходило становление Русской Америки, на десятилетия ставшей особым краем среди субъектов империи. Наличие собственных владений в Северной Америке делало Россию транс-континентальным государством, надежно защитившим Дальний Восток от притязаний извне.

Ключевые слова: консульство Российской Федерации в Сан-Франциско, российские владения в Северной Америке, Русская Америка, крепость Росс, Калифорния, Аляска, законодательство Российской империи.

Formal Legal Research of Russian North American Dominions (the XVIII Century)

*Nebratenko Gennady G.
Professor of the Department of Procedural Law of the Don State Technical University
Doctor of Law*

*Popov Nikolay V.
Graduate of the South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

Since the beginning of the XVIII century and up to the present time Russia retains national interests in North America, which predetermines our geopolitical role in the international arena, including in resolving

international and regional conflicts. This fact actualizes the interest of the Russian state legislation regulating activity of participants of legal relations in all periods of the presence of compatriots in the New world. Of particular interest is the eighteenth century, when the formation of Russian America, in the decades became a special region among the subjects of the Empire. Having our own possessions in North America made Russia transcontinental country, firmly defend the far East from claims from outside.

Key words: consulate of the Russian Federation in San Francisco, the Russian possessions in North America, Russian America, Fort Ross, California, Alaska, the legislation of the Russian Empire.

Политическим наследием, доставшимся правительству США от администрации Барака Обамы, стала стагнация международных отношений с Россией, и маркером замедления сотрудничества стали ограничения в сфере межгосударственного представительства, например, закрытие Генерального консульства Российской Федерации в Сан-Франциско, являвшегося старейшим. Хотя с момента возникновения США и до начала XX в. международный диалог был прагматичным, а Российская империя внесла неоценимый вклад в становление североамериканской государственности. Поддержанию партнерских отношений способствовало существование российских владений в Северной Америке, управляемых Российско-Американской компанией, которая в коммерческих интересах обеспечила открытие российского представительства в Сан-Франциско.

Наши соотечественники хорошо знали Калифорнию, прибывая в край с середины XVIII в., а в 1812–1841 гг. в 80 километрах севернее Сан-Франциско размещалась крепость Росс, находившаяся вместе с пригородом под русской юрисдикцией. Разрешение на ее строительство было получено от местных индейских вождей, но оспаривалось испанцами, а затем мексиканцами, провозгласившими независимость от своей метрополии. Американцы же, появившись в регионе, отторгли от Мексики «Верхнюю Калифорнию» и в 1850 г. образовали 31 штат США, а уже 14.02.1852 в открывшееся представительство Российской империи в Сан-Франциско был назначен вице-консул Уильям Стюарт¹.

Появление русских в Калифорнии стало следствием возникновения в XVIII в. российских владений в Северной Америке, включавших Алеутские острова, архипелаг Александра и материковую Аляску. В Полном собрании законов Российской империи размещено более полусотни правовых актов по истории Русской Америки. Их можно классифицировать на три группы: относящиеся к промыслово-первопроходческому перио-

ду (1648–1799 гг.); к коммерческо-казенному (1799–1844 гг.) и административно-буржуазному периоду (1844–1867 гг.)². В рамках первой группы систематизировано 11 документов, включая 2 инструкции, 1 правило, 5 императорских и 3 сенатских указа.

Инструкция от 02.01.1719 № 3266 являлась повелением Ивану Евреинову и Петру Лужину доехать до Тобольска, взять подводы, провожатых и все необходимое, следовать до Камчатки, детально описать тамошние места и перенести на карту, определив, соединяется ли Азия с Америкой. Инструкция от 05.02.1725 № 4649, обращенная к капитану флота Берингу, состояла из трех пунктов, фактически сформулированных в продолжение предыдущего документа. Ведь экспедиция Евреинова и Лужина была сухопутной для изучения северо-восточной оконечности Азии, а Беринга — морской, организованной для исследования северной оконечности Америки.

Витусу Берингу требовалось построить на Камчатке один-два одномачтовых корабля, плыть на север вдоль некартографированного побережья азиатского континента, при этом современники все еще не исключали, что Евразия соединяется с Америкой. Одновременно требовалось определить месторасположение открываемых американских земель, при этом признавалось, что узнать эти сведения проще у команды встречаемых по пути «европейских кораблей», расспросив ее членов о континенте и иноземных владениях, при этом следовало высадиться на американский берег, подробно описать его и все внести на карту.

Правила от 28.12.1732 № 6291 были также обращены к капитану-командору Витусу Берингу, назначенному руководить второй Камчатской экспедицией. Из их содержания становится понятным, что Сенат, заслушав мнение Адмиралтейств-коллегии о результатах первой Камчатской экспедиции, а также ознакомившись с картами, принял решение установить ряд требований и правил. К задачам новой экспедиции относилось: исследование места сближения Чукотки с Америкой и определение возможности прохода по мо-

¹ История официального представительства Российской Федерации на территории современного консульского округа [Электронный ресурс] // Консульский информационный портал. URL: <http://www.kdmid.ru> (дата обращения: 28.09.2017).

² Небрятенко Г.Г. Государственно-правовое развитие Русской Америки // История государства и права. 2016. № 21. С. 10–14.

рю от устья Колымы до Анадыря и Камчатки; изучение американских берегов и описание реки Удь с устьем вплоть до Амура; отправка экспедиции в испанскую провинцию Мексико и получение точной информации об ее расположении; прокладка нового пути в Японию, а также обследование уже известного, построенного Иваном Евреиновым. Правила от 28.12.1732, в основном регулируя правоотношения в сфере географических исследований Дальнего Востока и Северной Америки, установили «Калифорнийский вектор» в освоении новых земель, и документ в целом поражает масштабом задуманного, особенно с учетом скромного по современным меркам уровня научно-технического развития.

Указ Екатерины II от 02.03.1766 № 12589 был подготовлен по результатам ознакомления с реляцией сибирского губернатора Дениса Чичерина от 24.11.1765 «...о сыскании и приведении в подданство неизвестных доныне шести Алеутских островов» и копией рапорта казака Петра Васютинского. Письменные донесения свидетельствовали о произведенных территориальных приобретениях Российской империи, и указ фактически утверждает их. Он урегулировал правоотношения в области расширения государственных рубежей и приведения автохтонов в подданство, освоения природных богатств, осуществления налогообложения и коммерческого использования Алеутских островов, хотя эта града была открыта второй Камчатской экспедицией, но некоторое время оставалась малоисследованной и формально не приведенной в подданство.

Отдельно в указе от 02.03.1766 подтверждались привилегии селенгинского купца Андреяна Толстых, освобожденного от уплаты в казну десятой части от всех полученных на островах доходов (ясака). Щедрая награда стала воздаянием за первооткрывательские заслуги, связанные с длительным проживанием на «Андреяновских островах» и обстоятельным жизнеописанием быта местного населения. Отдельно предписывалось произвести в дворянство камчатских казаков Петра Васютинского и Максима Лазарева, бывших вместе с купцом в морском предприятии в качестве «начальных людей». Однако данный указ не устанавливал императивных требований, закрепленных на законодательном уровне, однако свидетельствовал, что Екатерина II с интересом относилась к американским владениям. Как продолжательница дел Петра Великого, она вела политику по расширению российских пределов и развитию торговли, приносящей немалый казенный доход. Содержащееся в указе повеление губерна-

тору Чичерину разузнать у казаков о нахождении европейцев на Алеутских островах и «не видели ли какого разбитого европейского судна?» указывает на аккуратность в международных делах и нежелание усиления напряженности.

Сенатский указ от 03.07.1779 № 13320 разработан по итогам заслушивания в Правительствующем Сенате рапорта полковника Федора Плениснера от 31.01.1766, прежде участвовавшего во второй Камчатской экспедиции. Из текста правового акта становится ясно, что правительство продолжало собирать «достоверные известия» об обнаруженных, но пока неизведанных островах в Восточно-Сибирском море, лежавших напротив устья реки Колымы (Медвежьих островов), а также в акватории Чукотского полуострова и около материковой Аляски. Важные данные сообщил в 1763 г. казак Николай Дауркин о наличии поблизости пригодного для строительства лесного массива, а также о других природных богатствах и уровне их хозяйственного освоения аборигенами. Собранная информация была занесена на карту, с учетом которой полковник Плениснер сделал собственную, приложенную к рапорту от 31.01.1766. Кроме того, в 1764–1765 гг. Дауркин побывал на Аляске, сообщив много интересного, например, об обнаружении русского поселения Кынговой (Кымговой), что косвенно свидетельствовало о латентном использовании со второй половины XVII в. богатств континента первопроходцами и промышленниками.

Этот указ следует отнести к основополагающим правовым актам, легитимирующим первооткрывательскую деятельность русских мореплавателей на Северо-Востоке Азии и в Северной Америке. В нем снова встречается идея о переходе под российскую юрисдикцию западного побережья Северной Америки: «...Россия приделами своими в Северовосточных местах хотя с Америкой и граничит, но ни чьим еще тамо не владеет; а если бы о том стараться повелено было, то не токмо издержанные с здешней стороны в прежней Экспедиции миллионы возвратятся, но и от самой Калифорнии, даже до последних краев Северной Америки под Российскую Державу все места приведены быть могут, а о успехе в том и сомневаться не должно».

В тексте акта прослеживается перспектива преобразования Российской империи в трансконтинентальное государство, владеющее Тихоокеанским побережьем Северной Америки. Данное предложение являлось следствием того, что купцы и промышленники по своей инициативе давно открыли этот

обширный край. Идея основательного укрепления в Калифорнии была реализована в 1812 г. строительством крепости Росс, но в условиях конкуренции с прочими морскими державами важное место занимал темп экспансии. Появление русского стяга так далеко, на юге Нового Света, вызвало напряженность в отношениях с Испанией, зато освоение Аляски, своевременно поддержанное властями, имело безапелляционный характер, в том числе благодаря рассмотренному указу.

Указ от 13.08.1787 № 16563, изданный Екатериной II, был обращен к генерал-губернатору Иркутского и Кольванского наместничеств Ивану Якоби, являясь ответом на его донесение в Сенат о допусках негодных методах приведения в российское подданство и сбора ясака с местных жителей. Появление указа свидетельствовало о том, что некоторые «мореходные промышленники» под видом приведения в российское подданство автохтонов, преследуя частный интерес, не гнушались самоуправством, жестокостью и грабительством, порой делая это со всей бесчеловечностью. Правовой акт имел целью прекращение самовольного сбора ясака, а также пресечение любой жестокости, регулируя правоотношения в области уголовного, уголовно-процессуального, налогового и служебного права. Ценностью документа стало разграничение функций между морскими промышленниками, действующими в коммерческих интересах, и лицами, уполномоченными осуществлять государственное налогообложение, при этом вводились нормы, ограничивавшие права и свободы подозреваемых, обвиняемых и виновных в «жестокости и грабительстве к природным жителям островов Восточного моря».

Сенатский указ от 12.09.1788 № 16709 был подготовлен на основе именного указа, изданного Екатериной II и объявленного генерал-прокурором Александром Вяземским. Императрица соизволила утвердить его по результатам работы «Комиссии о коммерции», являвшейся в 1763–1796 гг. отраслевым совещательным учреждением, ведавшим экономическим, коммерческим и торговым развитием государства, а также делами купечества. Комиссия поднесла государыне отчеты курского головы и купца Ивана Голикова и рыльского купца Григория Шелехова, оформленные докладом. Эти лица еще в 1781 г. основали Северо-Восточную торгово-промышленную компанию, в 1799 г. преобразованную в Российско-Американскую компанию. Преуспев в коммерческом мореходстве между Камчаткой, островами Курильской и Алеутской гряд, а также Аляской, они в ходе экс-

педиции 1783–1786 гг. заложили русские поселения на острове Кадык и других, ставшие центрами дальнейшего освоения края. В докладе повествовалось о плаванье в Тихом океане и торговле вдоль берегов Северной Америки, об открытии многих неизвестных островов и приведении местных жителей в русское подданство.

В юридической сфере документ регулировал административные, налоговые, гражданские правоотношения, имея значение для казенного освоения Северной Америки. Одновременно затрагивались проблемы международного взаимодействия и антимонопольного регулирования, уточнялся ряд институтов права, с ними связанных. Историческая роль указа велика, так как в нем отражен интерес государства к становлению Русской Америки, но в то же время российское правительство, занятое насущными делами в более чувствительных для себя регионах, в отношении Нового Света проявляло неповоротливость.

Сенатский указ от 20.06.1793 № 17135 стал результатом официального документооборота: основатели Северо-Восточной компании обратились к члену Синода пресвященному Гавриилу, который переадресовал просьбу обер-прокурору Алексею Мусину-Пушкину, а тот 04.05.1793 предложил документ на рассмотрение Святейшего Синода, в итоге направившего протокол обсуждения в Правительствующий Сенат. Эта последовательность была соблюдена с целью представления Екатерине II разъяснений и последующего разрешения просьбы, которая заключалась в содействии распространению христианства среди североамериканских аборигенов. Впрочем, в духовном наставлении православной церкви в первую очередь нуждались сами первопроходцы, подолгу находившиеся в Новом Свете, а особенно переселившиеся на постоянное жительство.

Русская культура прочно проникала в местную среду, но для точности соблюдения церковных обрядов аборигены просили прислать к ним иеромонаха (священника-монаха), который обучал бы их Закону Божьему. Одновременно он мог осуществлять выбор способных учеников для последующего самостоятельного истолкования и распространения Священного Писания, для того чтобы «примерная жизнь открывала им истину Христианского закона». По мнению именитых граждан Голикова и Шелихова, автохтоны желали обучать своих отпрысков в духовной семинарии, открытой в 1780 г. в Иркутске, причем оплачивая образование из личных средств. Успешно окончившие семинарию го-

товились принять сан, что затем позволяло строить церкви в Америке.

Указ Екатерины II от 31.12.1793 № 17171 был подготовлен с учетом рапорта генерал-поручика Ивана Пиля от 28.08.1793, предписывая закрепление за Северо-Восточной компанией до двадцати мастеровых людей и десяти крестьянских семей из числа лиц, посланных в Иркутскую губернию. Указ был направлен на регулирование отношений в сфере хозяйственного и крепостного права, а также государственного управления, затрагивая проблемы исполнения наказания, ибо в Новый Свет командировались лица, приговоренные к ссылке. Документ можно считать еще одной ступенью в развитии Русской Америки, иллюстрирующей заинтересованность высокопоставленных особ в этом проекте, он уполномочивал генерал-губернатора на большее участие в делах торговой компании. Кроме того, увеличение русского присутствия в крае требовало аграрного развития Америки и Курильских островов. В результате правительство приняло решение предоставить торговой компании десять семей хлебопашцев.

Императорский указ от 05.08.1797 № 18076 стал первым нормативным правовым актом, относящимся к истории Русской Америки, непродолжительного правления Павла I, касаясь дел Северо-Восточной компании и учреждаемых в перспективе других торговых компаний. В указе устанавливалось, что существующая и вновь образуемые коммерческие компании, работающие в Северной Америке, находились в ведении Государственной коммерц-коллегии, но для профилактики конфликтов на коммерческой почве разрешалось заводить новые промыслы не иначе как с согласия Северо-Восточной компании на основе двухстороннего договора, предоставляя старожилам явные конкурентные преимущества. Впрочем, территориальное управление краем оставалось за иркутским гражданским губернатором, единолично выполнявшим эту

задачу после упразднения в 1796 г. одноименного наместничества.

Императорский указ 08.09.1797 № 18131 адресовался Лариону Нагелю, будучи подготовленным на основе рапорта иркутского губернатора от 22.07.1797, к которому прилагались списки договоров вновь учрежденной в Иркутске Американской коммерческой компании, включавшей Северо-Восточную, Северную и Курильскую компании. Правовой акт стал продолжением предыдущего указа, фиксируя факт соединения капиталов семей Голикова, Шелехова, Мыльникова и других для совместного осуществления торговли и промыслов на архипелаге Александра и в других американских владениях. Указ можно расценить еще как один шаг в сторону становления Русской Америки, отправной точкой для освоения которой являлся город Иркутск. В документе прослеживается одобрительное отношение Павла I к произошедшему событию, и особое историческое значение имеет тот факт, что он предвосхищает монополизацию североамериканской торговли и промышленности.

Таким образом, в XVIII столетии произошло становление российских владений в Северной Америке, имеющих емкое наименование «Русская Америка», а также зарождение Российско-Американской компании, до 1867 г. обеспечивавшей интересы государства в регионе, а также особых правил управления краем, беспрецедентных для Российской империи, ибо становление капиталистических принципов, активизированное реформами Александра II, в Северной Америке произошло гораздо раньше. В результате уже во второй половине XVIII столетия русские мореходы и промышленники распростирали свои интересы до самой Калифорнии, не утратив их после перехода части региона под юрисдикцию США, что предопределило открытие российского консульства в Сан-Франциско в середине XIX столетия.

Литература

1. История официального представительства Российской Федерации на территории современного консульского округа [Электронный ресурс] // Консульский информационный портал. URL: <http://www.kdmid.ru> (дата обращения: 28.09.2017).
2. Небрatenko Г.Г. Государственно-правовое развитие Русской Америки / Г.Г. Небрatenko // История государства и права. 2016. № 21. С. 10–14.

References

1. Istoriya ofitsial'nogo predstavitel'stva Rossijskoj Federatsii na territorii sovremennogo konsul'skogo okruga // Konsul'skij informatsionnyj portal [History of Official Mission of the Russian Federation in Territory of Modern Consular District // Consular informational portal] // URL: <http://www.kdmid.ru> (reference date: September 2, 2017).
2. Nebratenko G.G. Gosudarstvenno-pravovoe razvitie Russkoj Ameriki [State and Legal Development of Russian America] // Istoriya gosudarstva i prava. History of State and Law. 2016. No. 21. P. 10–14.

Правовые теории образования Древнерусского государства

*Авдеева Ольга Анатольевна,
профессор кафедры государственного права
Байкальского гуманитарного института,
доктор юридических наук
Avdeeva_O_A@mail.ru*

*Знамеровский Евгений Васильевич,
доцент кафедры истории Отечества, государства и права
Тихоокеанского государственного университета,
кандидат юридических наук
znamer@mail.ru*

*Авдеева Екатерина Вадимовна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
E_V_Avdeeva@bk.ru*

В статье на основе всестороннего анализа различных точек зрения освещаются научные подходы к проблеме происхождения Древнерусского государства. Основываясь на выдвигаемых теориях и концепциях, авторы приходят к выводу о приоритете договорной теории и теории насилия в процессе создания государства Киевская Русь. Активная внешнеполитическая деятельность Новгородской и Киевской земель, сопряженная с угрозой внешнего вторжения, предопределила консолидацию русских земель и установление монархической формы правления. В статье аргументируется, что формирование Древнерусского государства представляет собой длительный процесс, обусловленный совокупностью социально-экономических и политико-правовых факторов.

Ключевые слова: правовые теории происхождения государства, Киевская Русь, монархия, форма правления, государственная власть.

Legal Theories of Establishment of the Old Russian State

*Avdeeva Olga A.
Professor of the Department of State Law of the Baikal University for the Humanities
Doctor of Law*

*Znamerovsky Evgeny V.
Assistant Professor of the Department of National History, State and Law
of the Pacific National University
Candidate of Legal Sciences*

*Avdeeva Ekaterina V.
Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the East Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences*

The article critically highlights scientific views on the origin of the Old Russian state. Based on the theories and concepts put forward, the authors come to the conclusion that the state of Kievan Rus was created as a result of the struggle between the Novgorod and Kiev lands, which led to the establishment of a monarchical form of government most typical of the Russian ethno-cultural tradition. The article argues that the period of existence of the ancient Russian state was at the end of the IX — the beginning of the XII centuries. In turn, the reworking of Kievan Rus, due to the socio-economic community of the ancient Russian people, naturally replaced by a stage of feudal fragmentation.

Key words: Kievan Rus, monarchy, form of government, state power, theories of the origin of the state.

В 882 году на территории Восточной Европы в результате объединения восточно-славянских племен, обитавших в долинах рек Днепр и Дон, было образовано государство, получившее в историко-юридической науке обозначение — Киевская Русь.

По мнению ведущего отечественного языковеда А.А. Шахматова, восточное славянство представляло собой ветвь славянского народа, являющегося частью индоевропейской языковой этнической группы¹. Между тем исследование геополитической прародины славян повлекло разработку двух научных направлений.

Согласно автохтонной теории этногенеза славянства, выдвигаемой академиком Б.А. Рыбаковым, исконным местом обитания славян являлась северная часть Восточной Европы между Днепром и Одером². Опираясь на сочинения римского государственного деятеля Плиния Старшего и его современника римского историка Корнелия Тацита, автор Днепровско-Одерской концепции считает, что славяне в I веке н.э. представляли «устойчивый этнический массив», именуемый венедами. Исходя из письменных источников, венедамы вели оседлый образ жизни, занимались пашенным земледелием, ремеслом и торговлей. Разложение первобытнообщинных отношений, характеризовавшееся переходом к социальной организации в виде соседских общин, предопределили выделение восточной группы славян-венедамов, называемой антами и проживавшей в междуречье Днепра и Днестра.

Днепровско-Одерское геополитическое расположение славян подтверждается готскими, гуннскими и византийскими письменными источниками, указывающими на активизацию в IV–V вв. военных походов антов против соседствующих племен.

Противоположной автохтонному научному направлению выступает миграционная теория, родоначальником которой считается летописец «Повести временных лет» монах Киево-Печерского монастыря Нестор, полагавший, что прародиной славян является нижнее течение Дуная. «Дунайской» теории Нестора придерживались русские историки С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, считавшие, что формирование славянского этноса происходило в Прикарпатье³.

Исследование процесса возникновения славян привело к появлению в рамках миграционной теории скифо-сарматской, прибалтийской, азиатской и средневропейской концепций⁴. Считая славян пришлым этносом, представитель скифо-сарматской концепции академик А.И. Соболевский отстаивает процесс происхождения славян на территории Черноморского побережья. Согласно прибалтийской концепции историка и языковеда академика А.А. Шахматова прародиной славян является бассейн Западной Двины и Нижнего Немана в Прибалтике. Азиатская концепция основана на миграции славян в Восточную Европу с территории Средней Азии. В соответствии со средневропейской концепцией прародиной славян выступает территория Германии.

Многообразие геополитических концепций, основанных на противоречивых письменных источниках скифов, сарматов, гуннов, готов, аваров, печенегов, половцев, хазар и других этносов, населявших Восточно-Европейскую равнину в I–VI вв., обусловлено обширностью географического пространства обитания славян. Наличие развитых речевых систем позволило славянам освоить территории от Эльбы на западе до Волго-Окского междуречья на востоке, от озера Ильмень на севере до Северного Причерноморья на юге.

В результате обширного геополитического пространства расселения славян, обусловившего разнообразие материальной и духовной культуры, разрушение языковой общности, в VI–VII вв. наметился распад «общеславянского единства» на западных, южных и восточных славян.

Этнографическая карта восточного славянства, получившая детальное освещение в трудах древнерусского летописца Нестора, включала племена белых хорватов в Закарпатье, уличей и тиверцев в бассейне Днестра, бужан и вольнян в долине Южного Буга, полян в среднем течении Днепра, древлян и дреговичей в районе рек Рось и Припять, северян и радимичей в бассейне Сулы, Сейма и Десны, кривичей и полочан в верховьях Двины и Волги, словен в районе озера Ильмень и вятичей в междуречье Оки и Москвы-реки.

Спорным в силу скудности и противоречивости источниковой базы является в историко-юридической науке вопрос о возникновении у восточных славян государ-

¹ Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники. Л., 1940. С. 15–17.

² Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 20.

³ Авдеева О.А. История отечественного государства и права: курс лекций. Иркутск, 2005. С. 40.

⁴ Знамеровский Е.В. История становления и развития российско-китайских отношений на Дальнем Востоке // Тезисы докладов межвузовской научно-технической конференции аспирантов и студентов, посвященной 40-летию ХГТУ. Хабаровск : ХГТУ, 1998. Ч. I. С. 31.

ственности. При всем разнообразии научных подходов к процессу происхождения государства, включая естественную, идеалистическую, психологическую, насильственную, договорную и марксистскую концепции, применительно к происхождению Киевской Руси можно выделить два основных направления.

В отечественной историко-юридической науке вопрос об образовании Древнерусского государства впервые получил освещение в начале XVIII в., когда в Российскую академию наук правительством Анны Иоанновны были приглашены немецкие ученые Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер и А.А. Шлецер. Возглавив кафедру истории, Г.З. Байер, в угоду пренемецкому правительству интерпретируя летопись Нестора «Повесть временных лет» и арабские сказания Ибн Русте, Ибн Хордадбега, аль-Мукаддаси и Гардизи, разработал норманнскую теорию происхождения государства у восточных славян⁵.

Проводя параллель между кризисом государственной власти после смерти Петра I с процессом возникновения Древнерусского государства, немецкие ученые, умаляя в своей теории уровень социально-экономического и политико-правового развития восточных славян, связывали создание Киевской Руси с призванием словен, живших в районе озера Ильмень, к варяжским князьям «правити и владеть ими». В доказательство варяжского происхождения Древнерусского государства сторонники норманнской теории приводили термин «Русь», считая его обозначением одного из северогерманских племен.

На основе норманнской теории, демонстрировавшей социально-экономическую и политико-правовую отсталость восточного славянства, вслед за варяжским происхождением Киевской Руси была разработана теория пантюркизма, согласно которой Древнерусское государство возникло в результате военной экспансии Хазарского каганата, повлекшей тюркское происхождение киевских князей.

Первым критиком норманнской теории происхождения Древнерусского государства выступил М.В. Ломоносов, написавший историю России по поручению императрицы Елизаветы. В противовес летописи Нестора о призвании в 862 г. варяжских Рюрика, Синеуса и Трувора править на Руси, М.В. Ломоносов приводит хронику византийского императора Михаила 852 г., свидетельствующую об активных внешнеполитических связях Византии с государством со столицей в городе Киеве, именуемым «Русской землей».

⁵ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 220.

Научный спор о происхождении Древнерусского государства продолжили виднейшие дореволюционные (В.Н. Татищев, М.М. Щербатов) и советские историки (Б.Д. Греков, В.В. Мавродин, Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров, А.В. Черепнин), отстаивавшие в своих трудах процесс разложения в VI–IX вв. у восточных славян первобытнообщинных отношений, приведший в условиях роста имущественной дифференциации внутри племен к закономерному возникновению государства как политического института, призванного с помощью публичной власти, поддерживаемой в процессе реализации полномочий принудительным аппаратом, урегулировать социальные противоречия⁶.

В подтверждение своей концепции антинорманнисты приводят аргументы относительно происхождения термина «Русь». Большинство ученых связывают термин с притоком Днепра рекой Рось, в долине которой обитало одноименное славянское племя, ставшее основой древнерусской народности.

Таким образом, проделанные научные изыскания по вопросу о происхождении Древнерусского государства свидетельствуют о правовом симбиозе теории насилия, договорной и марксистской теорий применительно к Киевской Руси⁷.

В эпоху этнической революции, наметившейся в начале первого тысячелетия и приведшей к массовым этническим миграциям, на территории Европы происходит активный процесс государствообразования. Доказательством тому служит создание Великоморавского, Чешского, Польского, Хорватского княжеств, Англосаксонского королевства и Аварского, Хазарского, Булгарского царств.

Процесс государствообразования охватил и территорию восточных славян, где, по сведениям арабских историков, в VIII в. были созданы три политических союза славянских племен: Куяба с центром в Киеве, Славия с центром в Новгороде и Артания со столицей в Рязани.

Политическая консолидация восточнославянских племен была вызвана стремлением объединить усилия для противостояния надвигающейся угрозе захвата территории иноземными племенами. Политической консолидации содействовало этническое и

⁶ Ким Е.П., Быков А.В. Эволюция (история развития) российского законодательства по предупреждению преступлений, совершаемых служащими органов местного самоуправления // Российская юстиция. 2010. № 6. С. 32.

⁷ Авдеева О.А. Политика государственного устройства Сибири в XVII — первой половине XIX вв. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2006. С. 25.

языковое единство восточных славян, способствующее налаживанию социально-экономических и политико-правовых связей.

Процесс государствообразования на территории восточнославянских племен заключался в формировании качественно новых институтов публичной власти. На смену военной демократии, предусматривающей сосредоточение властных полномочий в руках каждого племени в руках совета старейшин, осуществлявшего административно-судебные функции, и вождя, избираемого общим собранием взрослого мужского населения для обеспечения территориальной целостности, приходит единовластное правление Великого князя, передаваемое по наследству. С установлением верховной власти Великого князя изменению был подвергнут механизм управления внутри племен. Местная администрация подлежала сокращению и была представлена племенными князьями, избираемыми на вече крупных торговых городов.

Становление государственности у восточных славян усилило их внешнеполитическую активность. Так, на рубеже VIII–IX вв. «Русская земля», включавшая согласно летописям племена полян, древлян, полочан, дреговичей и северян, неоднократно совершала походы в Крым, посещая посольство византийского императора в Константинополе и германского короля в Ингельгейме.

Подобно Киевской земле, внешнеполитической активностью характеризовалась Новгородская земля, установившая торговый путь с прибалтийскими и черноморскими племенами. Однако значительная территориальная протяженность Новгородской земли, слабость внутриэкономических связей в силу труднопроходимости лесов и болот, заинтересованность в условиях «великого пе-

реселения народов» мигрирующих этносов в порабощении восточнославянских племен дестабилизировали внутреннюю и внешнюю ситуацию, выходом из которой стало приглашение знатью «старшего» города Новгорода княжить варягов.

Учитывая своеобразие формы правления в Новгородской земле, связанное с сосредоточением верховной власти в руках Осподы — совета старейшин, избираемого вече, функции князя предусматривали обеспечение внутреннего порядка при сборе дани с покоренных племен и защиты территории в случае вторжения иноземных захватчиков⁸.

Система призвания князей для реализации податно-полицейских и военных функций существовала на протяжении IX–XIV вв., когда князья вместе со своей дружиной приглашались на территорию Новгородской земли из стольного града Киева.

В заключение стоит сказать, что борьба Новгородской и Киевской земель, связанная с военным походом новгородского князя Олега, завершилась созданием в 882 г. государства Киевская Русь, монархическое правление в которой возглавила династия Рюриковичей. Период существования Древнерусского государства охватывает конец IX–XII вв. Расцвет Киевской Руси, наметившийся в IX–XI вв. в результате социально-экономической общности древнерусского народа, сменился этапом феодальной раздробленности, в результате которой Древнерусское государство распалось на административно-автономные княжества и земли.

⁸ Авдеева О.А. Судебная система в Восточной Сибири в XVII — первой половине XIX вв. (сравнительный анализ общеимперских и региональных начал) : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 234 с.

Литература

1. Авдеева О.А. История отечественного государства и права : курс лекций / О.А. Авдеева. Иркутск, 2005. 292 с.
2. Авдеева О.А. Политика государственного устройства Сибири в XVII — первой половине XIX вв. / О.А. Авдеева. Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2006. 156 с.
3. Авдеева О.А. Правовая система России в IX–XII вв. / О.А. Авдеева. Иркутск, 2002. 52 с.
4. Авдеева О.А. Правовая система России в XII–XIV вв. / О.А. Авдеева. Иркутск, 2002. 60 с.
5. Авдеева О.А. Судебная система в Восточной Сибири в XVII — первой половине XIX вв. (сравнительный анализ общеимперских и региональных начал) : дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Авдеева. Екатеринбург, 2001. 234 с.
6. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. Ростов-на-Дону : Феникс, 640 с.
7. Знамеровский Е.В. История становления и развития российско-китайских отношений на Дальнем Востоке / Е.В. Знамеровский // Тезисы докладов межвузовской научно-технической конференции аспирантов и студентов, посвященной 40-летию ХГТУ. Хабаровск : ХГТУ, 1998. Ч. I. С. 31–32.
8. Ким Е.П., Быков А.В. Эволюция (история развития) российского законодательства по предупреждению преступлений, совершаемых служащими органов местного самоуправления / Е.П. Ким, А.В. Быков // Российская юстиция. 2010. № 6. С. 32–34.
9. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б.А. Рыбаков. М. : Наука, 1982. 599 с.
10. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. / Л.В. Черепнин. М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1960. 899 с.

11. Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники / А.А. Шахматов ; Академия наук СССР. Институт литературы ; ред. А.С. Орлов. М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1940. 142 с.

References

1. Avdeeva O.A. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava. Kurs lektzij [History of National State and Law. Course of Lectures]. Irkutsk. Irkutsk, 2005. 292 p.
2. Avdeeva O.A. Politika gosudarstvennogo ustrojstva Sibiri v XVII — pervoj polovine XIX vv. [State Structure Policy in Siberia in the XVII Century and the First Half of the XIX Century]. Irkutsk: Izd-vo «Ottisk». Irkutsk: Impression publishing house, 2006. 156 p.
3. Avdeeva O.A. Pravovaya sistema Rossii v IX–XII vv. [Russian Legal System in the IX–XII Centuries]. Irkutsk. Irkutsk, 2002. 52 p.
4. Avdeeva O.A. Pravovaya sistema Rossii v XII–XIV vv. [Russian Legal System in the XII–XIV Centuries]. Irkutsk. Irkutsk, 2002. 60 p.
5. Avdeeva O.A. Sudebnaya sistema v Vostochnoj Sibiri v XVII — pervoj polovine XIX vv. (sravnitel'nyj analiz obshcheimperijskikh i regional'nykh nachal): Diss. ... kand. jurid. nauk [Judicial System of Eastern Siberia in the XVII Century and the First Half of the XIX Century (Comparative Analysis of General Imperial and Regional Origins): Thesis of ... Candidate of Legal Sciences]. Ekaterinburg. Ekaterinburg, 2001. 234 p.
6. Kim E.P., Bykov A.V. Evolyutsiya (istoriya razvitiya) rossijskogo zakonodatel'stva po preduprezhdeniyu prestuplenij, sovershaemykh sluzhashchimi organov mestnogo samoupravleniya [Evolution (Development History) of Russian Legislation on Prevention of Crimes Committed by Local Self-Government Officials] // Rossijskaya yustitsiya – Russian Justice. 2010. No. 6. P. 32–34.
7. Vladimirovsky-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava [Review of Russian Law History]. Moscow. Moscow, 1995. 640 p.
8. Znamerovskiy E.V. Istoriya stanovleniya i razvitiya rossijsko — kitajskikh otnoshenij na Dal'nem Vostoke // Tezisy dokladov mezhvuzovskoj nauchno-tekhnicheskoy konferentsii aspirantov i studentov, posvyashchennoj 40-letiyu KHGTU [History of Establishment and Development of Russian-Chinese Relations in the Far East // Theses of Speeches of Interuniversity Scientific and Technical Conference of Postgraduate Students and Students Dedicated to the 40th Anniversary of the Pacific National University]. Khabarovsk : KHGTU. Khabarovsk : Pacific National University, 1998. Part I. P. 31–32.
9. Rybakov B.A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. [The Kievan Rus and Russian Principalities in XII–XIII Centuries]. Moscow. Moscow, 1982. 599 p.
10. Cherepnin L.V. Obrazovanie Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vv. [Establishment of the Russian Centralized State in the XIV–XV Centuries]. Moscow. Moscow, 1960. 899 p.
11. Shakhmatov A.A. "Povest' vremennykh let" i ee istochniki [The Tale of Bygone Years and Its Sources]. Leningrad. Leningrad, 1940.